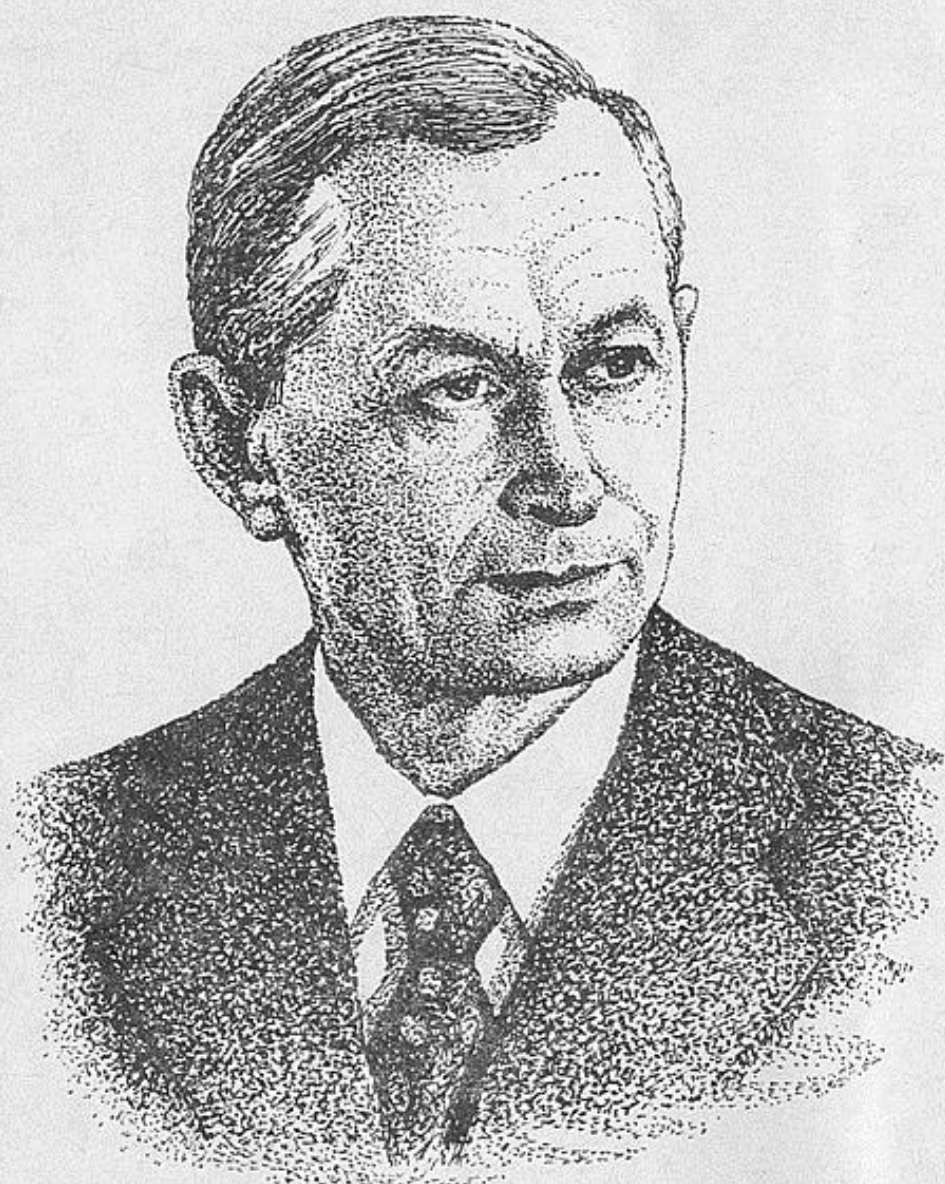

Борис Малиновский
Путь солдата

Борис Николаевич Малиновский родился 24 августа 1921 года в семье учителя. Окончил Ивановский энергетический институт. Член-корреспондент АН УССР, доктор технических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. Прошел путь от солдата до командира артиллерийской батареи. Дважды ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом Трудового Красного Знамени. Лауреат Государственной премии УССР и премии АН УССР им. С. А. Лебедева.

ЗВІТЯГА

БОРИС
МАЛИНОВСКИЙ

ПУТЬ
СОЛДАТА

ПОВЕСТЬ

Київ
1984

«Радянський
письменник»

P2
M19

Рецензенты:

В. И. Кучер, А. М. Хорунжий

Серия «Доблесть»

Борис Николаевич Малиновский

ПУТЬ СОЛДАТА

Повесть

Киев, «Радянський письменник», 1984

Редактор Я. В. Гончарук

Художник М. А. Войнаровский

Художественный редактор Д. А. Лукомский

Технический редактор Л. М. Бобырь

Корректор С. И. Слабошевская

Информ. бланк № 1566

Сдано на производство 21.11.83.

Подписано к печати 10.04.84. БФ 25205.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Литературная гарнитура. Высокая печать.

6,0 физ.-печ. лист., 10,08 усл.-печ. лист.,

10,08 усл. кр.-отт., 10,65 уч.-изд. лист.

Тираж 65 000 экз. Зак. 3-450. Цена в переплете 1 руб. 10 к.

Издательство «Радянський письменник»,

252054, Киев-54, ул. Чкалова, 52.

Книжная ф-ка им. М. В. Фрунзе,

310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

Малиновский Б. Н.

M19 Путь солдата: Повесть.— К.: Рад. письменник, 1984.— 192 с. 1 л. портр.— (Серия «Звितяга»).

Это повесть бывшего фронтовика-артиллериста, ныне члена-корреспондента АН УССР, работающего в Институте кибернетики имени В. М. Глушкова АН УССР, прошедшего тяжелые фронтовые дороги, познавшего горечь тяжких отступлений в начале великой битвы с фашизмом и радость победы. Война днем и ночью, зимой и летом, жизнь в землянке, в лесу и в болоте, тяжелые бои и походы, страдания и короткие минуты радости фронтовика — все есть в этой простой, но искренней солдатской исповеди.

M 4702010200-059
M223(04)-84 35-84

P2

© Издательство «Радянський письменник», 1984

"Путь солдата" Борис Малиновский

http://www.icfcst.kiev.ua/MUSEUM/DIFFERENT/Wbook1_r.html#1-1

Светлой памяти брата Льва посвящая

БОРЯ, ВОЙНА!

Последние часы.

Субботним вечером 21 июня 1941 года я получил увольнительную на целые сутки и пригородным поездом выехал из военного городка в Ленинград. В городке стоял наш 108-й гаубичный артиллерийский полк.

В воскресенье, 22 июня, в Ленинград должна была приехать сестра моего отца – Павла Васильевна, или просто Паля, как звал я ее в детстве. Об этом мне сообщили родители, жившие в Иванове. За два года, что я пробыл в армии, у меня в первый год службы побывал отец вместе со старшим братом Левой, а немного позднее – мать. Считанные часы, проведенные вместе с ними, пролетели для меня как одно мгновение. Когда приехала мать, мне нельзя было даже взять увольнительную. Была середина недели, а нас отпускали из части только по воскресеньям. Выручила меня находчивость старшины. Недолго думая, он отправил мое отделение вязать веники. Построив бойцов, я вывел их из военного городка в лес. Красноармейцы срезали березовые ветви, а я разговаривал с мамой.

Близкая встреча с Палей обрадовала меня, разбудила воспоминания о родном доме, заставила задуматься о будущем: положенные мне два года службы уже заканчивались.

За окном вагона, несмотря на позднее время, было совсем светло. Мелькали деревья, телеграфные столбы, лесные поляны. Мысленно я уже был в родном Иванове. 24 августа мне исполнится двадцать лет. Представил, как появлюсь в этот день в родном доме. Воображение мое начало рисовать одну картину за другой. Тихая, почти загородная улица. Дом с воротами и калиткой в сад, с зелеными наличниками на окнах. Невысокое крыльцо. В сенях темно, я с трудом нащупаю дверь и войду в дом. Мама меня увидит первой, выглянув из кухни в прихожую – посмотреть, кто пришел. Какая радость засветится в ее больших черных и таких ласковых глазах! Как крепко и трепетно она обнимет меня! И сразу же крикнет: "Отец, смотри, кто приехал!"

А он уже входит в прихожую. Мы целуемся, обнимаем друг друга.

"Почему ты не известил нас? Мы бы встретили тебя!" – с ноткой милого ворчания в голосе скажет он.

Вот уже несутся Лелька и Лева – мои сестра и брат. Смотрят и не узнают меня в военной форме. Они-то сами выросли как!

Стоп! Я приостановил полет своей безудержной фантазии. В августе буду еще в армии, чудес на свете не бывает – срок моей службы кончался только в октябре. Родители в последнем письме спрашивали меня о планах на будущее. Ответить на это было не так-то просто. Мне очень хотелось вернуться в институт, откуда был призван в армию, и я верил, что это возможно. Когда нам, студентам-первокурсникам, стало известно, что мы будем служить в армии, нас несколько раз собирали и предлагали поступать в различные военные училища. Часть студентов согласилась, но большинство решило призываться, считали, что, отслужив 2-3 года, можно вернуться в институт. Так думал и я.

На второй год службы моя уверенность в быстром возвращении "на гражданку" стала угасать. Хотя наша страна подписала с гитлеровской Германией пакт о ненападении, чувствовалось нарастание военной опасности, "Странная война" на Западе кончилась разгромом Франции. Гитлер захватил Данию, Норвегию, Югославию и Грецию. Почти вся

Европа оказалась под сапогом фашистских оккупантов. К нам в полк за последние месяцы пришло большое пополнение из числа "приписников". Это было похоже на негласную мобилизацию.

Новый нарком обороны Маршал Советского Союза Тимошенко требовал максимального приближения военных занятий к боевой обстановке. Увеличилось количество боевых стрельб, росли масштабы учений. Мы выезжали в лагеря и тренировались вести артиллерийский огонь в суровые морозы, чего раньше не практиковалось. "Делать все так, как в бою" – стало основным лозунгом армии. Все это заставляло невольно задуматься...

Отправляя домой фотографию, на которой были сняты все сержанты нашей батареи во главе со старшиной, я полушутя-полусерьезно сделал такие дополнения к званиям и фамилиям:

"Старшина Косаговский – участник всех боев и войн; сержант Малиновский – будущий участник боев и войн; старший сержант Парахонский – нигде не воевал",- и так далее.

Старшине я сделал такую запись потому, что он принимал участие в боях на озере Хасан, Халхин-Голе, на Карельском перешейке и любил поучать нас, ссылаясь на свой боевой опыт.

Когда в 1940 году вводились сержантские звания, в газетах много писали о роли младших командиров. Это льстило нашему самолюбию, и мы целиком отдавались службе, хотя большинство и не думало оставаться в армии дольше положенного срока. На глазах друг у друга мы из новобранцев-красноармейцев – простых парней – выросли в опытных, как нам казалось, "бывалых" сержантов, тех, кого в газетах называли "костяком" Красной Армии. "А ведь жаль будет расставаться осенью с ребятами, особенно с теми, с кем бок о бок прожил два года службы",- невольно думалось мне.

Сейчас уже служилось легко, не то, что в первое время, когда все было ново, непривычно, а я был неопытен и неприспособлен для самостоятельной жизни.

Армейские порядки и вообще службу в армии до призыва я представлял только по книгам, прочитанным в школе.

В армию я был призван в 1939 году, в октябре, проучившись два месяца на первом курсе Ленинградского горного института. В 40-м запасном артиллерийском полку начал службу красноармейцем. Два или три месяца спустя бойцов, имеющих среднее образование, направили в полковую школу, и стали называть курсантами.

Утром от крепкого сна нас будил дуэт голосов дневального и старшины Шепеленко:

– Первая батарея, подъем!

Летели в сторону одеяла, мы вскакивали с нар, одевались как можно быстрее, снова лезли на нары – заправлять свои постели. Потом с бешеной скоростью накручивали портянки и совали ноги в сапоги уже под новую команду старшины:

– Батарея, ста-ановись!

На ходу подпоясываясь ремнем, мы бежали в строй.

– Р-равняйся! Смир-рно! Спр-рава нал-лево по пор-рядку р-рассчитайся! Сверхсрочник Шепеленко был, безусловно, великим мастером своего дела. За несколько недель он выучил нас подниматься и заправлять постели за считанные минуты, аккуратно и туго затягивать пояс на гимнастерке, чистить до совершенного блеска пуговицы и сапоги, держать чистыми подворотнички. Арсенал методов воспитания у него был невелик, но действенен. Этому способствовала сама обстановка казармы, построенной еще до революции. Каждый день надо было мыть с опилками цементный пол, чистить холодные туалеты и умывальные комнаты, топить печки, пилить и колоть для них дрова, собирать окурки, набросанные вблизи здания. Все это относилось к обязанности дневальных. Однако первое время это больше выпадало на долю тех, кто, по мнению старшины, плохо постигал правила поведения молодого бойца – опаздывал в строй, пререкался, сбивался с ноги при строевой ходьбе.

Я делал все с великим старанием и скоро стал отличником боевой и политической подготовки. Не все получалось сразу. Поскольку из нас готовили младших командиров, то стали учить командовать отделением. Как будто это просто приказать своим товарищам:

"Отделение, становись! Равняйся! Смирно!" Но у меня, да и у других курсантов, вначале вылетали из горла лишь жалкие подобию раскатистых шепеленковских команд.

Мне долго также не удавались прыжки через "коня" – известный физкультурный снаряд, который мы насмешливо окрестили "кобылой". Старшина и тут придумал простой способ обучения. Когда шли на обед, по дороге он подводил нас к снаряду, стоявшему недалеко от нашей казармы, и мы по очереди разбегались и прыгали через него. Кто выполнял прыжок хорошо – мог идти в столовую. Неудачники оставались и делали новые и новые попытки справиться с "кобылой".

Не обошлось дело и без курьезов. Впервые в карауле стоял ночью, охраняя ворота гарнизонного склада, и на меня чуть не наехал трактор. Он стал приближаться, и я закричал:

– Стой!

Тракторист, конечно, не слышал моего голоса и продолжал ехать. Я заорал во все горло:

– Стой! Стрелять буду! – и почувствовал, что сорвал голос.

А трактор ревел уже совсем близко. Водитель наконец разглядел меня и остановил трактор. Я уже успел зарядить винтовку, нацелил ствол на окно кабины и, дрожа от напряжения, был готов выстрелить, если трактор не остановится...

Тракторист выскочил из кабины. Срывающимся голосом я ему скомандовал:

– Руки вверх!

Потом нажал на кнопку звонка для вызова начальника караула. Тот прибежал, проверил документы "нарушителя", выругал его и отпустил.

– Ты зарядил винтовку? – спросил он меня.

– Да!

– Разряди!

Я осторожно открыл затвор, но патрона в темноте не заметил, мне показалось, что он упал на землю. Минут десять мы оба елозили руками по замерзшей, уже припорошенной первым снегом земле, пока начальник караула не догадался проверить, сколько патронов у меня осталось в магазине. Все пять были на месте. Второпях я не до конца отвел затвор, патрон не пошел в ствол, остался в магазине.

На радостях (а за потерянный патрон строго наказывали) начальник караула не стал меня ругать, только сочно сплюнул и ушел.

Нарядов вне очереди я не имел. Но один раз, в первые дни командования отделением, пришлось мне все же безвинно пострадать. Я проводил занятия по строевой подготовке. В моем отделении был красноармеец, с которым я никак не мог справиться. Чего он только не вытворял? Однажды, когда я устроил перерыв в занятии, он вместо туалета поспешно двинулся к углу нашей казармы и зашел в маленький каменный сарайчик, совершенно пустой и незаконно приспособленный под извечную человеческую нужду. Я это заметил, но не стал делать замечания. Представьте себе мой ужас, когда, повернув голову, увидел командира полка, шагающего прямо к "месту преступления". Поманив меня рукой, он подошел к сарайчику и открыл дверь. Боец, увидев нас, вытянулся по стойке "смирно".

– Хорош гусь! – сказал командир полка, глядя с усмешкой на голоногого красноармейца.

– Это твой боец? – обратился он ко мне. – Вот оба и почистите здесь все до блеска! – И немного мягче добавил: – Это для науки: бойцов не только строевой учить надо, но и воспитывать!

Хлопнул дверью и ушел.

К нашему счастью, старшина не стал расспрашивать нас, для чего нам в этот день понадобились ведро, лопата и швабра. Поработали мы на славу! Говорят, нет худа без добра: боец после этого случая перестал подводить меня. Выходит, командир полка знал, что делал...

Настоящая воинская служба началась для меня, когда я попал в 108-й ГАП, куда был переведен на второй год службы. Это был кадровый полк Красной Армии, вооруженный

мощными 203-миллиметровыми гаубицами. Его славное боевое прошлое еще выше подняло в моих глазах значимость пребывания в армии. Начало истории части положил тяжелый артиллерийский дивизион, который был сформирован 8 июля 1920 г. в составе 48-й стрелковой дивизии II Конной армии. Отличившийся в годы гражданской войны дивизион преобразовали в полк. За отличные показатели в боевой и политической подготовке приказом Реввоенсовета в 1923 году он был удостоен звания "Образцовый". В Красной Армии в то время было только три части, имевшие это высокое звание.

Первым командиром полка был будущий герой гражданской войны в Испании, кавалер трех орденов Красного Знамени В.И. Димитров, болгарин по национальности. Долгое время полком командовал Н.М. Хлебников, бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии.

В сентябре 1939 года полк принял участие в освободительном походе советских войск в Западную Белоруссию, а с ноября 1939 года в составе частей 56-го стрелкового корпуса 23-й армии участвовал в боях против белофиннов.

Я попал в полк, когда он был отведен под Ленинград. За умелые действия и мужество несколько командиров и красноармейцев полка были награждены орденами и медалями. Каждый награжденный представлялся мне человеком необычным, героем в полном смысле этого слова. Да и не только мне. Когда, получив увольнительную на субботу, мы, сержанты, ходили в кино, ни одна билетерша не решалась остановить нашего помкомвзвода, который был твердо уверен, что входным билетом для него является медаль "За отвагу", ярко сверкавшая на его груди.

Здесь, в кадровом полку, я прошел хорошую школу боевой выучки, комсомольской работы, товарищества. Особенно мне нравились занятия по подготовке данных для открытия огня и по управлению огнем артиллерийской батареи. Эту сложную науку я одолел быстро и гордился тем, что на занятиях, проводимых в "учебном классе" – на полигоне, мог быстрее всех младших командиров подготовить данные, безошибочно вел пристрелку и стрельбу на поражение. Выполнение этих задач не входило в обязанности младших командиров. Однако это, вероятно, делалось с той целью, чтобы подготовить из нас младших лейтенантов. Последние месяцы в полку говорили, что тех, кто имеет среднее образование, вместо демобилизации пошлют на курсы младших лейтенантов.

...А поезд уже подходил к Ленинграду.

На Суворовском проспекте в старом трехэтажном доме жила Зоя, дочь Пали. К ней я и поехал. В первые месяцы после призыва Зоя приезжала ко мне почти каждое воскресенье – навестить и что-нибудь привезти: домашнего печенья, конфет, разной снеди. Зима 1939 года началась с лютых морозов. Когда стоял на посту или был на полевых занятиях, ноги мои много раз оказывались на грани обморожения. Из сапог я их вытаскивал, не чувствуя пальцев. Зоя приезжала в туфлях, ждала меня на улице и потом имела мужество прогуливаться со мной у ворот городка. Если бы среди людей понадобилось отобрать эталоны доброты и самоотверженности, то я поставил бы Зою в первый ряд.

Она встретила меня, как всегда, очень тепло и радушно. Но было уже поздно, а ей надо было встать пораньше, чтобы навестить мужа, призванного в армию месяц назад. Мы легли спать.

Утром 22 июня я поехал на вокзал к поезду и долго искал Палю, но, не найдя ее, вернулся к Зое. А Паля была уже там, где-то я ее проворонил. Обсудив ивановские новости, мы отправились посмотреть Ленинград. Было часов десять утра. Город жил обычной жизнью. День выдался солнечный. Мы шли по заполненным людьми и машинами улицам, рассматривая помолодевшие под ярким дневным светом фасады зданий; проходя Невским, постояли на Аничковом мосту – любовались красотой клодтовских коней. От зданий и скульптур словно веяло историей...

Я рассказал Пале, как принимал участие в Первомайском параде. Полк тогда выехал в Ленинград за неделю до праздника. Несколько ночей шли тренировки на Дворцовой площади перед Зимним. Первого мая, в прекрасный весенний день, состоялся большой парад, каких раньше не видали в Ленинграде: необычно много техники, парашютно-

десантные войска, тяжелая артиллерия... Мы ехали в автомашинах, за нами тягачи тащили мощные гаубицы. Нас приветствовал член Политбюро ЦК партии Андрей Александрович Жданов. Крутые плечи и крупная голова выделяли его из всех, стоявших на трибуне. Я первый раз так близко видел одного из известных стране руководителей партии. Восторженное настроение, пришедшее с первых минут парада, не оставляло меня весь день.

А теперь мне было радостно и весело от встречи с Палей. И я, и она не придали значения звучащим из репродукторов, установленных в нескольких местах на Невском, словам диктора о правилах поведения во время воздушной тревоги. Бывая в Ленинграде раньше, я ведь не раз слышал подобные передачи, это было естественно: Ленинград – приграничный город...

Уже возвращаясь к Зонному дому, мы увидели фотоателье. Словно заранее сговорившись, вместе повернули к нему; было около 12 часов дня. Радость встречи сделала наши лица веселыми. "Пусть родные увидят, как мы были счастливы в это воскресенье", – подумал, замирая перед открывшимся темным зрачком фотоаппарата.

Паля устала от ходьбы, дома сразу легла отдохнуть, а я сел у окна и стал читать "Хромого барина" А.Н. Толстого. Около двух часов в коридоре раздался сильный шум. Паля проснулась, вышла из комнаты. Вернулась и сказала, бледнея на глазах:

– Боря, война! Дворник обходит квартиры и говорит, чтобы запасли песок – тушить пожары от зажигательных бомб.

"Мне же надо быть в части", – молнией пронеслось у меня в голове.

Я вскочил, сунул книгу на полку и, продолжая свою мысль вслух, сказал Пале, что должен ехать в полк. Она пыталась уговорить меня поесть. Но до еды ли было? Я пулей выскочил на улицу. Паля бежала за мной. На улице немного успокоился – все было прежним. Садясь в трамвай, сказал Пале:

– Если все это вымысел дворника, не пиши домой, что я убежал от тебя. Пусть думают, что мы провели вместе весь день.

По дороге на Финляндский вокзал, откуда шел пригородный поезд, смотрел на ленинградские улицы, но не видел никаких признаков начавшейся войны. Лишь перед самым вокзалом навстречу провезли зенитную пушку. Я купил билет, сел в поезд, – все как обычно. В вагоне рядом со мной оказался майор. Он достал отпечатанные на машинке листы и начал читать их. Мне стало видно написанное. Это был, как потом он мне объяснил, текст выступления Вячеслава Михайловича Молотова по радио о вероломном нападении гитлеровских войск на нашу страну. Значит, война действительно началась!

"Очевидно, командование полка ничего не знало о возможном нападении – иначе меня не отпустили бы в Ленинград, да еще на субботу и воскресенье! Что теперь будет с родителями, Левоу, Лелей? Каким будет мой путь к дому? Дошагаю ли? Не попадет ли мне за то, что так поздно возвращаюсь в часть?" Мысли мои перескакивали без всякого порядка с одной на другую...

Сойдя с поезда и сразу же увидев знакомого командира отделения, я, все еще под впечатлением спокойствия, царившего на ленинградских улицах, не утерпел и спросил его:

– Ты знаешь, что война?!

– С 5 часов утра для нас это не новость, – ответил он. – По боевой тревоге полк выехал в лес, – и показал, куда идти.

Я заглянул сначала в военный городок, в свою казарму, но никого там не нашел. Койки, тумбочки, столы стояли в беспорядке.

В лесу, километрах в 5 от военного городка, встретил политрука дивизиона Суханова. Доложил, что прибыл из увольнения, объяснил причину опоздания. Ему было не до замечаний.

В дивизионе кипела работа. Полк готовился к погрузке в железнодорожные эшелоны. Небольшая часть бойцов и командиров должна была остаться в городке, чтобы принять пополнение и сформировать новый полк. Шел раздел имущества и людей. Мои бойцы были на станции, там строилась эстакада для погрузки орудий.

Поздно вечером я и несколько младших командиров пришли в опустевший военный городок. Белая ночь создавала иллюзию дня. Тем более непривычны были притихшие казармы, безлюдный плац и пустая площадка для орудий. Каждый из нас, проходя мимо знакомых мест, думал о чем-то своем. Что война принесет много горя и бед – это понимал каждый. Однако сколько еще в нас было мальчишеского оптимизма, веры в близкую победу, в исключительность своей судьбы, где все задуманное должно сбываться! Для меня отправка на фронт означала, что я уже не попаду на курсы младших лейтенантов. То, что мне, из-за войны, предстояло оставаться в армии еще какое-то время, не беспокоило меня: это воспринималось как святой долг. Главное в том, что мечта об институте оставалась, хотя и отодвигалась на какой-то срок:

Мы обошли городок и задержались у своей казармы. Первым нарушил молчание Парахонский:

– Вчера послал письмо: жди, дорогая жена, скоро вернусь. Ночью сон приснился: веду урок в школе – я ведь учитель... Утром слышу – кричат: "Боевая тревога! Война!" А я вставать не хочу, не верю, урок кончаю...

Он обнял одной рукой меня, другой – стоящего рядом младшего командира, радиста Ваню Зиненко и продолжал:

– Представляете, что было в приграничных частях? Такие же парни, как мы, такие же казармы, военные городки. И вдруг – обстрел, кровь... Бандиты!

– Наши им за это дадут жару! И мы поможем! – с задором сказал Зиненко.

– Это точно! Здесь мы не засидимся, – согласился Парахонский. Он задумался, а потом твердо закончил:

– Война войной, а спать надо! Пошли!

Парахонского я очень любил и уважал. Мне он помог перейти от детства к юности, много беседовал со мной, советовал. Я со своей стороны жадно воспринимал его жизненный опыт и платил большим уважением этому очень умному человеку. Его последние слова как-то успокоили меня, вывели из возбуждения, в котором я был весь этот нескончаемый день, растянувшийся во времени из-за стольких переживаний, разговоров и обсуждения тех перемен, что сегодня произошли в дивизионе.

Мы вышли из городка и зашагали к лесу.

На фронт!

Весь следующий день мы грузили гаубицы, трактора, автомашины и ящики со снарядами на железнодорожные платформы. Меня назначили командиром отделения разведки взвода управления дивизиона вместо сержанта, переведенного во вновь формируемую часть. Всем уезжающим выдали "медальоны" – жестяные плоские коробочки со вложенным в них листочком пергаментной бумаги. На моем было написано: "Малиновский Борис Николаевич, 1921 года рождения. Иваново, 1 Приречная, 19. Отец – Малиновский Николай Васильевич. Мать – Малиновская Любовь Николаевна". Уже значительно позднее, на втором году войны, вместо жестяных "медальонов" появились пластмассовые в виде трубочки – они лучше защищали бумагу от влаги. А я всю войну проносил свой жестяной. Перед концом войны как-то раз даже подумалось (скрывать не хочу): "Медальон-то счастливый – не скосила та, что на войне всегда рядом с солдатом ходит, а сколько раз пыталась..."

Когда эшелон был готов к отправке, проводить нас пришел начальник гарнизона, пожилой полковник, участник гражданской войны со многими орденами на груди. Он обнял командира нашего полка, крепко поцеловал его. Они стояли рядом с нашей теплушкой, и мне было видно, как по лицу полковника текли слезы. Тогда я не понял и не очень пытался себе объяснить, чем они вызваны.

Настроение у всех нас и у меня было приподнятое. За моей спиной, в теплушке, гремела песня. Ее завел замполит Степаненко, бессменный запевала нашей батареи:

...Если завтра война, всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко!

Бойцы дружно подхватили припев. Эшелон тронулся.

Новое назначение, напряженная, без минуты отдыха, тяжелая работа днем, прощания на вокзале, разговоры о первом дне боев на западной границе – все это взволновало меня, невольно думалось: "Какие же дороги и фронты нас ожидают?"

Через сутки полк выгрузился севернее Выборга и после ночного марша занял боевой порядок на границе с Финляндией, объявившей нам войну вместе с гитлеровской Германией. Был получен приказ поддерживать пограничников, пресечь любую попытку нарушения границы, ставшей линией фронта.

Командир нашего дивизиона, капитан Евгений Леонтьевич Кудряшов, выбрал наблюдательный пункт на скалистой высотке, заросшей редким, невысоким сосновым лесом. Наблюдательные пункты батарей выдвинулись вперед – к самой границе. На склоне нашей высотки, обращенной к поляне, находился недостроенный дот. Он был пуст, вход в него был закрыт. Мы выкопали маленькие окопчики в каменистом грунте на самом верху нашей сопки, под деревом, ставшим нашим наблюдательным пунктом. На склоне, обращенном к границе, вырыли окоп для разведчика с ручным пулеметом.

Я залез на дерево, поудобнее устроился на раскидистых ветвях и стал в бинокль рассматривать впереди лежащую местность, сличая ее с картой. Сначала все сливалось в бесформенную зеленую массу, покрытую легким дрожащим летним маревом. Постепенно линия границы начала проясняться. Две или три сопки, отмеченные на карте и расположенные вблизи границы, хорошо просматривались на местности. Мне даже показалось, что на одной из них я вижу пограничную просеку. До боли в глазах, весь наполненный ожиданием чего-то необычного, всматривался я в то место, стремясь заметить какое-либо движение. Но ничто не нарушало лесного покоя. Ни я, ни разведчики, сменившие меня, не обнаружили никаких целей. Тишина стояла и ночью. Какой же это фронт?!

Наше отделение так и оставалось на наблюдательном пункте. Остальная часть взвода располагалась в районе огневых позиций, километрах в пятнадцати. Дни стояли жаркие, солнечные.

На четвертый день, успокоенные тишиной и разморенные жарой, мы собрались у наших окопчиков и слушали рассказы помкомвзвода, участника боев с белофиннами, награжденного медалью "За отвагу". Командира дивизиона не было, он ушел на наблюдательный пункт одной из батарей. Стояли группой, человек пять, изредка окидывая взглядом белевший за стволами деревьев двухэтажный дом пограничной заставы. Вдруг помкомвзвода упал ничком, хотя, как нам казалось, страшного ничего не произошло: негромкие разрывы в районе заставы и долетевшие со стороны границы звуки далеких минометных выстрелов не произвели на нас впечатления. Увидев распростертого у наших ног помкомвзвода, только что рассказывавшего о своем боевом прошлом, мы, как по команде, громко расхохотались. А он, стыдливо улыбаясь, поднимался с земли. Вдруг страшный свист и грохот взорвавшейся рядом мины инстинктивно уложил нас на землю. Но лишь кончили шипеть осколки, как все вскочили на ноги; вспоминая судорожные броски, мы показывали друг на друга пальцами, захлебываясь от смеха: оказывается, и сами не такие уж храбрецы! Война с ее кровью и смертями еще не воспринималась нашим сознанием: отсутствие опыта мешало понять всю опасность происходящего. Но долго ждать не пришлось. Кругом стали рваться мины. Мы снова распростерлись на земле, неистово вжимаясь в нее. Кое-кто сумел упасть в окопчики, но они оказались так малы... Жуткий вой

летающих мин, совсем близкие оглушительные разрывы, ливень свистящих и шипящих осколков и выброшенных взрывами камней, молотивших по деревьям и земле, сжали тело и душу напряженным ожиданием: пронесет ли?... Казалось, обстрел никогда не кончится... Наконец на смену взрывам и вою пришел острый запах горевшего тола и земляной пыли. Теперь уж всем нам стало не до смеха. Потрясенный и полуоглохший, я кое-как втиснулся в один из свободных окопчиков. Мелькнула мысль: "У подножья высоты, где было особенно много разрывов, дежурил с ручным пулеметом разведчик Кольцов. Что с ним?" Не раздумывая, вскочил и побежал вниз. Оглушительный разрыв взметнул землю совсем рядом, когда я свалился на голову разведчика. Хорошо, что окоп оказался поглубже и места хватило обоим! Сильная боль в локте и бедре, которыми я, прыгая, задел каменистую стенку окопа, были расплатой за мой необдуманный шаг. А могло быть и хуже!

Обстрел временно прекратился. Финны перенесли огонь на пограничников, сильная автоматная и минометная стрельба, разрывы мин раздавались впереди нас, там, где проходила граница. По нашей высоте стелился едкий дым, покрытая воронками взрывов земля издавала резкий противный запах.

Одна из наших батарей открыла огонь. Стокилограммовые снаряды 203-миллиметровых гаубиц с шипением пронеслись над нами и разорвались где-то в районе перестрелки. К ней присоединилась вторая, третья. Вражеские минометы замолчали.

Пользуясь перерывом в обстреле, перебежал обратно, забрался на НП. То, что увидел, было совсем не похоже на привычную для моих глаз картину: лес в районе границы затянуло сизовато-серым дымом. Бурые фонтаны из земли и камней, выбрасываемых при взрывах снарядов, то и дело поднимались над приграничной сопкой, откуда финны вели огонь. Дом заставы горел. Выросшее над ним большое облако желтого цвета быстро двигалось в нашу сторону. "Может, финны применили отравляющие вещества?" – подумал я и, спустившись вниз, приказал проверить и приготовить противогазы. Все напряженно ждали, что будет дальше. Бойцы зарядили винтовки, сам вытащил наган и держал его в руке...

Постепенно стрельба стихла. Облако над заставой превратилось в едкий, стелющийся по земле дым. Но мы еще ждали, что вот-вот обстрел начнется снова. Мозг и тело не успокаивались, возникшее возбуждение не проходило. Пороховые запахи будоражили воображение. Не выпуская нагана из руки, настороженно обошел высоту и вернулся на НП. Пока меня не было, бойцы одной из батарей принесли убитого связиста-красноармейца Сузи, финна по национальности, лучшего лыжника дивизиона. Множество осколков пробило ему голову.

Вот она – смерть... Выходит, нас спас случай, ни у кого даже царапины. Мои – не в счет.

"Рада весточке от тебя"

Несколько дней спустя я увидел проходившую по нашей высоте девушку в красноармейской форме. Быстрым и легким шагом она прошла мимо, не замечая меня. Вероятнее всего, это была санинструктор с пограничной заставы. Тогда, в моем представлении, все женщины, кроме близких родственниц, казались какими-то загадочными и далекими. Участь в школе, я общался с девочками только при выполнении общественной работы и не пытался ближе познакомиться с какой-нибудь из них, хотя еще в 5-6 классе был по-мальчишески увлечен Таней Тлеловой, круглой отличницей, полной и красивой девочкой из параллельного класса Родниковской средней школы. С переездом в Иваново в 1935 г. моим кумиром стала Таня Чебаевская, соученица по 8-му, 9-му и 10-му классам. Она прекрасно занималась по всем предметам и одновременно задавала тон в тех делах школьной жизни, которые определяются ее неписаными законами. К занятиям почти не готовилась, домашние задания выполняла на переменах. Последнее меня особенно поражало и покоряло. Я тоже был отличник, но тратил на занятия всю внешкольную половину дня. На меня Таня не обращала внимания. Впрочем, ее отношение ко мне лучше проиллюстрировать ее же

стихами из "Сатирической поэмы" о нашем классе:

В десятых классах водятся
различные создания,
но лишь немногие из них
достойны описанья!
Вот Малиновский, например,-
краса и гордость наша,-
всегда прилежен, скромен, тих
и слушает папашу.
С ним рядом – верный Москвичев,
сонливый, словно филин,
а в голове – вагон ума
и два вагона пыли.
А сзади – Вова Шерстунов...

Таня выделялась не только блестящими способностями. Это была красивая, высокая, стройная девушка. Ее живое, подвижное лицо украшали светло-серые большие глаза, смотревшие всегда прямо на собеседника, чуть пухлые полные губы и высокий лоб. Светлые волосы падали до плеч. С мальчиками она держалась свободно, а если ее обижали – могла дать сдачи.

Перед уходом в армию в 1939 году я подговорил Васю Москвичева, с кем три года сидел за одной партой и который тоже был призван в армию, зайти к Тане на квартиру. Мы были у нее минуты три, чувствовали себя очень скованно. На прощание она сказала: "Пишите". Этого было достаточно, чтобы я в течение первого года службы регулярно раз в месяц посылал ей письмо с коротким рассказом о своих армейских делах. Ответов я не получал. Потом стал писать реже...

В тот день, когда увидел девушку-красноармейца, она мне напомнила Таню, я и послал в Иваново почтовую открытку. Не надеясь на ответ, написал всего лишь несколько фраз.

"Здравствуй, Таня!

Тебе, наверное, пишут со всех фронтов. Предлагаю тебе еще одного красноармейца с Северного фронта. Борис."

Дней через десять я держал в руках письмо, на котором Таниным почерком были написаны мой адрес, фамилия и имя! С каким волнением я читал и перечитывал откровенные и теплые слова этого письма!

"Здравствуй, Боря! Я очень рада весточке от тебя. Я и раньше получала твои письма, меня они очень радовали. Но ты не знаешь, какая я плохая..."

Дальше Таня описывала, как она, вместе со всеми студентами Ивановского энергетического института, где она училась, ездила на заготовку дров, как изменилось Иваново за прошедший месяц войны и что ей известно о наших однокашниках по школе. Я не мог понять, почему Таня думает, что она плохая, объяснений каких-либо не было, и я не придал этому никакого значения. Наоборот, письмо окрылило меня, и я несколько раз перечитывал его, а потом дня два писал ей ответ, пытаясь сделать письмо поинтересней...

ИСПЫТАНИЕ

Эшелоны, эшелоны...

В конце июля полк сняли с обжитого и относительно спокойного участка Северного фронта и перебросили к старой границе с буржуазной Эстонией. В нескольких километрах от Нарвы эшелоны выгрузились, дивизионы маршем двинулись на запад. По дороге обогнали несколько подразделений народного ополчения.

Судя по сводкам, Прибалтика была уже почти вся занята фашистами. Может, нас перебрасывали для наступления? Но на это не было похоже. Кроме ополченцев, никаких других войск к фронту не двигалось. Да и они еще без воинского обмундирования, без вооружения.

За Нарвой простояли несколько дней в лесу. Наш дивизион даже не развертывался. Был получен новый приказ; как можно быстрее вернуться обратно на железнодорожную станцию и срочно грузиться в эшелоны. Командование, очевидно, почувствовало вражеский замысел устроить "котел" нашим войскам на этом участке фронта и постаралось в первую очередь отвести назад тяжелую артиллерию. Ведь каждую нашу гаубицу перевозили два трактора. Один тащил ствол, другой – лафетную часть. Скорость передвижения – 7-10 км в час. Своим ходом далеко не уйдешь.

В первых числах августа мы выгрузились недалеко от Тихвина и двинулись к городу. Чем ближе подходили, тем больше встречалось беженцев. Шли женщины, старики, дети, с узлами и просто так. Среди бредущей толпы двигались повозки. Их тащили лошади, коровы, а то и люди. Зрелище было ужасное, горькое.

Тихвин встретил едкой гарью: немецкие самолеты только что разбомбили привокзальные склады, они еще горели. Зениток в городе не оказалось, самолеты разбойничали безнаказанно.

В лесу за Тихвином разбили палаточный городок. Привели в порядок материальную часть. Помылись в теплой застойной воде старого шлюза, сохранившегося от когда-то действовавшего здесь канала. С нарастающей тревогой читали сводки с фронта: враг приближался к Ленинграду, Киеву, Одессе... Терялись в догадках: что случилось? Твердо надеялись: вот-вот выдохнутся отборные гитлеровские части, выступит против Гитлера рабочий класс, совершится перелом в войне...

Раза два прошелся по окраинам старинного города с песчаными, не мощеными улицами. Две или три теплых августовских недели пролетели незаметно. И вот опять эшелон...

Что мы окажемся на фронте, сомнений не было. Слишком тяжелое наступило время, чтобы думать о чем-то другом.

Останавливались часто, даже на полустанках и разъездах. На одной из таких остановок помогли... попу! Рядом с нами встал состав теплушек, заполненных эвакуируемым гражданским населением. Когда он снова тронулся, мы услышали истошный крик, а затем раздался дружный хохот солдат: с пригорка, догоняя уходящий состав, в рясе, закинутой на плечи, бежал поп, делая нелепые прыжки из-за спутанных штанами ног, оглушительно вопя:

– Во-осподи, останови! Во-осподи, останови!

Очевидно, солдатский гогот и отчаянные крики попа насторожили машиниста – поезд замедлил ход. Неудачник, поправив рясу, вскарабкался в вагон...

Куда же все-таки перебрасывают нашу часть? Командование полка, наверное, знало. Мы же следили за станциями. На второй день понял: эшелоны пройдут через Иваново! От радости не знал, что делать,- на одной из станций пересел из теплушки в кабину автомашины, стоявшей на открытой поездной платформе, и запел известную тогда всем "Катюшу". Впрочем, вряд ли это можно назвать пением. В детстве я никогда не пел, да и сейчас не пою. Нет ни голоса, ни слуха. В строю – после команды старшины: "Запевай!" – только открывал и закрывал рот, пытаюсь создать видимость пения, чтобы не заработать наряд вне очереди.

В нашей семье я был третьим ребенком. По семейному преданию, отец при моем рождении сказал: "Ну вот, опять мальчишка!" Зато потом родилась девочка – моя сестра, а первенец, Костя, умер от скарлатины. Нас осталось трое. Отец и мать работали учителями. Когда я родился, они жили в селе Лух Ивановской области. Году в 1925-м наша семья переехала в город Родники, а в 1935-м – в Иваново. В школу пошел одновременно с братом Лево-й в первый, а он, подготовленный дома отцом,- сразу в четвертый класс. Отец и мать очень любили нас. В дни болезней мама вся отдавалась уходу за нами. Отец, внешне

суровый и неласковый, был очень добрым человеком. С мамой они жили так, что в моей памяти нет случая не только ссоры, но даже намека на недовольство друг другом. Единственными замечаниями, которые позволял себе отец по отношению к матери, и то в шутильной форме, были напоминания, что где находится: отец очень любил порядок во всем, а мама его часто нарушала.

Нам предоставлялась полная свобода действий. Это сказалось и на том, что, когда я после десятого класса решил поступать в Ленинградский индустриальный институт¹, ни отец, ни мать не сказали ни одного слова против. Отец учился в этом городе² и тогда еще полюбил его. Он рассчитывал, что мне можно будет вначале пожить у моей двоюродной сестры Зои, давно перебравшейся в Ленинград.

Аттестат отличника в то время давал право поступления в вуз без экзаменов. Меня приняли, но не дали общежития. У Зои, которая меня приютила, в маленькой комнате жило трое: она, муж и дочь, ей было трудно и без меня. Увидев объявление, что горный институт предоставляет студентам общежитие, я сумел еще до начала занятий перейти туда. Начал старательно заниматься. Было трудно отвыкнуть от родного дома. Читая письма от отца и матери, полные заботы и участия ко мне, нередко потихоньку пускал слезу. Когда в газете прочитал указ о призыве в Красную Армию окончивших среднюю школу в 1939 году, решил, что он меня не коснется, и написал домой об этом. А через десять дней получил повестку из военкомата.

...Полный радостного ожидания, я перебрался обратно в теплушку и забрался на нары, где уже спали остальные бойцы.

Утром 24 августа наш эшелон прибыл в Иваново. Остальные были еще в пути. Попросив разрешения у старшего по вагону замполита Степаненко повидаться с родителями и приехать следующим эшелоном, помчался домой. Через полчаса, запыхавшийся, толкнулся в садовую калитку. Она оказалась запертой. Я перескочил через забор, подбежал к крыльцу и с бьющимся гулко сердцем вошел в дом. В комнате, которая у нас называлась столовой, сидели отец, мать и сестра, они о чем-то разговаривали. Удивлению их не было предела. Обнимая меня, они никак не могли прийти в себя. Да и я сам, прилетевший в родной дом, как на крыльях, все еще не верил, что это свершается наяву! Целый час разговаривал с папой, мамой и Лелей! Какое это счастье – видеть самых близких тебе людей после долгой разлуки! К тому же – приехав с фронта, познавши войну, – пусть самую малость...

У них ввели карточки на продукты; отец из обычной средней школы перешел в спецшколу с авиационным профилем обучения; мать стала работать статистиком в госпитале, который, кстати, разместился в моей бывшей школе. В саду отец вырыл длинную щель – на случай воздушного налета. Лева пошел добровольцем в армию, не закончив институт. Его направили в танковое училище. Сказав мне его адрес, отец добавил:

– Вдруг и вас туда повезут? Так хотелось бы, чтобы вы встретились!

Нужно было возвращаться на вокзал. Следующий эшелон должен был появиться часа через два. Мы даже не успели зайти к Пале, жившей рядом. Все пошли меня провожать. Захватили с собой продуктовые карточки, купили по дороге пирожки и шоколадку. И все отдали мне. Я отказывался, но куда тут!

Шли мимо дома Тани Чебаевской. Мне так захотелось увидеть ее! Вдруг встретится на пути?! И когда я представлял, как это может произойти, сердце мое начинало молотом стучать в груди: что она скажет мне?

Но вот мы и на вокзале, да в последнюю минуту – эшелон отходит. Прощайте, мои дорогие! Трудно вам, хотя вы и в далеком тылу! Что еще будет впереди? Я быстро обнял, поцеловал всех по очереди, вскочил в теплушку. Поезд ускорял ход. Отец снял шапку и низко поклонился. Мама стояла неподвижно, смотрела на меня и часто-часто моргала.

---

¹ Теперь политехнический.

² В археологическом институте.

Лелины глаза повлажнели...

"А ведь сегодня мой день рождения! Совсем забыл об этом!" Не успел я так подумать, как мама, словно, угадав мою мысль, вдруг улыбнулась, тронула отца за рукав, что-то проговорила ему, а мне показала, как качала меня маленького на руках. И отец и Леля тоже заулыбались и долго-долго – пока было видно – махали мне руками.

Сейчас, когда родителей уже нет и я сам стал отцом троих детей, думается, сколько надо было иметь мужества, истинного патриотизма, родительской любви, чтобы вот так, без стонов и плача, проводить еще одного – теперь уже младшего сына, в дальнюю, а возможно, последнюю дорогу!

Не таким представлял я этот день, замечтавшись в вагоне накануне войны!

...Отец как в воду смотрел. Полк разгрузился на станции, название которой было указано в адресе брата.

Был полдень. Я спросил у проходившего мимо военного, где танковое училище. Оно оказалось рядом. Шел туда и все не верил, что увижу Леву. В детстве мы были всегда вместе и очень любили друг друга. Брат рос высоким и тощим, а у меня все было наоборот. "Пат и Паташон", "Дяденька, достань воробышка!" – кричали нам мальчишки. Да и взрослых он удивлял своим высоким ростом.

Рота танкистов в черных шинелях шла от столовой. Левину голову – она была выше всех – я увидел сразу. Подошел к сержанту, сопровождавшему роту, сказал, что только что прибыл с фронта, хочу видеть брата. Леву вызвали из строя. Мы обнялись, и я почувствовал, что горло мое перехватывают рыдания, а из глаз произвольно текут слезы. В Иванове вел себя, как и подобает солдату, но тут, когда увидел бритую голову Левы, на которой раньше так красиво, с небольшой волной, лежали пшеничного цвета волосы, его черную солдатскую шинель танкиста и зримо ощутил перемену в его судьбе, не выдержал... Он очень возмужал и стал еще больше похожим на нашего отца в молодости.

Конец августа и сентябрь пролетели как один день. Нашу часть переименовали в 108-й пушечный артиллерийский полк, а тяжелые гаубицы сменили легкими 107-миллиметровыми пушками. Дальность стрельбы у них та же – 20 км, а снаряд легче – всего 18 кг. Меня назначили помкомвзвода и командиром отделения разведки взвода управления одной из батарей. Жили мы в больших землянках с двухэтажными нарами внутри. Утром вместо зарядки купались в озере. Потом – боевая подготовка. Старался почаще бывать у Левы. Но у курсантов были более строгие порядки. Часто возвращался ни с чем – занятия в училище шли днем и вечером. Все же мы виделись хотя бы раз в неделю. В первую встречу отошли от лагеря, я достал свой наган, и мы по очереди стали стрелять по самодельной мишени – листку бумаги с нарисованным на нем небольшим черным кружком. Я больше мазал, а Лева с тридцати шагов бил пуля в пулю. Он еще в школе увлекался стрельбой и сдал нормы на значок "Ворошиловский стрелок".

10 октября полк подняли по боевой тревоге. Наш дивизион отправлялся первым, у меня не было даже нескольких минут, чтобы сбежать попрощаться с Левой. Неужели я его так и не увижу?

Когда забирался в теплушку, услышал свое имя. Ко мне бежал Лева! Кто-то передал ему, что артиллерийский полк грузится на станции. Мы успели только обняться. Лева помог мне снова вскочить в вагон. Поезд ускорял ход.

– Напиши домой, как проводил меня! – крикнул я. Бойцы уже задвигали дверь теплушки. Нет, не думал тогда, что эти мгновения, проведенные с братом, станут так дороги и памятли...

На западе горит небо

Москва встретила оглушительной стрельбой зениток. В небе висели аэростаты заграждения. Шел воздушный налет.

Уже не впервые эшелоны из солдатских теплушек и платформ с орудиями увозили

полк на фронт, а настоящие бои все еще обходили нас стороной: перестрелки на границе с Финляндией и в Эстонии можно было считать только первым боевым крещением. Теперь, наверно, попадем куда надо: обогнув Москву, эшелоны повернули на запад. Кто-то вытащил карту европейской части СССР, и мы пытались представить по ней расположение наших и немецких войск на Западном фронте.

Выходило, что от оставляемых нашими войсками городов до столицы меньше ста километров...

Солдатские теплушки! Временное жилье на колесах миллионов солдат, беженцев, эвакуируемых. Сколько разговоров и дум прошло-пронеслось под гулкой стук колес! Сколько жарких споров вели едущие на фронт солдаты, пытаясь понять причины отступления! Вот и сейчас... Первым "завелся" Парахонский.

– Плохо воюем! - сердито сказал, перестав разглядывать карту. - В гражданскую войну подвигов было больше! Железными были люди, ради общего счастья себя не жалели!

– Точно! – поддержал Зиненко. - Иначе не отступили бы почти до Москвы!

– Не согласен с обоими, - не поддержал спорщиков старшина Косаговский, - на Хасане и Халхин-Голе такие же солдаты, как мы, проявили массовый героизм, дело в чем-то другом!

– Так в чем же? – не унимался Парахонский. - Почему мы не ответили двойным ударом по врагу?

– А вот теперь понюхаешь настоящую войну – так поймешь! – выкрутился старшина. - Кончай споры-разговоры!

Большинство из нас были на стороне зачинщиков спора, а в душе каждый мечтал, очень хотел совершить что-то необычное, героическое, еще не понимая, что подвиг приходит не сам собой, а дорогой воспитания стойкости, мужества, умения воевать.

Только потом оставшиеся в живых, узнав через много лет о тысячах подвигов в первые дни и месяцы войны, поймут, что каждый из спорящих был по-своему прав.

...Поздно вечером 15 октября разгрузились на станции Завидово под Калинином и разместились в близлежащем лесу. Стемнело. В глубине леса то тут то там раздавалось тоскливо-безнадежное мычание. Наступили холода, опавшие листья закрыли траву, и коровам (отбились, видимо, бедняги, от стада, перегоняемого в тыл) в осеннем лесу нечего есть.

Меня позвал командир взвода, лейтенант Смирнов, пришедший из штаба дивизиона, приказал ехать с ним. По-моему, комвзвода сам точно не знал куда именно: всю дорогу он нервничал, часто смотрел на карту, ничего не объясняя. В нашем полку он появился перед самой войной вместе с большой группой молодых лейтенантов, выпускников артиллерийского училища. Смирнов сразу выделился крайним индивидуализмом – у него не было товарищей, самолюбием. Его необдуманные приказы ставили меня и других сержантов в ложное положение, вызывали конфликты. Победа оставалась за нами. Смирнов перестал орать и раздражаться по любому поводу, но взаимная неприязнь осталась.

Никого мы не увидели, нигде не останавливались. Возвратились, как я понял, ни с чем.

Утром, продрогшие от холодной и беспокойной ночевки, мы быстро собрались и двинулись по шоссе Москва – Ленинград в направлении Калинина. Наша колонна из автомашин и тракторов, тащивших пушки, растянулась на много километров. Навстречу – нескончаемый поток беженцев. Большинство пешком, кое-кто на повозках. Легковые автомашины, изредка встречавшиеся, тащились со скоростью толпы. Шоферы подавали сигналы, но тем лишь вызывали раздражение возбужденных несчастьем людей. Это были калининцы.

Толпа расступалась, пропуская колонну войск. Иногда на дороге возникали заторы, и тогда люди начинали нервничать, женщины и дети плакали. Страх и гнев, отчаяние и надежда смешались во взглядах, обращенных к нам:

Постепенно на дороге остались только мы. К вечеру сделали небольшую остановку в какой-то деревне. Наши командиры зашли в дом, где расположился штаб полка. Возвратились озабоченные.

Лейтенант Смирнов прыгнул в кузов машины, волнуясь, рассказал обстановку: позавчера, 14 октября, гитлеровцы неожиданным ударом танковых частей заняли Калинин. Врага остановили курсанты Калининского пехотного училища, бойцы 5-й дивизии, только что прибывшей в Калинин для отдыха и пополнения после тяжелых боев и потерь в Прибалтике, и батальон Калининского народного ополчения. Наш полк в Москве задержали и вместо Харькова направили сюда. Командиру батареи приказано: к утру занять наблюдательный пункт в районе элеватора, что на окраине Калинина, орудия установить на огневой позиции у села Эмаус и быть готовым поддержать артогнем стрелковые подразделения. Все слушали молча, проникаясь сквозившей в его словах тревогой и озабоченностью.

Наша машина первой вновь двинулась по шоссе. На выезде из деревни у обочины стоял грузовик, из кузова донеслись тяжелые стоны раненых.

Вдруг Смирнов заговорил снова:

– Слышал, уходя из штаба, что на нашем участке,- он запнулся, словно раздумывая, договаривать или нет,- появилось новое оружие – какая-то "мясорубка". Толком не успел спросить, что немцы придумали...

Густели сумерки; впереди, постепенно охватывая горизонт, разрасталось огромное огненное зарево.

Всполохами пожаров запестрило ночное небо, горел Калинин. А ведь несколько дней назад, когда мы выезжали из Горького, он считался тылом...

"Мессер" и "мясорубка"

Ранним утром командир батареи старший лейтенант Петров, лейтенант Смирнов, я, разведчики Богданов и Федотов вышли на опушку березового леса. Впереди в слабом тумане виднелся элеватор. От него тянуло дымом и запахом горелого хлеба. Вероятно, и он попыхал ночью огнем, словно поливая кровью горизонт. Между ним и нами – раздольный безжизненный луг, без единого кустика, с бугорками земли метрах в трехстах от элеватора: там залегла наша пехота. Осенний безлиственный лес плохо укрывал нас. Под раскидистой березой, прячась за ее широкий ствол, стали рыть окоп для наблюдательного пункта. Почва глинистая, твердая. Солдатскими лопатками копать тяжело и медленно, то и дело попадались корни дерева. Эх, если бы настоящую лопату в руки да поострее! С трудом соорудили неглубокий окоп, справа и слева от ствола березы сделали небольшой земляной бруствер и присели отдохнуть. Командир взвода управления и командир батареи ушли искать штаб стрелкового батальона, уточнить обстановку.

Все трое были в окопе, когда откуда-то справа вынырнул "мессершмитт" и на бреющем полете стал поливать пулями нашу опушку. Очевидно, немецкие наблюдатели на элеваторе нас заметили! Пули сбивали ветки деревьев и били по земле спереди и сзади наспах вырытого укрытия. Наши головы и плечи едва скрывались за бруствером. Самолет проносился то сбоку, то над нашими головами, делая круг за кругом и поливая нас огнем крупнокалиберных пулеметов. Казалось – немецкий летчик хотел получше рассмотреть наш окоп, чтобы бить прямо по цели. Когда "мессершмитт", со свистом прорезав воздух, пронесся совсем рядом, я, преодолевая страх, поднял голову и увидел летчика в кабине – он смотрел в нашу сторону! Гад проклятый! В следующее мгновение близкий разрыв сброшенной с самолета мины – в 1941 году "мессеры" занимались и такой бомбежкой – прижал меня к моим товарищам. Казалось, что обстрел тянулся целую вечность, хотя он продолжался, наверное, не более нескольких минут. Сонливость как ветром сдуло! Ошалелые от переживаний, взялись за лопаты, быстро выкопали окоп в полный рост. Откуда только силы взялись! Установили стереотрубу, достали бинокли, зарядили одну из винтовок – встретить "мессера", если снова прилетит.

Березовая роща, на опушке которой находился наш наблюдательный пункт, тянулась влево примерно на полкилометра. Дальше – большая поляна, на которой стояло что-то вроде

сгоревшей танкетки. За поляной опять виднелся густой темный лес. Через него, судя по карте, километрах в 6-7 от нас проходила железная дорога Москва-Ленинград. В стереотрубу и бинокли длинная неровная цепочка свежевырытых наших окопов просматривалась как на ладони. Ни проволочных заграждений, ни блиндажей с траншеями – только ямки на одного бойца. В верхней части элеватора темнели узкие щели – окна: двух-трех снайперов достаточно, чтобы держать под прицелом целый батальон! Не случайно окопы словно вымерли!

Мы долго всматривались в элеватор, пытаюсь определить, когда звучали редкие выстрелы, где засели снайперы, но так ничего и не обнаружили. С НП соседней батареи подошел сержант-радист Зиненко, мой хороший товарищ, добряк и балагур. В руках его была небольшая суковатая палочка.

– На, візьми паличку, вона щаслива, я з нею всю передову пройшов, від німецького снайпера втік і тебе знайшов, – шутливо-возбужденно выпалил он мне и с юмором, посмеиваясь над самим собой, рассказал, как прятался от охотившегося за ним снайпера, когда проходил поляной со сгоревшей танкеткой. Но больше всего он удивил "мясорубкой": оказывается, это новое секретное оружие было... нашим! Не немецким!

– Німці жаж, як їй бояться, земля горить під її снарядами, живих на обстріляному місці не залишається! – с восторгом сказал Зиненко и добавил, что видел "мясорубку", когда шел к нам. Наш комвзвода вчера, видно, не разобрался, что говорили в штабе, – свое оружие принял за чужое! Захотелось увидеть самому. Любопытство меня просто распирало. Поручив разведчикам продолжать наблюдение, я пошел в направлении, указанном связистом. Пересекая злополучную поляну, делал короткие перебежки, то и дело падая на землю. Задержался у танкетки, чтобы посмотреть, что с ней случилось. От нее пахло гарью и бензином. Почему она сгорела? Механических повреждений на ней не было видно. Ни одна пуля надо мной так и не просвистела. Либо снайпер прозевал, либо я действовал по всем правилам военной науки! За поляной лес стал густеть. Он, как и наш, был совершенно безлюден. Только километра через три-четыре наткнулся на две землянки. Несколько красноармейцев сидели вблизи. Дальше шла небольшая вырубка, которую пересекала лесная дорога. Именно об этом месте говорил связист. Но поляна была пуста, виднелись только следы автомобиля. Я спросил бойцов, была ли тут "мясорубка".

– Была, да сплыла, – ответил один из них; как бы в подтверждение его слов я услышал где-то в стороне странные урчащие, с завыванием, следующие друг за другом звуки. За ними послышался отдаленный гул множества разрывов. Появление страшного для врага оружия подняло настроение. И здорово же его "окрестили"! (Позднее эти полюбившиеся солдатам ракетные установки получили общеизвестное название: "катюши").

Когда я вернулся на НП, почти вслед за мной пришли командир батареи и командир взвода. Комбат начал вести пристрелку по элеватору. Первый снаряд улетел за серую громаду, и мы только слышали, как он разорвался. Разрыв второго был хорошо виден: снаряд поднял облачко осколков и пыли на крыше здания. Каких-либо целей мы тогда еще не высмотрели и комбат прекратил стрельбу.

К вечеру в глубине леса, метрах в 200 от наблюдательного пункта, соорудили землянку-блиндажик. Командир батареи и командир взвода ушли ночевать в деревню. Донельзя уставшие разведчики буквально валились с ног. Сказав, что буду дежурить первым, пошел на НП. Красноармейцы забрались в землянку.

Время от времени на немецкой стороне взлетали ракеты, причудливо освещая контуры элеватора. За ним и далеко справа виднелись отблески пожаров, бушевавших вчера в Калинине. Далеко справа, ближе к Волге, слышалась приглушенная расстоянием пулеметная стрельба. Наша передовая молчала. Привалившись спиной к стенке окопа, я пытался устроиться поудобнее...

К концу дежурства тело мое занемело. Усталость, накопившаяся за последние дни, когда мы двигались к фронту, и за прошедшие почти бессонные сутки, гасила мое сознание. Глаза самовольно слипались. Я вылез из окопа, прислонился спиной к неровному

сучковатому стволу березы. Так было надежнее...

И все же на какую-то долю секунды я потерял контроль над собой. Вдруг, словно наяву, показалось, что прямо перед окопом вылезает танк, сшибает меня, и его гусеница давит мою спину... От тяжести переживаний и сильной боли пришел в себя. Очевидно, задремав и сползая по стволу березы, наткнулся на сучок, и возникшая боль вызвала страшный сон. Открыв глаза, осмотревшись, снова вздрогнул – по полю, в направлении ко мне, не во сне, а уже наяву двигалось какое-то непонятное, искаженное ночной тьмой существо. Соскочив в окоп, вытащил из кобуры наган, насторожился. Ясно слышались шаги и тяжелое дыхание... Когда человек подошел совсем близко, стало видно, что это красноармеец. На плечах и груди бойца висело стволами вверх и вниз несколько винтовок. Я остановил его. На мой вопрос, он ответил, что несет собранные на переднем крае винтовки убитых и раненых бойцов из батальона Калининского народного ополчения. Днем немецкие снайперы не давали поднять голову. Принесли пищу только сейчас. Надо еще успеть вынести убитых и раненых... За два дня батальон поредел, но и гитлеровцам досталось, особенно в первый день, когда они лезли вперед, стремясь во что бы то ни стало продвинуться вперед.

Я пригласил его погреться в нашу землянку. Мы кое-как забрались в нее. Боец закурил. При свете спички открылось страшноватое на вид, опухшее и заросшее щетиной лицо. Я не стал больше расспрашивать красноармейца – его вид и наблюдения днем говорили лучше слов, как трудно солдатам в окопах...

...Утром следующего дня из штаба полка передали приказание: совершить артналет на городской сад в Калинин, где по разведанным скопились фашистские танки и различная вражеская техника. К нашей батарее присоединились остальные. Через несколько минут дивизион повторил налет. Заглушая звуки далеких залпов и разрывов, над нами послышалось гудение. К Калинин летели два наших тяжелых бомбардировщика. "Сейчас они добавят гитлеровцам!" – подумали мы, следя за их уверенным, неспешным полетом. Когда самолеты почти подлетели к городу, откуда-то сбоку вынырнул "мессершмитт". Послышались пулеметные очереди. Ближайший к истребителю бомбардировщик пошел круто вниз, за ним распускался дымный хвост. Второй продолжал лететь. Фашистский ас сделал разворот и зажег второй бомбардировщик. Несколько парашютов повисли в небе. Между ними, как хищная птица, кружил "мессершмитт". Его пулемет строчил безостановочно. Пораженные, мы смотрели на зверскую расправу: летчики были беззащитны! Это был наглядный урок в науке ненависти к врагу; с первых дней поправшему все законы войны! Сколько их еще будет, таких уроков!

Возможность танковой атаки врага, видимо, беспокоила командование. Мне было приказано оставить на НП одного наблюдателя и связиста, а с остальными разведчиками явиться в штаб дивизиона. Там оказались и разведчики других батарей. Нам дали каждому по две бутылки с горючей жидкостью и приказали пройти к передовой на шоссе Москва-Ленинград. Меня назначили старшим. Мы нашли место, где редкий лес пророс густым кустарником вплоть до полотна дороги. Вырыли в кустах глубокие узкие окопы. Нашли несколько небольших намокших и тяжелых сучковатых палок и потренировались бросать их вместо бутылок. Мысль о танках не давала покоя – мы с ними еще не встречались. Да и все-то нас в этой засаде было не больше десяти человек... Просидели до вечера, как было приказано, вслушиваясь в пугающие шумы леса. Танки так и не появились. Может, наш артналет сделал свое дело?

...Так без больших боев прошли первые дни. Когда на переднем крае разгоралась перестрелка, комбат открывал огонь по элеватору. Два-три залпа – и перестрелка стихала.

На четвертый или пятый день утром ко мне на НП прибежал взбудораженный чем-то разведчик Богданов.

– Ну, живем! – весело сказал он. – У нас новый комбат, да какой!

Богданов приносил нам завтраки из дивизионной кухни. Так было и сегодня. Но на этот раз он возвратился не один, а с новым командиром батареи. Тот по дороге сказал, что под

Минском попал в окружение и потом пробивался к своим частям. Покорил же он Богданова окончательно тем, что сразу же приказал ему "позаботиться" о разведчиках и достать для нас в деревне мяса, картошки и спирту.

Через несколько минут со стороны нашего блиндажа показался новый комбат и, подойдя, прыгнул в наш окоп.

Не знаю, почему командование полка решилось на замену. Разницу между старшим лейтенантом Петровым и новым командиром мы почувствовали сразу...

– Расскажи обстановку, старший сержант! – приказал он мне, увидев треугольники на воротнике шинели.

Доложив комбату все, что знал о своем участке, я решил спросить его о боях под Минском. Комбат выслушал меня, помрачнел и рассказал, как отступал от самой границы. По его словам выходило, что большинство новых укрепрайонов сданы без боя, что в первые дни войны потеряно много нашей техники. А у немцев полно танков, самолетов и артиллерии...

Все это было больно и обидно слышать, я не утерпел и перебил комбата. Запомнились необычные слова вопроса. Да и как не помнить их – ведь это был общий крик нашей солдатской души:

– Товарищ старший лейтенант, ну а все же, когда в нашу сторону начнет клониться победа?

Комбат долго смотрел на меня и разведчиков, переводя взгляд с одного на другого и как будто что-то обдумывая, а потом показал на высокую белоствольную березу, стоявшую рядом с нашим окопом, и сказал:

– Как человеку без рук, без ног на это дерево влезть, так нам победить!

Такой ответ поразил настолько, что больше вопросов мы не задавали. Комбат, видимо, обиженный молчанием, тоже не стал разговаривать и ушел.

Только вчера Богданов из кухни принес слухи, что немцы чуть ли не у Ярославля и совсем недалеко от Иванова. Мы не верили. Не поверили и словам комбата: не так уж плохи наши дела!

В следующие два дня он на НП не появлялся: либо спал, либо о чем-то разговаривал с лейтенантом Смирновым в нашей землянке. На ночь оба уходили в ближайшую деревню. Из отрывков разговоров, которые я слышал, залезая погреться, понял, что новый командир батареи – старший лейтенант Боков, еще до войны повидал немало, освобождал западные районы Украины, был участником похода в Польшу. Рассказывал он, однако, не столько о походе, сколько о том, как кутил с проститутками панской Польши.

Утром, на второй день появления Бокова, мы засекли две немецкие минометные батареи. Цель была отличная, немцы почти не замаскировали огневые позиции, которые располагались на кустистом взгорье, справа за элеватором. Когда минометы стреляли, мы видели вспышки огня, вырывающиеся из стволов. Это была первая обнаруженная мною цель! Я побежал в блиндажик доложить об этом новому командиру батареи. Мне уже представлялись разбитые минометы и падающие под нашим огнем немецкие солдаты. Но Боков зло бросил:

– Нет боеприпасов, сержант! – Приказал вернуться на НП и продолжать наблюдение.

Я поплелся сам не свой: слова комбата и обидели, и расстроили меня. Это не укладывалось в моей голове.

Справа от нас, где располагались наблюдательные пункты двух других батарей дивизиона, было относительно спокойно. Слева, где проходила железная дорога и где находился дивизион, в котором служил Парахонский³, все дни слышалась пулеметная и винтовочная стрельба, вела огонь наша артиллерия и глухо "тюкали" немецкие минометы. Мы не знали, что там происходит, комбат пожимал плечами. Утром, на третий день своего

---

³ Теперь мы были в разных дивизионах.

появления, поговорив с начальником штаба дивизиона по телефону, он обратился к Смирнову:

– Приказано перенести наш НП к железной дороге. – И весело посмотрел на меня: – Теперь и нам снарядов подбросят! – Приказал лейтенанту: – Сходи туда с Богдановым, подбери место для НП!

В полдень ко мне на наблюдательный пункт пришел командир взвода управления соседней батареи нашего дивизиона лейтенант Городиский. Узнав, что делается на нашем участке, рассказал, как его разведчики обнаружили почти не замаскированную немецкую минометную батарею – судя по всему, одну из тех, что видел я. Он обстрелял ее и в бинокль видел, как снаряды разбили два миномета. Батарея с тех пор молчит. Его рассказ поднял мое настроение. Я хорошо знал лейтенанта. Он начал службу в полку в 1939 году. В боях с белофиннами, за отвагу, прямо на фронте, был произведен в сержанты. Месяц тому назад его назначили командиром взвода и присвоили звание младшего лейтенанта. Для меня он все еще был сержантом, товарищем по довоенной казарме. Я пригласил Городиского в наше укрытие, к разведчикам. Подойдя, мы увидели уже возвратившегося Смирнова. Он сидел перед блиндажиком и бритвой срезал свои окантованные золотой ленточкой лейтенантские нашивки на шинели. Увидев Городиского, вдруг заорал на него:

– Почему командирские нашивки не срезал? Их же за версту видно! Наблюдатель называется!

Городиский, видимо, обиделся – зло плюнул и ушел.

"Ему – командиру – виднее, что делать,- подумал я про Смирнова,- зачем только надо было на Городиского орать..."

К вечеру комбат позвал меня:

– Старший сержант, прикажи разведчикам собрать имущество и отправляйся с ними на новый НП. Следуйте через огневые позиции, там поужинаете. Я с лейтенантом Смирновым пойду через штаб стрелкового батальона...

Он нервничал, отчитал меня за нерасторопность. На кухне после ужина мы задержались – получали теплое белье. Неожиданно для нас появились Смирнов и Боков. Комбат снова отругал меня за то, что задерживаемся. К нам подошел красноармеец Федотов, ординарец комбата, – на кухне он готовил ему что-то на ужин, – и спросил:

– Товарищ старший лейтенант, мне с кем идти – с разведчиками или с вами?

– Со мной пойдешь, – отрывисто и резко бросил ему Боков.

Мы постарались побыстрее скрыться с глаз непонятно чем раздраженного комбата.

Вечерело. Богданов сбился с дороги, и мы шли через лес наобум, надеясь выйти к железной дороге. Дневной бой стих, не слышно было ни единого выстрела. В полной темноте подошли наконец к железнодорожной насыпи, не зная точно, где находимся – у своих или у врагов. Я вытащил наган, красноармейцы зарядили винтовки. Решили пройти немного вперед, вдоль насыпи, и шагов через пятьсот увидели железнодорожную будку, у которой утром побывал Богданов с командиром взвода. Смирнов сказал ему, что рыть окоп для НП надо на другой, высокой стороне насыпи. Мы перешли полотно и вскарабкались наверх. Здесь росли редкие деревья, чернели кустарники, и впереди местность вряд ли просматривалась. "Придется ждать рассвета, чтобы выбрать как следует новый НП", – подумал я и выругал в душе Смирнова, не выполнившего до конца приказ комбата. Под насыпью, у самого полотна, выкопали яму и накрыли ее шпалами, лежавшими неподалеку.

Работа согрела нас. Я оставил одного бойца дежурить, а с остальными залез в блиндаж. Уснули в намокшей от пота одежде, прямо на земле. Вылезая утром наверх, щелкали зубами и дрожали всем телом: последние дни резко падала температура, и эта ночь была особенно холодной.

С Богдановым пошли выбирать наблюдательный пункт. С высоты, поросшей густым кустарником, в слабом утреннем тумане были видны деревня и большое поле перед ней. Посередине тянулась цепочка совершенно не замаскированных недавно вырытых окопов. То в одном, то в другом мелькали головы красноармейцев – судя по всему, им приносили пищу.

Один храбрец сидел наверху и преспокойно ел из котелка. Немецкая передовая, вероятно, проходила по огородам деревни. Обзор отсюда был отличный, и, оставив Богданова рыть окоп, я вернулся назад. У блиндажа увидел помкомвзвода Парахонского и двух его связистов. Мы очень обрадовались встрече – не виделись со времени выезда на фронт.

Парахонского было не узнать. Он осунулся, похудел, но глаза весело светились.

– Я, брат, в сорочке родился! – сказал он сразу же. – Два раза могло убить, а вот живой!

В первую фронтową ночь они проскочили на машине передовую и поняли это только тогда, когда над головой засвистели пули. Каким-то чудом выбрались обратно, оставив машину и имущество. Вчера рядом с ним убило бойца.

Я стал расспрашивать, что происходит на их участке. Оказывается, они сразу попали "в переплет": что ни день – то немцы или наши идут в наступление. Деревня переходит из рук в руки. Командир батареи, старший лейтенант Сукомел, разбил два пулеметных гнезда, да и немецкой пехоте от него досталось! Повезло Парахонскому на командира!

Пока мы разговаривали, связисты установили телефонный аппарат. Они прервали наш разговор, сказав, что штаб требует Бокова. Он еще не появлялся, трубку пришлось взять мне.

Начальник штаба дивизиона спросил, что нами сделано и где находится командир батареи. Я доложил, что подготовлен НП и блиндаж, что Боков, наверное, скоро будет и что он пошел сюда, на НП, через штаб батальона вместе с лейтенантом Смирновым и красноармейцем Федотовым. Через час меня снова позвали к телефону. Узнав, что комбата еще нет, начальник штаба приказал отправить двух красноармейцев в стрелковый батальон и разыскать пропавших.

– Живыми или мертвыми,- добавил он.

В полдень красноармейцы вернулись, никого не обнаружив. В этот день "мессершмитты" сделали жестокий налет на оставшиеся на старом месте наблюдательные пункты других батарей дивизиона, обстреляли штаб полка, бомбили огневые позиции в Эмаусе. Действовали точно, словно по чьей-то подсказке.

Через два дня меня и Богданова вызвали в штаб полка и стали расспрашивать про Бокова. Мы рассказали обо всем, что произошло за те три дня, пока Боков командовал батареями. В конце наших объяснений капитан, разговаривающий с нами, укоризненно покачал головой:

– Эх, вы! А еще комсомольцы!

Он не сказал больше ничего, отпустил нас, но нам самим уже стало ясно, что рядом с нами был предатель, сумевший подбить на предательство нашего комвзвода и подбиравший ключи к нам.

Вспоминая сейчас и заново переживая этот случай, задаю себе вопрос: как могло случиться, что мы не увидели зловещего замысла в сказанных словах, срезанных петлицах? Разговор с новым комбатом встревожил нас, зародил чувство какой-то отчужденности от этого человека. Однако для кадровых сержантов и красноармейцев авторитет командиров и политработников был настолько высок, что ответ комбата был воспринят нами только как злая реакция на долгое изнурительное отступление, участником которого он оказался. Менее всего мы ожидали, прибыв на фронт, – вообще не мыслили – возможности предательства, тем более со стороны людей из одного и того же блиндажа и окопа! Вопрос – победим или нет – перед нами не стоял: безгранично верили словам Сталина, считая отступление делом временным.

Тогда, по молодости, не задумывались, откуда берутся такие выродки. Как опознать их в повседневной жизни? Обычное шкурничество и трусость, приспособленчество и безответственность, равнодушие ко всему происходящему (кроме собственных дел), всепрощение для тех, кто постоянно подводит своих товарищей и близких, любит жить за счет других, обманывая и делая подлости, – вот почва, на которой произрастает предательство в годы тяжелых испытаний!

Для меня и разведчиков случай с Боковым стал большой наукой: надо жить своим умом, отвечать не только за себя, но и за окружающих, понимать, что за черными мыслями и словами могут

последовать черные дела. Истины простые, а по-настоящему поняли их, когда набили шишки. . .

Бьем гитлеровцев!

День или два спустя наш дивизион сняли с железной дороги Москва-Ленинград и паромной переправой, в сумрачный дождливый день, перебросили на левый берег Волги⁴. Это не такое уж легкое дело: паром был очень хлипким. . .

После ночного марша дивизион занял позиции вдоль левого берега Волги. Пехоты здесь не оказалось. Оборона водного рубежа была поручена артиллеристам.

Новый наблюдательный пункт нашей батареи находился метрах в двухстах от реки, там, где берег поднимался террасой. Кругом рос густой кустарник, чуть сзади начинался лес. Тут мы и построили блиндаж, а на песчаной террасе вырыли большой окоп, установили в нем стереотрубу. Впереди, между террасой и водой, ночью оборудовали еще один окоп, куда на ночь забирался разведчик с ручным пулеметом.

За рекой, в полукилометре от берега, отлично просматривалась большая деревня. Сразу за ней шел лес. Я и разведчики часами просиживали за стереотрубой, наблюдая поведение немецких солдат и офицеров. В наших ушах еще звучал упрек: "Эх, вы! А еще комсомольцы!" И нам очень хотелось обнаружить что-нибудь и нанести урон гитлеровцам.

Враги разгуливали свободно, не маскируясь, иногда по деревне проезжали машины. В одном из домов явно расположился штаб: к нему то и дело подходили офицеры. В остальных жили солдаты; жителей не было. Мы сообщили об этом в штаб дивизиона. Несколько дней, то утром, то вечером, командир дивизиона приходил на НП и, не торопясь, выпуская по два-три снаряда, проводил пристрелку батарей. На третий или четвертый день, когда в деревню въехала колонна автомашин и навстречу ей из домов высыпали гитлеровцы, он открыл беглый огонь всем дивизионом. Подошедшие было к машинам солдаты бросились врассыпную. Машины заматались, одна съехала в канаву и опрокинулась. Над двумя другими поднялись высокие столбы огня и дыма. Несколько офицеров и солдат, выбежавших из штаба, попали в эпицентр огня: возникший близко взрыв разметал их в разные стороны. По всей деревне комьями летела земля, мощно грохотали разрывы. Так продолжалось несколько минут. Над деревней встало сизое облако порохового дыма. Мы с восхищением смотрели на нашего командира: вот что такое умело подготовленный артиллерийский налет! Наконец-то и мы как следует поколотили фашистов!

Наш налет стал сигналом к стрельбе батареи "катюш". Она только вчера присоединилась к нам, ее наблюдательный пункт был немного в стороне. Мы услышали прерывистое урчание реактивных установок. Вскоре в деревне и в лесу за ее околицей заплясало пламя.

На следующий день деревня казалась вымершей. Проехала лишь одна машина, нам показалось – санитарная.

Не только от нашего дивизиона попало гитлеровцам! В эти дни куда больше отличилась батарея лейтенанта Сукомела, где служил Парахонский. До конца октября она оставалась на старом месте, в районе железной дороги Москва-Ленинград. С наблюдательного пункта батареи едва-едва просматривалась окраина Калинина. Наблюдая за этим направлением, Парахонский заметил снижающиеся "мессеры", а затем увидел, как что-то мелькнуло между двумя соседними строениями у окраины. Он стал всматриваться через стереотрубу в это место и заметил какие-то холмики, а потом ясно увидел в том же промежутке садящийся "мессершмитт". Аэродром! Сориентировав карту, убедился, что на ней в этом месте стоит значок ипподрома. Значит, гитлеровцы использовали его как летное поле, и можно определить точные координаты места посадки вражеских самолетов! Он сообщил об этом командиру батареи. Однако, когда тот появился на НП, погода испортилась, рассмотреть самолеты стало невозможно. На следующее утро видимость была

---

⁴ Остальные дивизионы остались на прежних позициях.

отличной. На НП к Парахонскому пришел лейтенант Сукомел и еще несколько командиров. Они открыли огонь по аэродрому. С первого залпа загорелся один из самолетов, над ним поднялись клубы черного дыма. Под беглым огнем батареи летный состав не мог подойти к машинам. Один за другим появлялись новые клубы дыма – взрывались и горели самолеты. Обстрел продолжался вечером и ночью и тоже не безрезультатно. По подсчетам Парахонского, батарея уничтожила больше 10 фашистских стервятников.

Все отличившиеся получили награды, в том числе и Парахонский. С его слов (я его увидел спустя несколько дней в штабе полка, куда меня посылали с донесением), командир полка майор Яровой, выслушав рапорт группы командиров, доложивших об обстреле аэродрома, неожиданно спросил:

– А кто обнаружил аэродром и определил его координаты?

Ему сказали.

– Тогда и Парахонского представить к ордену, – приказал командир полка.

Короткий рассказ о разгроме вражеского аэродрома появился в "Красной звезде". Лейтенант Сукомел был награжден орденом Красного Знамени, Парахонский – Красной Звездой.

И все-таки недостаточный боевой опыт нет-нет, да и давал себя знать. Через трое суток после удачного огневого налета на занятую немцами деревню к нам ночью пришел вновь назначенный командир взвода – молодой бравый лейтенант. Зашел в блиндаж, расспросил, что видели за день. Мы сказали, что в крайнем, сохранившемся от пожара доме поселились офицеры. Лейтенант вынул карту, целлулоидный круг, с помощью которого готовят данные для стрельбы, и стал с ним работать на карте. Потом позвал меня, и мы вышли на НП. В окопе сидел связист. Командир взвода скоординировал:

– ...Два снаряда, беглый огонь!

Над рекой пронеслись снаряды, долетели звуки выстрелов, но разрывов мы не слышали. Лейтенант подал новую команду. Заканчивая, громко крикнул: "Огонь!" Связист быстро повторил. Не успел я подумать, что командир взвода командует слишком громко – немцы на том берегу Волги могут его слышать, как над нами раздался оглушительный свист, и впереди, совсем рядом, разорвались наши снаряды. Я и лейтенант свалились на землю одновременно.

Готовить данные для стрельбы мы умели. Решили: пока командир взвода не напрактикуется стрелять, придется проверять его. Хоть он у нас вроде и молодец, а вот что натворил – и себя и нас чуть не укокошил!

Вообще-то, эти три дня на нашем участке было очень тихо. Мы даже сумели помыться в "бане", наспех построенной прямо на огневой. Предприимчивый начальник штаба дивизиона соорудил ее из землянки. Пар получался от нагретых камней, вместо таза для воды приспособили кухонное ведро. В "баню" надо было залезать на четвереньках, а мыться на корточках. Зато я навсегда запомнил чувство небывалого, острейшего наслаждения, когда впервые за четыре месяца войны моей кожи коснулась горячая вода с мылом, очищая ее от накопившихся пота и грязи!

Вероятно, все, кто побывал на фронте, помнят, как при каждом удобном случае – а они были не так-то часты – солдаты радовались любой возможности смыть походную грязь, умыться, ну, а уж попасть в баню, пусть походную, наскоро построенную, было истинным блаженством!

"Счастливы, молодой человек!"

В начале ноября дивизион перебросили на другой участок Волги, ниже по ее течению. Река служила нейтральной полосой. Везде лежал глубокий снег. Морозило. Прибрежная часть реки покрылась тонким льдом. Мы выбрали НП между деревьев могучего соснового леса, выходившего на высокий обрывистый берег, немного в стороне от небольшой деревни, вырыли окоп, траншеей соединили его с блиндажом. С другой стороны Волги находилось

село, посредине которого возвышалась церковь.

Новый командир батареи лейтенант Варягин в первый же день сделал пристрелку по церкви, считая, что там может находиться наблюдательный пункт немцев. Выполнил он это мастерски: четвертым снарядом попал в колокольню.

С немецкой стороны ответа не последовало. Село словно вымерло.

Варягин понравился мне и разведчикам с первого дня. Был он немногословен, сдержан, смел. По дороге сюда он и я должны были пройти через деревню, тесно прижатую к Волге, отлично просматриваемую с другого, занятого гитлеровцами берега. Шел минометный обстрел, посвистывали редкие пули. Разрывы мин возникали беспорядочно, то приближаясь, то уходя далеко от нас. Шагая посредине улицы, Варягин не кланялся осколкам, даже тем, что шипели совсем рядом. Я шел за ним, думая, что мог бы он идти и побыстрее и не очень выставлять себя напоказ фашистским воякам. Была ли это беззаботность молодости, неопытность и необстрелянность или лихость, желание показать, что двадцатилетний комсомолец Игорь Варягин, только что назначенный командиром батареи, не трус, - судить не берусь. Наверное – все вместе взятое.

Нашему дивизиону была поставлена задача – оборонять участок левого берега Волги – километров двадцать. А, кроме нас, других войск не было! Каждая из трех батарей отвечала за 6-7 километров лесного берега.

– Враг должен думать, что весь берег и днем, и ночью под тщательным наблюдением, – сказал Варягин, — это значит, что мы не должны пропустить ни одного солдата, ни одной машины, открыто идущих или едущих по деревне, ни одного ночного огня и звука! Будем сразу же обстреливать – такой приказ командования!

Мы старательно исполняли свое дело: круглосуточно дежурили на НП, делали вылазки по берегу, не соблюдая правил маскировки, чтобы создать видимость многих наблюдательных пунктов.

Особенно тяжелы были ночные дежурства. Мороз к вечеру крепчал, начинали потрескивать деревья; шинель, не просушенная ни разу до конца, и кирзовые сапоги дубели, пальцы на руках, несмотря на рукавицы, переставали слушаться, металлические части стереотрубы прилипали к коже рук. Невольно думалось: "Что же будет в январские морозы, да еще если придется браться за винтовку – в варежках не настреляешь!"

Необычно ранняя зима все же не могла сковать толстым льдом могучую реку – она была хорошим оборонительным рубежом. Но морозы все больше давали о себе знать. С каждым днем водный просвет на реке сужался. Снег занес и наш "колодец" – глубокую воронку от тяжелого вражеского снаряда, упавшего рядом с нашим блиндажом. Так мы докопались до воды и брали иногда ее, пахнущую порохом, но все же пригодную для питья.

Вместе с Варягиным на шесть километров волжского берега нас было шесть человек: четыре бойца, сержант и лейтенант. Справа от наблюдательного пункта через редкие стволы сосен виднелись дома пустующей деревни; жители покинули ее, боясь оставаться под обстрелом. Слева от нашего окопа вдоль Волги тянулся высокий боровой лес.

Где-то там, далеко, еще ниже по реке, находились другие НП батарей дивизиона; в глубине безлюдного леса километров за десять от нас на опушке поляны, стояли четыре орудия нашей батареи, связанные с нами тонкой ниточкой телефонного провода...

"...До Иванова отсюда, напрямую, двести километров, а враги прошли в четыре раза больше, приближаются к Москве..." – эта мысль и тревожила, и придавала силы.

Утром 7 ноября вся поверхность Волги покрылась шедшим всю ночь снегом. Еще неделя-две – и реку скует толстый ледяной панцирь, а впереди нас пехоты как не было, так и нет...

С батареей кухни необычно рано принесли термос с пищей и бутылку водки. Мы разложили еду по котелкам, водку разлили в единственный стакан и крышки от котелков.

Варягин взял стакан задубевшими от мороза пальцами, чокнулся с каждым из нас:

– За наш великий праздник!

Мы дружно поддержали его: каждый из нас в душе уже произнес эти слова.

Я выпил свою "рюмку" вместе со всеми. В котелок с кашей падали снежинки и не таяли. Я ел и думал, как необычно встречаю великий праздник, про Иваново... После переброски нас под Калинин письма из дому почему-то не приходили.

...Крохотным, малозначительным, заброшенным островком был наш НП в бушующем море сражений под Москвой. И все-таки не было чувства одиночества, оторванности от главных сил фронта, от Родины. Твердо знали: в беде нас не оставят, помогут. "А если помощь придет слишком поздно? Узнают ли родители, что их сын погиб, преграждая врагам путь к родному городу?..." – думал я.

Через несколько дней на НП принесли "Правду" со снимком парада на Красной площади в Москве. В ней говорилось о том, что у нас временные трудности! Пройдет несколько месяцев, полгода, может быть, год и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений. Победа будет за нами!

У меня была собственная большая радость: в этот же день получил письмо и посылку. "Иваново еще ни разу не бомбили, – сообщал отец, – хотя воздушные тревоги объявлялись несколько раз". В посылке – теплые портянки и толстая вязаная кофта. В письме сказано, что она из медвежьей шерсти, что маме ее дала тетя Катя, одинокая женщина, Палина соседка. Мне и без кофты стало теплее: только мамино сердце могло почувствовать, как дрог я на морозе в своей солдатской шинели и кирзовых сапогах. "Тетя Катя денег не взяла", – писал отец. А ведь в мирное время у нее и снега зимой нельзя было допроситься!

...Стареют с годами фронтовики, многое забывают, уносят с собой, уходя в небытие... Парад на Красной площади, утвердивший в сердцах солдат неотвратимость наказания гитлеровцев и прихода победы, сохранятся в памяти поколений!

16-17 ноября мы слышали отголоски дальней канонады и пытались разгадать, что она означает. Звуки смещались от запада к востоку. Значит, фашисты снова перешли в наступление? На нашем участке перемен не было. Но по отсутствию пехоты можно было понять, что командованию не до нас. Дивизион продолжал прикрывать брешь, создавшуюся между Западным и Калининским фронтами. Два других отражали натиск врага вместе с отступавшими частями Западного фронта на правом берегу Волги. Нам оставалось только ждать, что будет дальше.

Кроме нашего заснеженного лесного НП, мы оборудовали другой – на чердаке одного из домов близ расположенной деревни. Ночью там можно было и поспать в чисто вымытой горнице, и приготовить из снега кипятка, заменявший нам чай. В случае обстрела нас мог спасти глубокий подвал. Лаз в него находился на кухне, рядом с русской печью. 22 ноября утром мы сидели на чердаке дома и наблюдали за немцами через пролом в обшивке. Неожиданно к нам поднялись лейтенант и красноармеец в полушубках, валенках. Сказали, что они из подошедшей на наш участок стрелковой дивизии. Много раз крепко били немцев, а встанет Волга, так дадут перцу еще! Бои, обстрелы, которые мы провели, казались мелкими по сравнению с теми, о которых они говорили. С охотой рассказали им обо всем, что знали.

Лейтенант высунул голову через пролом и долго разглядывал в бинокль занятое немцами село. Минут через 15-20 ушли. Я спустился с чердака в горницу и стал клеить новую карту. Не прошло и нескольких минут – над нашим домом просвистел снаряд. Второй разорвался не долетев. Разрывы повторились, но уже совсем близко. Немецкие артиллеристы берут наш дом в вилку, понял я и, убрав карту, побежал к спасительному подвалу. Просвистел еще один снаряд. Он разорвался рядом. Очевидно, разведчики уже спустились с чердака – дверка лаза в подвал была открытой. Я уже собрался прыгать в подполье, когда над головой снова раздался оглушительный взрыв, что-то со страшной силой ударило меня в плечо, сбив с ног, отбросив в сторону и назад... Резко запахло порохом. Почувствовал тупую, щемящую боль, захватывающую верхнюю часть тела, но вскочил и бросился в подвал.

Рядом с домом еще рвались снаряды, однако мне уже было не до них. По спине что-то текло, правая рука плохо слушалась.

– Посмотри-ка, – сказал одному из разведчиков, – я, кажется, ранен.

Он зажег спичку. На спине и груди через гимнастерку просочилась кровь. Разведчики разорвали ее от ворота вниз. Кое-как меня перевязали.

Обстрел прекратился.

Боль быстро растекалась по груди и правой руке, я с трудом вылез из подвала.

Один из разведчиков сбегал на наш лесной НП, сказал о моем ранении Варягину. Комбат вызвал автомашину. Обхватив разведчика здоровой рукой за плечи, дошагал до машины. Когда мне помогали влезать в кабину, подошел Варягин с Богдановым. Разведчик надел мне на здоровую руку часы, которые я оставил у него, уходя с лесного НП в деревню. Машина тронулась. Я пробовал улыбнуться.

Варягин и разведчики помахали мне руками. Лица их были серьезны и озабочены.

К вечеру попал в медсанбат. Пожилой фельдшер, осмотрев меня, сказал:

– Ну, счастливы, молодой человек! Пройди осколок чуть-чуть выше – вас сюда вряд ли довели бы – с сонной артерией шутки плохи. А чуть ниже – ваша ключица была бы раздроблена, возможно, пробито и легкое – это тоже не слаще. Судя по ране, осколок прилетел спереди сверху. Он вонзился в правое плечо близ шеи и выскочил, пробив правую лопатку.

И плечо и рука болели все сильнее.

После перевязки мне предложили селедку с черным хлебом и чаем, но мне было не до еды. Кое-как пересидел ночь на скамье, пристроенной к одной из стен избы, вжавшись в угол. Запомнился надолго путь из санбата в Кимры, в полевой госпиталь. Грузовик отчаянно прыгал на ухабах и колдобинах подмерзшей грунтовой дороги, разбитой еще осенью, и каждый толчок отзывался лютой болью в моем плече. Кроме меня, в кузове сидел еще один раненый. Два красноармейца лежали на соломе, покрывающей днище кузова, и тяжело стонали. В Кимрах в первом госпитале нас не приняли, и другой оказался забитым ранеными. Меня вели из комнаты в комнату и не могли найти свободного места. Часть раненых лежала прямо на полу. Среди них было много обмороженных, в основном, казахов и узбеков. Некоторые из них держали кверху ноги и руки. В комнатах стоял тяжелый тошнотворный запах. Наконец нашли место в какой-то небольшой комнате с кроватями. Я, как был в шинели, накинутой на плечи, так лег на койку. Бессонная ночь в медсанбате, дорога, да теперь тепло отняли последние силы. Я словно провалился в темную глубокую яму и проснулся только утром.

После осмотра и перевязок нас стали грузить в автомашины и отправлять на вокзал. Рассчитывал увидеть санитарный поезд, зеленые вагоны с красными крестами... Но стояли теплушки, совсем такие же, в каких мы ехали на фронт. "Лежачих" раненых клали на нижние нары; "ходячие" лезли наверх. Я с трудом забрался на верхние нары, устроился так, чтобы, по возможности, уменьшить боль. Но вот поезд тронулся. Вагон сильно затрясло, и при каждом его колебании словно чьи-то зубы впились в мое плечо. Раненые стонали, просили пить... Санитара с нами не было, он заходил только на остановках. Я ехал сидя, о сне не могло быть и речи. Дотянуть бы до утра! Ночью на противоположной стороне вагона после сильного толчка поезда рухнули верхние нары. Лежащие на них раненые вперемежку с досками упали на тяжелораненых, находившихся внизу. Тускло светящаяся лампочка совсем погасла. В кромешной тьме слышны были жуткие стоны, мольба о помощи, бессвязные крики людей, лишившихся сознания.

"Вместо нас сюда бы Гитлера и тех, кто развязал эту войну, чтобы сами испытали весь этот ужас, слышали эти страшные вопли", – думал я со злобой и отчаянием, пытаясь слезть со своих нар... К нашему счастью, поезд вскоре остановился, пришли санитары и помогли раненым.

До Москвы нас везли более суток, хотя обычный поезд шел всего несколько часов. Вероятно, наш эшелон с ранеными был последним, проследовавшим из Кимр в Москву: враги подходили к столице и вот-вот должны были перерезать железную дорогу, по которой двигались наши теплушки с красными крестами на боках и крышах.

Когда автобус шел к Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где размещался

госпиталь, я смотрел на улицы малолюдной Москвы, перекрытые во многих местах рогатками из рельсов и заборами из колючей проволоки. На глаза попадались зенитные орудия. Время от времени раздавались выстрелы зенитных пулеметов. Очевидно, ожидался или уже шел воздушный налет. Кругом на всех улицах очень много снега.

...Так закончилось мое участие в сражении на верхней Волге – правом фланге великой битвы за Москву...

Дивизионы, оставшиеся на правом берегу реки, отступавшие почти до Москвы, понесли серьезные потери...

Мы не выбирали свою участь.

Расположение частей и соединений на фронте определяло высшее командование. Самое большее, что мог выбрать солдат или сержант вроде меня, – это место для окопа, блиндажа или землянки...

Из двенадцати сержантов, снятых на фотокарточке, отосланной мною домой перед началом войны, погибли двое. Случай сохранил меня: смерть ошиблась на несколько миллиметров в выборе своей цели.

Еще четверо из нас погибли позднее, на других фронтах войны. Из оставшихся в живых все будут ранены по несколько раз. И только Ваня Зиненко пройдет войну с одним легким ранением. Это он под калининским элеватором нашел и предлагал мне "счастливую" палочку. Не она, конечно, спасла его. Как и всем нам, ему здорово досталось. Через тридцать девять лет после этих событий, когда мы снова увиделись с ним, он сказал:

– Иногда было так тяжело, что хотел, чтобы меня убило... Помню, один раз, в минуту слабости пошел в "долину смерти", – была у нас такая подо Ржевом, – без всякой на то причины, просто так, куда глаза глядят, чтобы поскорее шлепнуло...

На фотографии, не задумываясь, я написал про себя: "будущий участник боев и войн".

Кто мог подумать тогда, что мне и моим товарищам предстоят суровые экзамены! Не мне оценивать, как я выдержал первый из них. Одно ясно сейчас: доставшийся мне "билет" был далеко не самым трудным...

..."Тимирязевка", где я лежал, была переполнена; Почти каждый день формировались санитарные поезда и увозили раненых в тыловые города страны. Через несколько дней настал и мой черед.

В Тюмень нас, раненых, везли настоящим санитарным поездом. В нем все было почти как в госпитале – горячая еда, если нужно – перевязки, даже срочные операции. Старинная, очень большая и очень теплая кофта, связанная из медвежьей шерсти, присланная мне из дому, пригодилась – надел ее вместо гимнастерки, не вдевая правую руку в рукав. И тепло и надевать просто. Когда поезд подходил к Тюмени, я поверх кофты накинул шинель. Вышел из вагона сам, вместе с группой "ходячих". К нам подскочила бойкая сестра:

– Ну, кто со мной?

Мы пошли за ней. У вокзала стояли сани, запряженные понурой маленькой лошадкой. Мы сели в них. Сестра взяла в руки вожжи. На улице было более 40° мороза. Лошадка шла только шагом, никакие понукания и кнут на нее не действовали. Моя кофта и шинель внакидку не спасали от холода. В госпиталь я вошел стуча зубами и посиневший, поразив своим видом подбежавшую санитарку.

Второй раз напугал людей. По дороге в Тюмень наш поезд останавливался на несколько дней в Муроме. Вероятнее всего, нужно было основательно помочь раненым. Нас переместили в какое-то здание, рядом с вокзалом. Водили "ходячих" и переносили носилками тяжелораненых молодые девушки, похожие на школьниц. Одна такая взяла меня под руку и повела, как выяснилось, мыть. На улице, у стены здания, была фанерная пристройка, в ней – душ. Я наполовину разделся и сразу зашелся мелкой дрожью: пристройка не отапливалась, а на улице лежал снег. Девушка нервничала, сказала, что раздеваться совсем не надо, наскоро помыла мне здоровую руку, накинула теплый халат, дала валенки и отвела в палату. Там мне стало теплее, возникало какое-то приятное ощущение. Вдруг моя сопровождающая появилась снова:

– Вы все еще в халате и валенках? Ложитесь в постель! Мне нужно вести следующего раненого!

Я покорно снял все, но, отдавая халат девушке, не удержался и сказал:

– Это как у Плюшкина – на всю дворню один халат и сапоги!

...Бескрайние просторы восточной части Европейской России и Сибири успокаивали: такую большую страну завоевать невозможно! На железнодорожных станциях кипела напряженная тыловая жизнь, без стрельбы зениток, без противотанковых рогаток на улицах. Огни тыловых городов светились и ночью – вражеские бомбардировщики сюда не долетали.

Первое, что я сделал в Тюмени, – написал письмо домой. Затратил на это много времени. Рука еще очень плохо слушалась и болела, а я старался писать четким, красивым почерком:

"Дырка в спине была 3х4 см, а в плече, где осколок влетел, – 3х3. Сейчас "дырок" почти нет..."⁵

Через несколько дней в газетах появились сообщения об успешном наступлении под Москвой. Наконец-то! Со мной в палате лежал пожилой пехотинец, раненный, как я узнал, под калининским элеватором, и еще человек шесть с разных фронтов. Мы горячо обсуждали последние новости. Я переживал, что не пришлось участвовать в наступлении, сказал об этом пехотинцу. Он отечески-заботливо посмотрел на меня и пожурил:

– Сынок, ведь кому-то и жить надо! Вот ты молодой, значит, уже лучше меня: у тебя еще все впереди! На-ка вот бритву – сними усы, ты, видать, их еще ни разу не брил, а уже пора!

На Новый год к нам в гости приехали колхозницы. Привезли к нашему столу подарки. Вечером была встреча с ранеными.

Сначала выступил самодеятельный коллектив госпиталя. Сестры начали с песен, а потом лихо заплясали гопак. Колхозницы сидели в первых рядах. Вдруг из зала на сцену вышел раненый:

– И я хочу танцевать!

Сбросил халат и в нижней рубашке и кальсонах задал такого трепака! Колхозницы засмущались, но, наверное, поняли, что сами и виноваты, – кроме масла и мяса для столовой, подарили кое-кому сорокаградусную. Школьники выступали со стихами, песнями. Я смотрел на малышей, чувствовал себя их защитником и думал: "Нет, не зря я был на фронте, не зря мучаюсь от раны... За них, за наше будущее!"

Чаще всего к нам в палату заходила сестра Таня Повзык. Вряд ли она была старше меня, но вела себя как опытный медицинский работник. Говорила на украинском языке, певуче и красиво. Всем нам очень нравилось ее теплое, ласковое отношение к раненым. Что и говорить, в госпитале были разные люди, и среди раненых и среди сестер.

Иногда по палате ползли слухи о легком поведении какой-нибудь сестры... О Тане же за все время никто не сказал дурного слова.

Настало время выписки. Врачебная комиссия работала на четвертом этаже. Меня быстро осмотрели. Сердце мое, ослабленное потерей крови, непривычное к ходьбе по лестницам, билось очень часто.

– На что жалуетесь?

– Вот, сердце колотится.

– Сколько вам лет?

– Двадцать.

– В таком возрасте это не опасно! Годен!

Вечером после ужина у меня возникло неодолимое желание поговорить с Таней. До последнего дня я не решался сделать этого.

Сестра стояла в коридоре недалеко от нашей палаты и смотрела в окно. И раньше в свободную минуту она любила постоять возле него неподвижно, глядя прямо перед собой.

---

⁵ Из сохранившегося письма. Все приводимые ниже письма подлинные, даются в сокращении.

Может быть, в это время видела она не заснеженные улицы чужого для нее сибирского города, а свою зеленую и певучую Украину, свой родной дом, из которого молоденькой девушкой ушла работать в госпиталь...

Я подошел к ней и сказал: "Таня, я хотел бы поговорить с вами!" – "Ідіть краще спати", – не повернув головы ответила сестра. Опешив и растерявшись, я ушел.

Утром следующего дня мне дали направление в городок, где стоял запасной артиллерийский полк.

Назначение командиром противотанкового орудия было неожиданным – я служил во взводах управления, а не в огневых взводах, обеспечивающих стрельбу из орудий и уход за ними. К счастью, противотанковая пушка была легкой и простой в обращении, я быстро освоил, как она разворачивается с походного положения на боевое, правила стрельбы прямой наводкой по подвижным целям и способы маскировки.

Жили мы в бараках-землянках с двухэтажными нарами. Сразу же по прибытии решил написать письмо Тане в госпиталь. Мне очень хотелось оправдать себя в ее глазах: казалось, она подумала обо мне что-то нехорошее.

Я написал, что до войны не был знаком по-настоящему ни с одной из девушек, что после фронта и полученного ранения, вдалеке от родных и близких, мне очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, что несколько раз собирался подойти к ней, но отважился на это только в последний вечер... Не рассчитывал на ответ, но письмо пришло, простое и искреннее. У нас завязалась дружеская переписка, длившаяся полтора года. Тот, кто был на фронте, знает, как дороги такие письма! Забегая вперед, скажу, что я был виновен в прерванной переписке. Таня знала мой домашний адрес, написала моим домашним. "Прислал письмо какой-то Повзык, – сообщил отец, – спрашивает, что с тобой случилось?" Милая Таня! Посылая письмо, она, на всякий случай, представилась моим родителям мужчиной. К сожалению, я не сберег ее теплых, полных доброты и участия ко мне, дышавших девической чистотой писем.

Сохранилась только маленькая фотография: чуть-чуть исподлобья смотрит девушка в легкой косынке. На обратной стороне короткая надпись: Боре от Тани.

В составе очередного пополнения нас перебросили под Киров. Когда на вокзале выходили из вагонов, появилась группа женщин. Одна из них бросилась ко мне, обхватила шею руками:

– Коленька... Коленька... Жив! – с плачем говорила она, судорожно обнимая. Другие женщины оттащили ее. Я успел разглядеть лицо. Оно поразило меня, запомнилось воспаленными от слез, полными горя и надежды глазами. Потрясенная вестью о гибели своего сына, женщина была близка к сумасшествию...

До марта пробыл в Кирове. В запасном артиллерийском полку меня вооружили старой, выдавшей виды винтовкой. У некоторых новичков винтовки были английского производства времен первой мировой войны. На стрельбище тренировались в стрельбе из автоматов, учились бегать на лыжах, занимались строевой подготовкой и каждый день ели гороховый суп и пшенную или овсяную кашу. Эх, лучше бы на фронт!

У меня, на беду, разболелся коренной зуб. Когда пришел на медпункт, фельдшер – здоровый крепкий парень – сказал мне:

– Лечить я не умею, зуб могу выдрать. Так как? У меня другого выхода не было.

– Ну, терпи! – сказал мой лекарь. Сил у него было достаточно, и зуб он вырвал мгновенно. Но боль была неимоверная: средств для замораживания десны у него не нашлось.

Наконец-то из нас собрали несколько маршевых рот и отправили в Киров. Пока шли по городу к вокзалу, справа и слева от колонны все больше и больше собиралось народа, в основном, женщин. Среди нас было много вятчей: очевидно, слух о нашей отправке разнесся по городу. Свечерело, пошел снег. Многие из сопровождавших женщин плакали. А может, это снег таял на их лицах? Наверное, все вместе, – ведь в строю шли их мужья, братья, любимые. Только у меня не было тут никого из близких... Невольно вспомнил отца и мать, Лелю, Леву. Как-то они, мои самые дорогие?

Леля, моя сестра-десятиклассница, в то время пока я лежал в госпитале, болела тифом. У меня есть ее фотография, снятая после выздоровления. Голова бритая, без богатых каштановых кос; черноглазая, худющая, похожая на мальчишку. Отец писал, что Леля стала ходить в Дом пионеров – занимается вышивкой. Он прислал мне вырезку из областной газеты "Рабочий край", где она сфотографирована за этим занятием. Отцу под Новый год тоже было плохо. Он почти через день ходил в Соснево – пригород Иванова – за соленой водой из источника, на которой мама варила суп. Видно, переутомился, – туда не близко, несколько километров, – и дома упал без сознания. "Но сейчас ничего, – писала мама, – отлежался". О себе промолчала. Она всегда думала только о других: "Приезжал Лева. Поехал за танком на Урал. Заходил в свой энергоинститут. Говорил, что все удивлялись его огромному росту. А я думаю, он все такой же, как и был. Просто военная форма делает его выше..."

Посылая письма домой, я старался не расстраивать родителей. Промолчал о том, что несколько раз был под обстрелом, что мог бы стать жертвой предательства, как мерз в заснеженном лесу на берегу Волги, о своих мучениях после ранения. Единственно, что себе позволил – написал, что меня ранило, да и то не сразу...

В первые дни войны мне очень хотелось запомнить до мелочей, что с нами было. Может, придется-таки рассказать это когда-нибудь дома? Я даже дневник завел. Стал записывать в него все, что видел, начиная с 22 июня. Но долго вести дневник не пришлось. Под Нарвой встретился Парахонский и попросил листок бумаги. Я сказал ему, чтобы взял из тетради, лежащей в вещмешке на машине. Вечером дневника не оказалось. Побегал к Парахонскому. Он отчитал меня:

– Я увидел твой дневник, прочитал его и уничтожил. Можешь ругать меня, сколько хочешь, но я прав. Вот ты писал, что приехал из Ленинграда, зашел в казарму, а там все вверх дном. Изобразил, как вы хохотали над помкомзвода и сами над собой, когда еще не понимали, что значит минометный обстрел. И про Сузи написал, что финны финна убили. Теперь представь, если попадет такой дневник в чужие руки, ведь по нему во многом можно разобраться: что за часть, как она обучена, какие потери...

Тогда я рассердился на Парахонского за его самоуправство, но потом понял, что он прав... Страницы дневника военных лет остались недописанными...

...Вот и вокзал. Женщин дальше не пустили. Мои соседи по колонне нахмурились, они явно расстроены. Ведь большинство из них совсем недавно призваны в армию.

А я был на фронте, кое-что видел и даже был ранен. Это все-таки не фунт изюму. Выше голову, товарищ старший сержант!

В первых числах марта нас высадили в тылу Северо-Западного фронта. Маршем прошли до большой деревни и разместились по крестьянским домам. Меня назначили командиром отделения вычислителей: в моей красноармейской книжке, выданной еще до войны, была указана эта специальность. В отделении были четыре красноармейца и привычное по кадровой службе имущество: стереотруба, алидада, мерная лента и рейки для замера расстояний. Выдали пистолет ТТ и карабин, бойцам – только карабины.

Красноармейцы были совсем не те, что раньше. Они в отцы годились тем, молодым, да и мне тоже. Много велось разговоров о семьях, о гражданской жизни, положении на фронтах. Я внимательно слушал их. Разговоры у каждого были разные. Запомнился один – с красноармейцем Негиным, бухгалтером по профессии, высоким, худощавым, малоулыбчивым человеком.

– Самое большое счастье в жизни, старший сержант, – сказал он, – это иметь детей и жену, которые тебя любят и ты их тоже... Тебе это трудно представить, а я знаю...

Лицо у Негина при этих словах преображалось, я не узнавал его: обычная угрюмость исчезала. Глядел он в это время на меня, а видел, наверное, тех, что были на фотокарточке, вынутой из нагрудного кармана...

Каждый день у нас шли занятия по уставам, топографии, "привязке" НП и ОП. Проводились политинформации. Занимался с нами командир взвода управления младший

лейтенант Спесин. Он перед войной окончил механико-математический факультет Московского университета. В армию был призван в первые дни войны, окончил курсы лейтенантов. Военная форма на нем сидела неуклюже и всегда была измята. Но занимался с нами он старательно. Мне сразу стал во всем доверять, признавая во мне кадрового младшего командира. У нас все шло нормально, а вот в другом взводе случилось ЧП. Младший командир объяснил красноармейцам, как пользоваться гранатой РГД. Вставил запал. Затем сказал, что она при броске встряхивается, и автоматически выполнил это движение... Осознав, что сделал, сержант бросился с гранатой в руке к двери, выходившей из избы в сени. Его убило на пороге, осколком оцарапало ребенка, лежавшего в люльке, остальные отделались испугом.

С оружием шутки плохи – это я знал по себе. В первые дни войны у меня был наган. Чистя его, я перелил масла в барабан. Решил посмотреть, нет ли масла под бойком. Взвел курок. В отверстии, где находился боек, оказалось полно светлой жидкости. Я положил на отверстие тряпочку, а чтобы она вошла в него, нажал спусковой крючок... И тут с ужасом понял, что сделал: наган был заряжен. Ствол его упирался в бедро. Вряд ли сумел бы доказать, что возможный выстрел был неумышленным. В другой раз осматривал винтовки красноармейцев. Одна мне не понравилась: плохо работал затвор, слабо выбрасывая патроны. "Это потому, – подумал я, – что выбрасывается не гильза, а патрон..." Чтобы проверить, автоматически нажал спусковой крючок... Грохнул выстрел, пуля ударила в скалу, не задев, к счастью, никого. С тех пор с оружием я всегда был очень осторожен и учил этому красноармейцев.

Наши орудия – 76-миллиметровые пушки и 122-миллиметровые гаубицы – на конной тяге. Кони – здоровенные тяжеловозы. Пока с ними имели дело только огневики, но говорили, что лошади появятся и у нас, во взводе управления.

Почти каждый день к вечеру, немного в стороне от нас, раздавался гул самолетов. Немцы летели бомбить Бологое и другие станции.

В начале апреля, когда стал быстро таять снег и показалась земля, меня вызвали в штаб дивизиона и приказали ехать с пакетом в Бологое, находившееся от нас километрах в 30-ти. Старшина дивизиона подвел мне Крокодила – громадного битюга с крутыми боками. Я с трудом взобрался в седло. Умею ли ездить – меня никто не спрашивал. К моему счастью, Крокодил отлично понимал мои "но!" и "тпру!". Ритмично шагая мерным и тяжелым шагом, к которому привык, таская орудие, он к полудню доставил меня в Бологое. Оно все было разбито бомбежкой – ни одного целого здания. Едва нашел размещавшееся в подвале нужное мне тыловое подразделение. К ночи Крокодил благополучно дошагал до нашей части. Говорят, что начинающим кавалеристам бывает нелегко.

Хотя я почти целый день просидел на лошади, ничто у меня не болело. Помогли широкая спина Крокодила и его невозмутимо ровный шаг. Что ж, начало кавалерийской выучке положено!

СТРАШНАЯ РАБОТА

Болото Сучан

В конце апреля пришел приказ о выступлении. Нас направили в 84-й артиллерийский полк 55-й стрелковой дивизии. По дороге я написал открытку родителям: "2 мая... Вы, наверное, очень беспокоитесь, что долго не пишу. Я переезжаю на другое место, поэтому и задержался. Зато вчера получил письмо от Бориса. Он, оказывается, около Старой Руссы, пока еще не воюет, но вообще-то – это дело ближайших дней.

Мне сейчас, в отличие от прошлых раз, приходится шагать пехтурой. Уже привык: "баллоны" мои не спускаются".

В большинстве случаев мои бесхитростные попытки заморочить голову военной цензуре, чтобы подсказать родителям, где я нахожусь, были безрезультатными. Но этой

открытке повезло: слова о том, что Борис около Старой Руссы, остались не зачеркнутыми. Про "баллоны" я написал потому, что после госпиталя вместо сапог получил ботинки с обмотками и не сразу научился их прочно закручивать.

4 мая 1942 года в полдень мы маршем подошли к тылам 55-й стрелковой дивизии. Все последние дни и ночи беспрерывно лил дождь. Шинели и гимнастерки на нас не просыхали, плащ-палатки не помогали. Казалось, мы сами разбухли от постоянного соприкосновения с водой. Пищевой рацион сокращался по мере приближения к фронту. Стояла страшная весенняя распутица, тылы не справлялись с подвозкой продуктов. Начиная с 1 мая мы получали только маргарин и хлеб.

Привал наш подходил к концу. Мы остановились рядом с медсанбатом дивизии. Несколько больших палаток не вместили раненых. Остальные лежали рядом, на парусиновых полотнищах, разостланных на земле. Я впервые видел такое большое количество раненых вне госпиталя, а их подвозили и подвозили. Часть раненых приходила пешком.

За полчаса привала мы наслушались стонов, насмотрелись на окровавленные бинты и лоскуты, выносимые из палаток санитарями.

На дорогу нам выдали немного маргарину, сказав, что это на сегодня все, хлеба не будет. Да если бы и был, ничто в рот не лезло. Даже когда отошли от медсанбата, в ушах звучало: "Сестра, пить..." Навстречу шли и шли раненые, некоторых несли на носилках или просто на руках. Впереди гремела канонада. 55-я дивизия продолжала начатое вчера наступление...

Словно встречая нас, наперекор всему, сквозь тучи пробилось солнышко, идти стало веселее. Мы сделали еще один привал на лесной дороге и разделились на две части. Огневые взводы с орудиями остались, мы же пошли вперед, туда, где гремела канонада. Прошли небольшую деревеньку, вышли на ее окраину, — к ручью, протекающему в неглубоком овраге. Наш взвод, человек 16, уже спустился в него, когда прилетели "юнкеры". Они заметили нас — шагали не маскируясь. Первый "юнкере" пошел стремительно вниз, издавая свистящий звук. Мы разбежались по оврагу и попадали на землю, кто куда. Я увидел, как от пикирующего бомбардировщика одна за другой стали отделяться черные точки — бомбы, и следил за полетом, стремясь определить — в нас или мимо. Страшный вой вдавил в землю. Разрыв, второй, третий... Колебалась стенка оврага, шипели осколки, летели комья земли. Я лежал, подавленный неожиданным налетом, оглушительными взрывами. Под Калинином обстреливали и бомбили "мессершмитты", там были пули и мины, а здесь настоящие бомбы!

В пике пошел второй "юнкер", и только что пережитый крошечный ад повторился сначала. Потом третий... Бомбардировщики сделали круг и снова летели прямо на нас. Мы были совершенно беззащитны — зениток не слышно, видно, еще не подвезли. Схватив карабин, я лихорадочно зарядил его и, лежа, выстрелил в первый "юнкер", когда он с воем пикировал на наш овражек. Напрасная попытка! Снова засвистели бомбы, заухали разрывы, ходуном заходила земля. Тело и нервы напряглись до предела...

Наконец бомбардировщики улетели. Потрясенные бомбежкой, мы быстро убежали из спасшего нас овражка в лес, еще не веря до конца, что не заплатились за нарушение правил маскировки.

За леском на небольшой возвышенности находилась деревня Большие Дубовицы. Комзвода Спесин сказал, что там расположился штаб нашего дивизиона. Но он уже не торопился выходить из леса: искал глазами — каким путем нам скрытно проскочить к домам. Наверно, у него, как и у нас, все еще стоял в ушах вой "юнкеров", свист бомб, оглушительные звуки их разрывов. Да, здесь уже был фронт, а не тыловая обстановка. С нашей и немецкой стороны время от времени раздавались артиллерийские и минометные выстрелы. В деревне то там, то здесь слышались звуки разрывов. Еще дальше, за Большими Дубовицами, где проходила передовая, — редкие автоматные и пулеметные очереди. Судя по всему, разгоревшийся утром бой стихал.

В одном из сараев, пристроенных прямо к деревенской избе, наткнулись на начальника

штаба дивизиона капитана Саксина. Вел он себя спокойно и деловито. Объяснил обстановку по карте. Сказал, что командир дивизиона находится в штабе стрелкового полка, что вечером штаб дивизиона должен перейти на новое место. Показал его на карте и распорядился, чтобы мы шли туда, подготовили блиндаж и линию связи со штабом полка.

К вечеру, когда мы заканчивали блиндаж, пришли командир дивизиона майор Новиков Александр Данилович, начальник разведки старший лейтенант Манушкин, начальник штаба и несколько красноармейцев.

Рано утром, едва мы вышли из блиндажа, начался сильный минометный обстрел нашего участка леса. Немцы стреляли залпами, по 5-6 мин. Разрывы их накладывались друг на друга: ррах-ррах-ррах! Первые мины упали совсем рядом и очень неожиданно; мы инстинктивно бросились на землю, потом побежали к блиндажу. В районе Больших Дубовиц застрекотали автоматные очереди. Наш блиндаж был у перекрестка дорог, километрах в двух от деревни. За ночь связисты протянули линии связи на НП батарей, расположенных за Большими Дубовицами. Командир дивизиона пытался связаться с ними, чтобы узнать, что происходит на передовой. Но связь после обстрела оборвалась. Минометная и автоматная стрельба нарастала. Новиков распорядился, чтобы начальник разведки с разведчиком Алалыкиным отправились в штаб стрелкового полка, который поддерживался нашим дивизионом, и выяснили обстановку на месте. Через полчаса разведчик вернулся, таща на себе тело убитого начальника разведки. Недалеко от нашего блиндажа они попали под минометный обстрел. Наконец восстановилась связь с командиром одной из батарей. Он сообщил, что немцы зашли с флангов и сейчас пехота отступает; артиллеристы уходят вместе с командиром батальона. Куда – еще неизвестно.

Бой, который начался впереди, обтекал нас справа и слева. Гитлеровцы явно пытались взять в кольцо подразделения, находящиеся в районе, прилегающем к Большим Дубовицам.

Капитан Саксин достал из карманов убитого начальника разведки документы. Быстро и молча выкопали неглубокую яму, опустили в нее тело Манушкина. Через несколько минут над ней вырос холмик земли. На большее времени не было. Командир дивизиона, опасаясь полного окружения, решил отходить, приказал взять имущество, следовать за ним. Участок леса, где мы находились, по-прежнему обстреливался сильным минометным огнем. Один из связистов торопливо сунул мне катушку без провода. Мы пошли по линии связи, оставляя провод несобранным. Шли довольно долго, почти бежали, прислушиваясь ко все приближавшейся автоматной стрельбе. К разрывам мин добавилась шрапнель. Снаряды взрывались над лесом, а их начинка – сотни свинцовых шариков – со свистом врезалась в верхушки деревьев, била по земле вокруг. Наконец мы вошли в мелколесье, перебежали небольшой овраг; за ним начинался кустарник, дальше снова лес. Добравшись до первых деревьев, увидели красноармейцев, роющих окопы, и носом к носу столкнулись с командиром дивизии. Размахивая пистолетом перед лицом Новикова, он кричал:

– Куда бежишь, артиллерист? Огня давай! Давай огня! Где твоя связь? Почему катушки пустые? А ну... собрать провод, открыть огонь по гадам!

Я был ближе всех к Новикову. Обернувшись к нам и увидя на мне висящую катушку, которую сунул мне связист, Новиков тут же приказал:

– Старший сержант! Собери провод! Бегом вперед!

Я схватил лежавшую на земле "нитку". Кто-то из подбежавших связистов перерезал ее ножом и закрепил провод на катушке. Я закрутил ручку барабана, и провод потянул меня обратно под шрапнель. Теперь я возвращался один. Когда добежал до оврага, "заиграла" "катюша", и я с ужасом почувствовал, что ее снаряды несутся в нейтральную зону, на меня. Многочисленные, почти одновременные взрывы – справа, слева, впереди, сзади окружили меня, упавшего ничком на землю. В ушах звенело и грохотало, в нос ударил резкий пороховой запах, кругом свистели, яростно били по деревьям и земле осколки. Бывали чудеса на войне: в этом аду я остался жив... Вскочив, побежал опять вперед, быстро наматывая провод. Сверху время от времени со свистом летела шрапнель, и я невольно вздрагивал и внутренне сжимался при звуках разрывов в небе. За оврагом почти наткнулся

на красноармейца без винтовки. Он неуклюже топтался на одном месте. Вид пожилого тщедушного бойца был необычен: без пилотки, в расстегнутой шинели, без поясного ремня, с перекошенным, искаженным лицом. Налитые кровью глаза его смотрели мимо меня, их взгляд был лишен всякой мысли. Я понял, что он сошел с ума или контужен, и пробежал мимо него: задерживаться не имел права, да и помочь ничем не мог. В мелкоколесье, прежде чем выйти на поляну, взглянул вперед. На нее из леса выбегали немецкие солдаты в серо-зеленых мундирах с автоматами в руках. Одни перебежками, другие чуть согнувшись двигались прямо на меня. За несколько секунд, отчаянным усилием, не чувствуя, что почти ломаю пальцы, я перетер провод о край каркаса катушки и, сгибаясь, чтобы не быть замеченным, что есть силы побежал назад.

На опушке леса, где нас задержал командир дивизии, красноармейцы продолжали рыть окопы.

– Автоматчики подходят! – крикнул я и побежал искать командира дивизиона.

В полдень наши пушки и гаубицы уже вели огонь. Начались контратаки наших стрелковых подразделений. Первая, вторая, третья... До нас долетали нестройные крики "ура!", перемежавшиеся стрельбой из автоматов, винтовок, пулеметов. При каждой контратаке немцы открывали ураганный минометный и пулеметный огонь, а блиндажи еще не были готовы, прятаться от обстрела было негде. Мины рвались кругом нашего НП – находился он в неглубокой яме под кустом. Над нами проносились осколки, зловеще посвистывали пули. После каждой контратаки мимо проносили раненых. Некоторые шли сами. Запомнилось: быстро, во весь рост, не обращая внимания на обстрел, идет полураздетый рослый боец с мужественным и, как смерть, бледным лицом. Во все плечо и грудь – громадная, сплошь сочащаяся кровью повязка. Другой пробежал в горячке; мало что осталось от человеческого лица: нижней части нет, сплошное кровавое месиво...

Перед третьей контратакой Новикова, Саксина и Спесина вызвали к командиру стрелкового полка. Находился он метрах в двухстах позади от нашего НП в легком блиндаже, который ему уже успели построить. Там же был и командир дивизии. Первым оттуда к нашему окопу прибежал Спесин. Успел сказать срывающимся голосом:

– Но-овая контратака-а-ка! Отвернись, старший сержант!

На моих глазах стал расстегивать поясной ремень – от страха перед новым шквалом ответного немецкого огня напала на труса медвежья болезнь. Он и утром, когда мы шли по лесу, неоднократно пугал нас, бросаясь на землю не только при близких разрывах, но и от звуков далеких минометных выстрелов.

Подоспевший Новиков уже передавал приказ командиру гаубичной батареи, крича в трубку:

– Вызов! "Карандаши" встают снова⁶! Начинай подготовку! По красной⁷ пойдут! Сразу дави шеститрубный⁸! Чтобы совсем замолчал – не мешал "карандашам"! "Огурцов"⁹ не жале! Выполняй!

Эта контратака, также безуспешная, была последней.

Следующий день выдался спокойнее. Немцы не пытались наступать дальше, мы окапывались. Командир дивизиона приказал уточнить привязку огневых позиций, переведенных на новое место. Я пошел в район огневых один, красноармейцы остались строить блиндаж. Шел напрямиком, по азимуту, – так короче, – надеясь на свой опыт. Лес густел. Наткнулся на мертвого красноармейца. Лица уже почти не осталось, шинель разлезлась, видимо, он лежал здесь давно, с зимы. Рядом валялась покрытая ржавчиной винтовка, кругом – стреляные гильзы винтовочных патронов. Я не решился посмотреть его документы

---

⁶ Готовится новая контратака.

⁷ Ракета.

⁸ Шестиствольный немецкий миномет.

⁹ Снарядов.

– таким отталкивающим был идущий от трупa запах. Сейчас не могу себе этого простить – вряд ли кто сообщил родным, что человек геройски погиб, а не просто "без вести пропал". Наконец лес кончился, пошло большое поле, огороженное забором из колючей проволоки. Пролезть под нее можно было – всего два ряда колючки и протянута достаточно высоко от земли. Но мне почему-то не захотелось нагибаться, дойдя до угла изгороди, пошел вдоль нее. На втором углу увидел прибитую к столбу фанерку с нарисованным черепом и надписью черной краской: "Мины". Хорошо, что поленился лезть под проволоку! Подорвался бы на нашем же минном заграждении. Минам-то все равно – враг или свой.

Нашел огневые, не меньше часа ходил взад и вперед в районе расположения батарей. С трудом разобрался, где нахожусь: кругом лес, болота да редкие поляны и полное бездорожье. Отметил на карте, где поставлены батареи. Просто так, без привязки. Инструменты тут не помогли бы. Назад шел уже не по азимуту. Сделал крюк и вышел на дорогу. Хоть и много дальше, но спокойнее. Совсем не хотелось лежать, как тот, полуистлевший, в лесу...

Видно, я приглянулся Новикову, Ему понравилась схема расположения огневых позиций дивизиона, которую мне поручили начертить для донесения в штаб полка. Собравшись пойти на НП одной из батарей, он взял меня с собой. По пути я все время смотрел на карту и компас. Надо было поточнее определить координаты НП. В лесу это не просто, но, как я сегодня убедился, возможно. Шел машинально за Новиковым. Главное – не упустить ниточку пути на карте.

В мирное время, на учениях, было по-иному. Ориентиры для привязки указывались штабом, хватало времени, чтобы использовать топографические приборы. Тут же только карта, компас и считанные минуты, даже секунды времени.

Новиков не придерживался линии связи, шагал, как ему удобнее. Но новую передовую, видимо, представлял плохо: вдруг прямо над нашими головами раздались свист пуль и резкая трель близкой автоматной очереди. В это время мы шли лесной вырубкой, напоминавшей по форме квадрат, с редкими небольшими кустиками, одиночными деревьями. Пули взвизгнули, когда мы уже приближались к окружающему вырубку лесу. Нас инстинктивно бросило на землю. Однако это не спасло. Пули снова с громким стуком взрыли землю прямо перед нашими головами. Мы вскочили и что было сил бросились к спасительному лесу. Еще одна очередь, еще и еще... Не знаю, что страшнее – близкий разрыв бомбы или снаряда или свистящие и бьющие по земле рядом с тобой пули немецкого автоматчика. Пожалуй, одинаково. То падая на землю, то бросаясь вперед, когда отсвистят пули, преодолели оставшуюся сотню метров. Вбежав в лес, увидели совсем близко блиндаж с амбразурой в стороне поляны и бросились к нему. В нем было два красноармейца. Один, раненый, с перевязанной бинтом шеей, лежал без сознания и тяжело дышал с хрипом и бульканьем. Второй встретил нас словами:

– Кукушка проклятая, черти бы ее съели! Засела на дереве, не разгляжу на котором. Моего напарника, сволочь, зацепила, и вас чуть-чуть не порешила. Но я ее, гадюку фашистскую, выслежу! – Ворчливо добавил: – Вы поосторожнее, на нейтральную полосу вылезать не стоит, не бульвар!

Отдышавшись, мы двинулись дальше и наконец попали на батарейный НП.

К вечеру, без происшествий, вернулись в штаб дивизиона. Штабной блиндаж был уже построен. Вырытую в земле яму, глубиной примерно в метр, около трех метров длиной и два метра шириной, покрыли сверху бревнами и забросали сверху вынутой из ямы землей. Получился блиндаж в один накат. Стенки ямы укрепили тонкими жердями, пол настелили из кольев, уложенных на толстые чурбаки. В одном из углов блиндажа выкопали небольшую ямку для стока воды – она постоянно собиралась там и вычерпывалась дежурным по блиндажу. Вход в блиндаж закрыли палаткой.

Немного отдохнув, я решил написать письмо домой. За эти дни мне "на собственной шкуре" довелось убедиться в разнице фронтовой обстановки для полка артиллерии Резерва Главного Командования, в каком я был в 1941 году, и для артиллерийского полка стрелковой

дивизии, в которую попал сейчас. Тогда мы имели слабую связь со стрелковыми подразделениями, находились дальше от передовой. Здесь все было жестче, обнаженней, опаснее. Только за прошедшие дни меня могло много раз убить или ранить. Если бы я попал в такую обстановку сразу, в первые месяцы войны, мне, конечно, было бы очень тяжело. Мой опыт, пусть небольшой, помогал справиться с новыми испытаниями.

Коптилка из консервной банки и ружейного масла едва освещала не очень ровные строчки письма, выходившие из-под карандаша. Огонек ее нервно вздрагивал, когда где-то неподалеку рвались, сотрясая блиндаж, тяжелые снаряды, методически посылаемые друг за другом немецкой артиллерией. При взрывах из щелей наката сыпалась земля и капала вода, сочившаяся из набросанной сверху мокрой земли.

"Пишу вам письмо, сидя в крепком, сухом и уютном блиндаже. Ночь. Немцы успокоились. В сводках за первые числа мая о нашем участке сообщалось: "Идут бои местного значения". Сегодня уже тише. За меня не беспокойтесь. Сообщите Леве мой адрес. Долго ли мы здесь пробудем – не знаю..."

Действительно, тогда не знал, что пробуду на Северо-Западном фронте триста дней – почти год! Каждый из них был иным, но всегда трудным. Нашу дивизию, входящую в состав 11-й армии, много раз отводили в тыл для пополнения. А потом каждый раз снова кидали на передовую, нередко на наши старые места. Это было тяжелым психологическим испытанием: опять вступать в бой там, откуда едва вернулся живым. Поневоле думалось – а как будет в сей раз?

Условия боевых действий на Северо-Западном фронте были предельно суровыми. Бесчисленные болота, – а их названиями пестрела карта: Сучан, Гажий мох, Прорва и многие другие, – не позволяли построить ни настоящего окопа, ни крепкого блиндажа. Наземные укрытия в виде невысоких двойных стенок из кольев, с набросанной между ними болотной жижей вперемежку с мохом, не спасали от обстрела. Майские ливни, шедшие почти непрерывно, пропитали влагой даже возвышенные места. Почти во всех окопах и блиндажах приходилось стелить пол из кольев, под ним все время держалась вода, ее надо было постоянно отчерпывать. Ночью, если в блиндаже требовался свет, чаще всего жгли немецкий телефонный провод. Он очень чадил, и утром долго откашливались и отплевывали противную черную слизь. Помню, начальник штаба, сменивший Саксина – капитан Тириков, бывший учитель из Сибири, забравшись как-то в наш прокопченный блиндаж после основательной "прочистки" легких и носоглотки, пошутил:

– Вот имел до войны корову, хлев ей построил – светлый, высокий, чистил его каждый день. Приеду после войны, построю вот такой блиндаж и скажу: живи, милая, я жил!

За все лето 1942 года мы ни разу не мылись, и у нас завелись вши. Теперь я сам почувствовал, что это такое... Правда, к осени в тылу дивизии построили бани, и с вшами мы справились. Однако во время затяжных боев они опять начинали появляться, приходилось снова прожаривать одежду.

Осень сменила зима с сильными морозами. Но и морозы не сковали часть болот. Зная, что мы располагаемся в лесу, а не в болоте, немцы вели сильный минометно-артиллерийский обстрел лесных островков, перешейков и настилов, проходящих прямо по болотам. Огонь не был прицельным, но из-за нашей скученности на более сухих участках причинял нам большой урон.

Позднее мы научились делать укрытия в два и три наката и чувствовали себя в них в достаточной безопасности. И тем не менее, каждый раз, когда над блиндажом или где-то невдалеке друг за другом, словно пронзая сердце зловещим свистом, проносились мины или снаряды, оно тревожно вздрагивало и сжималось... При каждом разрыве блиндаж вздрагивал, как живой, с наката и стенок сыпалась земля. Минует ли следующий? Сколько вынесли за эти нескончаемые десять месяцев почти непрерывных боев сердца солдатские: ведь многие дни и ночи обстрел шел не переставая!...

На Северо-Западном фронте, кроме, может быть, самых первых дней, я уже не пытался запомнить подробности боевой обстановки. Война перестала для меня быть чем-то

необычным, превратилась в повседневное дело, вернее – в какую-то очень тяжелую, смертельно опасную, но обязательную работу. И все-таки в память навсегда врезались те гиблые места, где мы многими месяцами находились в активной обороне, знали почти каждое дерево и каждую заметную кочку на болоте. В моей памяти всплывают также отдельные, более всего запомнившиеся события, боевые эпизоды и образы моих дорогих фронтовых товарищей. Многие из них пали смертью храбрых в лесах и болотах северо-запада.

К концу мая 1942 года наша дивизия отбила деревню Большие Дубовицы и вышла на болото Сучан. Я уверен, что каждый, кто служил в 55-й дивизии в то время, помнит это проклятое болото, трудно проходимое и летом и зимой¹⁰, растянувшееся на два десятка километров. За ним начинался лес, по передней кромке которого шла вражеская передовая. Наша – проходила по болоту. Лесные островки и перешейки, заполнившие часть Сучана, были немногочисленны. Мне запомнились их условные названия: Роща-Круглая, Огурец, Лапоть и другие. Одни находились у нас, другие – у врага, иные делились пополам. Между ними и к передовой прокладывались настилы из жердей, веток, а то и целых бревен. Болото было заминировано как с нашей, так и с немецкой стороны. Три стрелковых и артиллерийский полки дивизии все лето и осень 1942 года вели на Сучане ожесточенные наступательно-оборонительные бои. Нашей дивизии противостояла отборная фашистская дивизия "Мертвая голова". Ее не случайно бросили сюда: за Сучаном шли дороги, по которым осуществлялся подвоз боеприпасов и продовольствия к 16-й немецкой армии. "Рамушевский коридор" был горлом полуокруженного фашистского зверя. Навстречу нам рвались части 1-й ударной армии Северо-Западного фронта – мы часто слышали впереди далекую канонаду.

Болото стало союзником врагов, затрудняя подступы к вражеской передовой. Она начиналась минными и проволочными заграждениями, установленными на болоте, и переходила в мощную оборонительную систему из дзотов и траншей в глубине леса. Свои огневые точки гитлеровцы маскировали землей, мохом, ветвями деревьев. Разглядеть их в лесной чаще было невозможно, как и незаметно подобраться к дзоту даже ночью: на проволочные заграждения гитлеровские солдаты вешали консервные банки, гремевшие при попытке отогнуть или перерезать проволоку. На любой подозрительный звук враги отзывались пулеметными и автоматными очередями, освещая при этом местность ракетами.

Лето и осень 1942 года были очень тяжелыми для Красной Армии. Перед нашей дивизией и другими войсками Северо-Западного фронта была поставлена задача перемалывать живую силу противника и время от времени создавать видимость крупных наступлений, чтобы не давать гитлеровскому командованию перебрасывать войска с северо-запада на другие участки фронта. В сводках Совинформбюро, публикуемых в газетах, чаще всего указывалось: "на Северо-Западном фронте шли бои местного значения". Тем не менее "активная оборона", которую осуществляла дивизия в дни боев на Сучане, означала, что почти каждый день шли наступательные бои: то силами батальона, то полка, то всей дивизии, но чаще всего наступали отдельные усиленные стрелковые роты – им ставились задачи по улучшению оборонительных позиций или захвату какого-либо участка вражеской обороны.

Несколько раз дивизия проводила большие наступательные операции совместно с приданными и поддерживающими дивизию частями, во взаимодействии с другими дивизиями фронта, но безуспешно. Мы несли серьезные потери, особенно в дни больших наступательных операций. Одна из них была уже в преддверии зимы, когда болото и лес покрылись снегом. Мне запомнился настил, ведущий к передовой. По нему везли раненых. Некоторые из них шли сами. Настил, покрытый с утра снегом, к концу дня стал похож на окровавленное, почти километровой длины полотно.

---

¹⁰ Местные жители считали его непроходимым.

Кроме Огурца, Лаптя, Роши-Круглой и других гиблых мест на Сучанском болоте, был еще Остров Порваткина, или Остров смерти. Это место находилось на немецкой стороне болота. Небольшой кусочек территории был захвачен группой красноармейцев во главе с младшим командиром Порваткиным в первые дни наступления на Сучан. Группа Порваткина сумела построить там надежную оборону, и немцы не могли ничего сделать с ней. Но условия там были тяжелейшие. Подход к Острову смерти был возможен только ночью. Настил, тянувшийся туда по болоту, с обеих сторон был виден немецким автоматчикам, ночью он обстреливался из минометов, использующих данные дневной пристрелки.

Сам Остров смерти не случайно получил такое название: почти все, кто попадал туда, или совсем не возвращались, или попадали в медсанбат. Я ни разу не был в этом месте и только могу предполагать, что творилось на этом перерытом минами, насквозь прошиваемом пулями болотистом, поросшим лесом пятачке. О судьбе самого Порваткина мне ничего не известно. В этих случаях нам, артиллеристам, остается только склонить голову перед матушкой-пехотой...

Для наблюдения за болотом и засечки целей гитлеровцы использовали двухфюзеляжные самолеты-разведчики, прозванные нами "рамами". Они часто торчали над нашим расположением, корректируя огонь своих батарей. Мы пытались сбивать их из винтовок, но без всякой пользы: "рама" имела хорошую броневую защиту. Зенитчиков на Сучане было мало, всего одна батарея, да и та стреляла не очень метко. Начальник артиллерии нашей дивизии приказал соорудить поворотный стол из бревен. Туда поставили 76-миллиметровую пушку и пытались ею отгонять "рам". Это слабо помогало. Иногда нахальные "рамы" даже бомбили нас или просто пытались пугать, пикируя и издавая при этом противный воющий звук.

Вести боевые действия в лесисто-болотистой местности артиллеристам было исключительно сложно и трудно. Видимость была ограниченной, чаще всего приходилось вести огонь "на слух". Танки не могли продвигаться по болоту, а на узких лесных перешейках становились легко уязвимыми. В августе, перед одним из наступлений, дивизию усилили танковой группой. Я был случайным свидетелем того, как командир дивизии Герой Советского Союза полковник Заиюльев, наставляя танкистов, сказал:

– Поможете ротам продвинуться на полкилометра – каждого представлю к Золотой Звезде!

Но из трех танков не вернулся ни один – враги подожгли их бутылками с горючей смесью на линии своих первых дзотов.

Самолеты нас поддерживали в основном в дни больших наступлений. Чаще всего это были ИЛы, самолеты-штурмовики, получившие у фашистов название "черная смерть". На бреющем полете они осыпали вражескую передовую градом пуль, производя сильное психологическое воздействие на немецких солдат. Но лес и самолетам мешал развернуться на полную мощь.

Большие неприятности приносили врагам "кукурузники". Как только наступала ночь, со всех сторон раздавалось их тарахтение, а потом на вражеском переднем крае и за ним ухали мощные разрывы бомб. И опять лес оказывался помехой: случалось, правда, редко, когда "кукурузник", не рассчитав, сбрасывал бомбу на нашу передовую. Одна из них упала возле штабного блиндажа одного из наших дивизионов и контузила начальника штаба капитана Кожевникова, лишившегося на несколько дней слуха.

Командиром нашего артиллерийского полка был подполковник Петр Андреевич Любимов, его заместителем по политической части – майор Анатолий Францевич Циш. Оба пользовались большим авторитетом среди личного состава. Штабом полка руководил майор Иван Корнилович Одинок, опытный и мужественный офицер. С его именем связано начало успешных боевых действий нашего полка на Сучане.

Тогда на нашем участке фронта появилась одна из эсэсовских дивизий "Мертвая голова", отдохнувшая на западе, усиленная артиллерией и танками.

...Вражеский натиск был неожиданным. На рассвете туманного июньского дня пехотные подразделения противника просочились через наши боевые порядки на флангах полка, оборонявшего Большие Дубовицы, и подняли стрельбу из автоматов, создавая видимость окружения. Район Больших Дубовиц был выбран не случайно – это было единственное направление, где противник мог применить танки и этим содействовать успеху задуманного: выйти в тылы нашей дивизии, разгромить штабы стрелковых полков и огневые позиции артиллеристов, а остатки стрелковых подразделений оттеснить в Сучанское болото, окружить и уничтожить.

Танки противника, используя сумятицу и растерянность на нашем переднем крае, ворвались в Большие Дубовицы. Несмотря на возросшее сопротивление наших стрелковых подразделений, к 12-ти часам деревня была захвачена, вражеские танки и автоматчики вышли на ее южную околицу. Здесь их задержал мост, который в последний момент был разрушен нашей артиллерией.

Небольшая речка на выезде из Больших Дубовиц – она называлась Черным ручьем – вряд ли могла быть серьезным препятствием для танков, если бы не ее крутые, обрывистые берега. Часть гитлеровских солдат бросилась ремонтировать мост, остальные, перейдя речку вброд, стали окапываться по ее южному берегу. В деревню подходили все новые и новые цепи наступающих. Опыленные успехом первых часов боя, враги рассчитывали, исправив мост, вновь ринуться вперед. Они работали и ходили по деревне открыто – наши батареи, потерявшие связь с отступившими взводами управления, молчали...

Внезапно на околицу, где скопились танки и значительная часть гитлеровских солдат, обрушился шквал артиллерийского огня. Потом он утих, чтобы возникнуть снова, но в самой деревне. Огонь был точным – враги несли большие потери. К вечеру огонь усилился – по району Больших Дубовиц стала бить тяжелая артиллерия. Гитлеровцы так и не продвинулись дальше: как только, опомнившись от артиллерийского налета, они начинали работать на мосту, артиллерийский огонь нарастал, и солдат словно ветром сдувало – бежали укрыться в наспех вырытые у моста щели. Часть танков была подбита, с каждым часом все больше становилось убитых и раненых. Наступательный порыв "Мертвой головы" иссяк, наступление захлебнулось...

Спас положение майор Одинокоев. Когда под натиском немцев бойцы стрелкового полка оставили деревню, его наблюдательный пункт, расположенный в болотистом лесу восточнее Больших Дубовиц, оказался в тылу противника. С высокого дерева деревня отлично просматривалась вплоть до Черного ручья. Майор мог бы отойти вместе со всеми – утром через НП проходил вместе с группой солдат и командиров встревоженный отступлением подполковник Любимов. На вопрос начальника штаба: "А что делать мне?" – он ответил:

– Поступай, как считаешь нужным! Я иду за командиром стрелкового полка, куда он, туда и я!

С Одинокоевым остался его помощник, капитан Кожевников, и два радиста с рацией.

Понимая, что при быстром отходе телефонная связь в батареях нарушилась, – немного постреляв, они прекратили огонь, – Одинокоев установил радиосвязь прямо с огневыми позициями дивизиона и приказал открыть заградительный огонь по району моста на Черном ручье и Большим Дубовицам. Одновременно связался с начальником артиллерии дивизии и просил его обратиться к командованию 11-й армии с просьбой ввести в бой два полка дальнобойных орудий из резерва армии.

Когда интенсивный огонь наших орудий истощил боезапас на батареях и они стали одна за другой замолкать, резервные артиллерийские полки еще не были готовы к открытию огня. Наступил критический момент. К счастью, враги все еще не обнаружили работающую у них под носом рацию. Одинокоев передал в первый дивизион, находящийся ближе всего к автобатальону, приказание послать туда офицера на лошади с приказом самым срочным образом подвезти снаряды. По дороге несущегося галопом всадника остановил командующий 11-й армией, выехавший в район боя и заподозривший вначале, что это один

из отступающих паникеров. Разобравшись, он тут же связался с автобатом и отдал необходимые приказы.

Когда Одинокovu доложили, что снаряды подвезли, враги, ободренные затишьем в обстреле, уже заканчивали мост и вот-вот могли броситься в атаку. Напряжение горсточки людей, видевших и понимавших, как дорога каждая минута, было таким, что, услышав слова радиста и отдав приказ вновь открыть огонь, майор Одинокov заплакал...

Я, наверно, не знал бы этих подробностей, если бы их не рассказал мне капитан Кожевников, ставший позднее начальником штаба нашего дивизиона, очевидец мужественного поведения начальника штаба полка.

Огонь наших батарей поддерживали пушечный и гаубичный полки из резерва армии – командующий, убедившись на месте в серьезности обстановки, приказал им ускорить открытие огня.

Ночью группа Одинокова незамеченной вышла к штабу дивизии, прихватив по дороге немецкого солдата.

Командующий, все еще находившийся в дивизии, узнав от Одинокова о жестоких потерях "Мертвой головы", что подтвердил и пленный, отдал приказ отбить Большие Дубовицы.

Предвидение майора Одинокова, что, деморализованные неудачей наступления, враги не смогут устоять, оправдалось: через два часа жестокого утреннего боя гитлеровцы оставили деревню...

...Через несколько месяцев, где-то в октябре, майор убыл из дивизии с повышением в должности – его назначили командиром артиллерийской бригады. Незадолго перед этим пришла заслуженная награда – орден боевого Красного Знамени.

Из командиров нашего дивизиона больше всех запомнился командир гаубичной батареи лейтенант Виталий Дмитриевич Вызов. Он окончил институт незадолго до войны. После мобилизации был направлен на краткосрочные артиллерийские курсы, а потом в нашу дивизию. Прекрасный артиллерист, обаятельный человек и вместе с тем очень сильный и смелый, он был всеобщим любимцем. Наблюдательный пункт его батареи был совсем близко от дороги, шедшей через Рамушевский коридор. В дивизионе знали: открыла огонь гаубичная батарея – значит, Вызов услышал шум моторов на дороге. В его руках 122-миллиметровые гаубицы были мощным оружием, которым он уничтожил много вражеской живой силы и техники. Командир дивизиона майор Новиков очень ценил Вызова и не раз беззлобно и по смешному ругал его за то, что он при обстрелах ведет себя неосторожно:

– Ты, дурака кусок, себя совсем не бережешь!

– Хотите, чтобы я фашистским минам кланялся? – отшучивался комбат. – Не желаю!

Судьба долго щадила его. И все же, в конце лета, когда он шел с огневых позиций на свой НП, осколок вражеского снаряда попал ему прямо в грудь и убил наповал...

Две остальные батареи дивизиона имели 76-миллиметровые пушки. Из-за настильной траектории обстреливать лесные укрепления ими было труднее. Требовалось большое мастерство, чтобы в условиях ограниченной видимости, иногда на слух вести обстрел передовых позиций противника, его минометных и артиллерийских батарей.

Как правило, командиры батарей находились вместе с командирами стрелковых батальонов, в самой гуще боя.

...Не легче, а может быть, труднее было командирам взводов управления батарей. Их наблюдательные пункты располагались рядом с траншеями стрелковых рот. Во время боев на Сучане на левом фланге нашей обороны долгое время находился передовой наблюдательный пункт взвода управления, которым командовал старший лейтенант Игорь Филиппов. Трудно было представить, что этому всегда спокойному и очень мужественному командиру исполнилось только 19 лет. Он казался значительно старше своего возраста по своему поведению, по отношению к своему воинскому долгу. Сколько раз он вместе с радистом и разведчиком выползал вперед за окопы своей пехоты, чтобы пристрелять цель,

невидимую с его НП! Это был воистину труженик переднего края! Рядом с его блиндажом всегда стоял готовый к немедленной стрельбе станковый пулемет, – Филиппов отлично владел им, – и ротные пулеметчики доверяли ему так же, как своему командиру. Один раз, когда Филиппов во время своей очередной вылазки уже заканчивал пристрелку, показались солдаты противника. Они, видимо, заметили трех выползших в нейтральную зону храбрецов и решили захватить их живыми. Десятка два фашистов, прижимаясь к земле, ползли со стороны вражеской обороны. Филиппов вовремя их заметил и не растерялся. Он тут же послал по радиации команду на батарею и точным огнем рассеял гитлеровцев, оставивших в панике несколько убитых и раненых. Сам он и сопровождавшие его красноармейцы благополучно вернулись на наблюдательный пункт.

Погиб отважный комсомолец во время одного из самых тяжелых боев на Сучане 21 сентября 1942 года, когда фашисты предприняли тщательно подготовленную наступательную операцию против нашей дивизии. Последним его видел командир отделения связи сержант Трошкин, прибежавший на наблюдательный пункт, чтобы исправить связь. Филиппов, по его словам, вместе с несколькими бойцами стрелковой роты участвовал в отражении вражеской атаки, стреляя из пулемета "до последней возможности"...

...Наш начальник связи дивизиона лейтенант Трегубов, прибывший в 55-ю дивизию вместе с пополнением из-под Выползова, обеспечивал подразделения связью в самые тяжелые моменты. Под любым обстрелом выходил на проложенные по болотам телефонные линии, вместе с бойцами искал и исправлял повреждения. Ему везло все лето.

Был он откуда-то с Волги, любил рассказывать о своей семье. Писем получал больше всех. Когда в октябре нас первый раз отвели с болота Сучан на отдых, все считали, что дивизия туда уже больше не вернется. Один Трегубов сказал:

– А мне почему-то кажется, что я так и останусь на Сучане.

Пророчество его сбылось... Через неделю или полторы нас снова вернули на старые места. Трегубов, получив задание, пошел впереди связистов. Как всегда. Обратно в штаб дивизиона его принесли мертвым.

Поздней осенью 1942-го года, когда первые морозы сковали землю и снег припорошил Сучанское болото, в наш блиндаж-землянку штаба дивизиона, находившуюся в районе огневых позиций, вошла девушка в шинели, с сумкой с красным крестом.

Новиков и Саксин сидели за столиком, я и еще два красноармейца лежали на нарах. Новиков, очевидно, знал медсестру раньше. Он уступил ей свое место, сам сел на нары и сказал, чтобы приготовили кипяток – погреться чаем. Девушка возвращалась с батарейного НП, где делала перевязку разведчику, раненному три дня назад и не захотевшему идти в санбат. Держалась она просто, непринужденно. Мерцающий свет коптилки не позволил мне сразу рассмотреть черты ее лица. Пока согревалась вода в котелке, Новиков попросил ее спеть. Таня – так назвал Новиков девушку – сразу же согласилась. Откуда-то появилась и гитара. Тогда я впервые услышал бередящие душу слова:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Голос у Тани был негромкий, но очень чистый, нежный и проникновенный. Он унес мои мысли с заснеженного болота Сучан в необыкновенный мир той далекой любви, которую воспевала песня. И наша землянка, где в печурке тлел огонек, а кругом бушевала поднявшаяся к ночи метель, показалась мне не такой уж холодной и неудобной.

Позднее я многое узнал о комсомолке Тане Волковой. Это была красивая и отважная девушка. Ей не надо было говорить – иди перевяжи раненого. Она сама рвалась туда, где что-нибудь случалось. Казалось, что ни артиллерийский обстрел, ни свистящие пули ее не пугали.

В боях на болоте Сучан Таня познакомилась с политруком одной из батарей дивизиона – молодым, мужественным человеком, которого все очень любили и уважали. В январе 1943 года приказом по полку было сообщено, что они находятся в браке.

Большая любовь всегда возвышает. Многие знали Таню. Мы слышали о ней только хорошее. Поэтому приказ был встречен всеми с одобрением, запомнился. Выходило, война – настоящей любви не помеха!

Когда в апреле 1943 года дивизию сняли с Северо-Западного фронта, в первый же день пришлось пройти километров тридцать. Все устали. Таня в конце пути села на прицеп, где везли боеприпасы. Очевидно, один из снарядов был положен в прицеп по недосмотру, уже подготовленным к стрельбе, со снятым колпачком. Возможно что на ухабе чем-то задело боевую головку или снаряд стукнулся ею о стенку ящика... Взрывы потрясли воздух. Прицеп оторвало от автомашины и отбросило в сторону. У политрука отобрали пистолет: все произошло на его глазах, он хотел застрелиться. Могила Тане копать не пришлось. От нее, после взрыва, ничего не осталось. Только песни. Одна из них, услышанная на Сучане, и сейчас вызывает щемящее чувство в моей душе.

А некоторым отчаянно везло. Когда убило Манушкина, разведчик Александр Алалыкин был с ним рядом, но его не зацепил ни один осколок, только немного оглушило. Все лето он просидел на наблюдательных пунктах, в каких-нибудь сотнях метров от немецкого переднего края. Рядом с ним убивало и ранило людей – разведчики выходили из строя один за другим, а Алалыкин отделялся дырками в шинели, в сапогах и даже в пилотке. И теперь он вспоминается мне: невысокого роста, лет двадцати пяти, широкоплечий, со скуластым открытым лицом и добрым взглядом черных глаз. Был в любой обстановке спокоен и деловит. Скромнен и молчалив до крайности. Как-то по дороге с НП на огневые позиции наткнулся и захватил в плен отставшего от группы разведчиков гитлеровца. В дивизионе узнали об этом, когда пришла весть из штаба полка, куда он отвел пленного.

Разведчики не всегда дожидались своих наград. Чаще награды находили их в госпитале, либо о них говорилось в похоронной. К концу боев на Северо-Западном фронте Алалыкин получил медаль "За отвагу".

Много раз мог погибнуть на Сучане, но не был даже ранен мой друг, сержант-радист Саша Ипполитов. Летом он неоднократно сопровождал Филиппова, когда тот делал вылазки для пристрелки. Накануне боя, в котором погиб Филиппов, Ипполитов находился на наблюдательном пункте дивизиона. Вместе с ним был заместитель командира шестой батареи старший лейтенант Талидан, временно исполняющий обязанности командира дивизиона. Вечером, 20 сентября, в блиндаж к Талидану и Ипполитову пришел Филиппов. Два связиста поочередно дежурили у телефонного аппарата. Ипполитов, как обычно, проверил на ночь радиосвязь. Рация работала отлично. На передовой стояла мертвая тишина. Незаметно тема разговора изменилась. Вместо обсуждения событий на передовой, начались рассказы о довоенной жизни, о личных делах. Саша с удивлением узнал, что Филиппов – его ровесник, они оба окончили среднюю школу перед войной. Беседа велась всю ночь. Когда перед рассветом Филиппов пошел на свой наблюдательный пункт, Ипполитов проводил его и снова вернулся в блиндаж. Уже засыпая, он подумал, что на передовой непривычно тихо.

В этот момент совсем рядом с блиндажом разорвался тяжелый снаряд, вслед за этим послышался нарастающий вой и грохот. Через какие-то мгновенья звуки слились в общий гул, который не давал возможности слышать друг друга и разговаривать по телефону. Из щелей в накате заструился песок; от сотрясений воздуха погасло пламя коптилки. Не дожидаясь команды, Ипполитов включил рацию и услышал в наушниках голос сержанта Асобины – штаб дивизиона требовал доложить обстановку. Пока Талидан безуспешно пытался связаться по телефону с Филипповым, чтобы узнать, что происходит на левом фланге, Ипполитов выскочил из блиндажа, надеясь увидеть кого-то из стрелков. В нескольких шагах от себя он заметил вражеского автоматчика, стоявшего к нему спиной. Между деревьями мелькнули еще несколько зеленовато-серых фигур. Ипполитов выстрелил из карабина, увидел, как фашист упал, и бросился в блиндаж. Талидан, узнав от Ипполитова,

что рядом с блиндажом гитлеровцы, приказал ему передать на батарею, чтобы она открыла огонь по наблюдательному пункту. Через считанные секунды, показавшиеся им вечностью, вокруг них загрохотали разрывы теперь уже своих снарядов. К ним, немного спустя, добавились почти одновременные разрывы многих мин от залпа, выпущенного "катюшей". После того, как разрывы смолкли, связист сержант Роман Дроздов, выскочивший из блиндажа посмотреть, что происходит, крикнул, что сильная автоматная перестрелка идет уже у второй линии наших траншей. Талидан дал приказ отходить. В таких случаях радисты обычно уходят последними: необходимо время для свертывания рации. Когда Ипполитов вылез из укрытия, он увидел нагромождение сбитых снарядами деревьев. Талидана и остальных уже не было видно. Он решил ползти по узкой, неглубокой траншее, уходящей от блиндажа на правый фланг. Через несколько десятков метров его рация, закрепленная на спине, зацепилась за ствол сбитой снарядом тонкой березы. Стараясь освободиться, он привстал на колени. Близкий взрыв немецкой ручной гранаты уложил его на дно траншеи. Осколки посекали ветви и ствол березы – они больше не держали рацию. Чтобы посмотреть, что с ней, сержант пытался сесть. Но как только его голова высунулась над бруствером, автоматная очередь оглушила его и засыпала глаза песком. Напрягая все силы, он быстро-быстро пополз по траншее, потом неестественно большим прыжком выскочил из укрытия и бросился к запасной траншее.

Он не запомнил, сколько раз падал на землю, сколько раз по нему стреляли. Добежать до своих – это было главным! Наконец, когда силы были на исходе, он увидел траншею и свалился в нее...

Тут находились и артиллеристы и пехотинцы, в том числе командиры. Один из них, чуть ниже среднего роста, коренастый, с усами, с орденом Красного Знамени на груди, выделялся своим спокойствием и распорядительностью. Потом Саша узнал, что это был капитан Виталий Михайлович Сарычев, командир полковой батареи¹¹. Когда Саша восстановил радиосвязь, Сарычев немедленно открыл артиллерийский огонь, прижал фашистскую пехоту к земле – ее продвижение прекратилось.

Вечером Ипполитову приказали идти в штаб дивизиона. Примерно через сто метров пути автоматная очередь прострочила кочковатую поверхность болота. Рядом с его ногами вражеские пули вздыбили фонтанчики воды. Ипполитову пришлось передвигаться ползком. Пропитанная водой и грязью шинель стала невероятно тяжелой, рация, карабин, вещмешок мешали движению. Сентябрьская болотная вода была ледяной, но с него лил горячий пот. Немецкий автоматчик, засевший где-то на дереве, долго не хотел выпускать появившуюся добычу. Только через три часа, перед закатом, добрался до штаба дивизиона. Этот день с его тревогами и невероятным напряжением запомнился девятнадцатилетнему сержанту на всю жизнь.

Не все выдержали испытание на болоте Сучан. Мой командир взвода лейтенант Спесин¹² совсем опустился. Лицо от грязи в коросте – боялся сходить в тыл помыться в бане. Терпел любые унижения, лишь бы лишний раз не появиться на передовой. Выскакивая по нужде, даже брючный ремень, не стесняясь, расстегивал и застегивал в блиндаже, чтобы не оставаться лишнюю минуту вне укрытия.

По иронии судьбы во время его очередной вылазки прилетевшая мина попала точно в него.

Через неделю Новиков вызвал меня к себе:

– Старший сержант! Вам присвоили звание младшего лейтенанта. Теперь будете командиром взвода вместо Спесина!

Я оторопело молчал. До этого дня командир дивизиона не говорил о своем намерении представить меня к офицерскому званию и не спрашивал согласия на это. Приказ о

---

¹¹ Позднее - командир 3-го дивизиона нашего полка.

¹² Фамилия изменена.

назначении командиром взвода был полной неожиданностью и озадачил меня. Не потому, что я мог не справиться с новыми обязанностями – бои на болоте Сучан лучше военной школы подготовили меня к этому. Да и Спесин, самоустранившись от управления взводом, уже передал фактически мне свои обязанности. Выбрав после окончания школы институт вместо военного училища, я и тут, на Сучане, скорее по инерции, чем по размышлению, оставался верен своим намерениям. Когда сейчас вспоминаю об этом, то невольно думаю: как оптимистична, как сильна своими мечтами, молодость! Шла жесточайшая война, и конца ее не было видно. Каждый день и час несли смерть и увечья, но даже студеная вода Сучанского болота не могла погасить мою мечту учиться в институте!

Удивленный моим молчанием и, очевидно, желая меня подбодрить, Новиков сказал:

– Вы же кадровый младший командир. Приобрели боевой опыт. Из сержантов вы один из первых в полку получаете офицерское звание. Можете гордиться этим! – И, перейдя на "ты", давая понять, что разговор окончен, добавил: – Шагай дальше, старший сержант, твой путь только начинается!

Так распорядился он моей судьбой. И все же я долго хранил свою красноармейскую книжку, думая, что если меня ранит, то покажу ее в госпитале и верну звание старшего сержанта...

Мои обязанности после нового назначения практически не изменились. Большую часть времени по-прежнему проводил в штабе дивизиона, который, как правило, располагался в 2-х – 3-х километрах от переднего края, примерно посередине между наблюдательными пунктами и огневыми позициями батарей. Пули сюда долетали редко, разве что шальные, а вот от немецких снарядов и мин доставалось основательно.

Однако и шальная пуля может ранить и убить. Как-то в один из погожих дней мы вышли из блиндажа и о чем-то разговаривали. Вдруг сержант Заяц, стоящий среди нас, безмолвно упал на землю. Череп пробила залетевшая сюда шальная пуля.

Вскоре после своего назначения я чуть не натворил беды. Только по счастливой случайности все обошлось благополучно. Наш НП дивизиона находился на Огурце – небольшом продолговатом лесном островке вместе со штабом стрелкового полка. Впереди, примерно метрах в 600-х, была Роща-Круглая – такой же островок, но занятый противником. С утра к штабу полка стали подходить красноармейцы для получения наград. Потом из штабного блиндажа вышел командир полка, построил красноармейцев и стал вручать ордена и медали. В шеренге стояло человек пятнадцать. Еще вчера Новиков сказал мне, что надо бы провести пристрелку по центру передней части Рощи-Круглой. НП был на высокой ели, растущей возле штабного блиндажа. Я залез туда, предварительно подсчитав угломер и прицел по заданному реперу. Передал связисту команду: "Первому оружию, осколочным, заряд полный, прицел... угломер... один снаряд, огонь!" Снаряд свистнул совсем близко от меня и разорвался метрах в двухстах впереди от шеренги награждаемых...

– Кто стреляет?! – услышал я громкий крик командира полка, встревоженного разрывом явно "своего" снаряда. Я отмолчался. Быстро опустившись вниз, позвонил на батарею, спросил, какой заряд был использован. Мне сказали "неполный". У нас в то время были "полные" и "неполные" заряды, последние летели на полкилометра ближе. Я дал команду использовать полный заряд, а заряжающий ошибся. На свое счастье, в этот раз вел стрельбу не шрапнелью, а осколочным снарядом. Взволнованный случившимся, я не стал продолжать пристрелку, хотя награжденные уже разошлись.

Из-за спешки и трудностей стрельбы в лесу бывали и трагические исходы. Помню, осенью, при очередном наступлении на Сучане, дивизии была придана артиллерийская бригада 152-миллиметровых пушек – гаубиц. Штаб нашего дивизиона находился тогда на Лапте – недалеко от Огурца и Рощи-Круглой. Рядом с нашим блиндажом располагались несколько блиндажей штабных служб стрелкового полка, который мы поддерживали. Перед наступлением к нам пришел один из командиров артбригады с радистом. Он ничего не спросил. Когда началась артподготовка, на наш Лапоть стали методически падать тяжелые снаряды. Звуки выстрелов доносились из тыла. Мы высказали свои подозрения

представителю артбригады, но он возразил. А снаряды продолжали рваться в нашем расположении. К нам прибежал взволнованный начальник штаба стрелкового полка – в один из блиндажей, где было несколько пехотинцев, попал снаряд, и всех убило. Он потребовал, чтобы представитель артбригады передал по радиации приказ о прекращении огня всеми батареями артбригады. Обстрел Лаптя прекратился. Вероятно, подошедшая артбригада не разобралась хорошо в обстановке и приняла Лапоть за Рошу-Круглую, где засел противник.

Артиллерийский огонь, в отличие от оружейного, требовал коллективного труда разведчиков, связистов, вычислителей, огневигов. Он отличался еще и тем, что результаты его видели или могли оценить лишь несколько человек, находящихся на наблюдательном пункте. Очень многое зависело от командира батареи или командира взвода управления, ведущих непосредственно управление огнем, от их искусства в подготовке данных и мастерстве стрельбы. И вместе с тем огонь батареи мог быть успешным только тогда, когда солдаты и сержанты, обеспечивающие подготовку и открытие огня, выполняли свои действия быстро и умело. Стрельба прямой наводкой на Северо-Западном фронте практически была невозможной. В основном проводилась стрельба с закрытых позиций. Огневые позиции наших орудий находились в четырех – шести километрах от передовой. В этой сложной цепи управления огнем доставалось всем, но больше всех – командирам батарей, командирам взводов управления батарей, командиру дивизиона, начальнику разведки и начальнику связи дивизиона, разведчикам и связистам. Они почти постоянно находились в зоне прямой видимости или слышимости противника, так как располагались в районе командных пунктов рот, батальонов стрелковых полков. При успешных действиях их награждали в первую очередь, и это было справедливо.

После гибели Манушкина начальником разведки дивизиона стал лейтенант Николай Тимофеевич Мартынов. Мобилизованный в первые дни войны, он до этого работал ткацким мастером, имел семиклассное образование. Николай был старшим из нас. Незадолго до войны женился, жена осталась в городе Ликине под Москвой. Человек исключительной храбрости, выдержки, железного здоровья, Мартынов словно родился для должности начальника разведки. Бывая в самых опасных местах Сучанского болота, он тем не менее ни разу не был серьезно ранен. Выручали природная сметка, наблюдательность, быстрая реакция на изменения в обстановке. С легкими ранениями он не считал нужным обращаться в санбат и оставался на передовой. Помню, что уже позднее, в Белоруссии, у него осколком срезало кожу на животе, задело и мускульную ткань. Только через несколько дней Новиков сумел заставить его пойти в санбат, чтобы сделали хорошую перевязку и подлечили загноившуюся рану. Там же, в Белоруссии, когда мы стояли на отдыхе, новый боец во время обучения случайно выдернул кольцо у гранаты-"лимонки" и, испугавшись, отбросил ее почти под ноги Мартынову. Николай чудом уцелел, пах и низ живота усеяло мелкими осколками. В медсанбате он попросил, чтобы осколки извлекали без наркоза. И стерпел, не проронил ни звука, удивив всех своей огромной выдержкой. Кстати сказать, по внешнему виду Николай Тимофеевич не выделялся чем-то особым – невысокий, сухоощавый, с открытым взглядом серых глаз под белесыми бровями и чубом светлых волос на голове. Разве что выглядел удивительно молодо – никто не верил, что ему двадцать восемь лет.

Замечательным качеством Николая была его душевная доброта. Он всегда стремился помочь более слабому, причем безвозмездно, от душевной щедрости. Не один раз этот человек с риском для жизни помогал мне, делая вид, что это ему ничего не стоит, всё так и должно быть. Командир дивизиона капитан Александр Данилович Новиков в нем души не чаял. Мне он казался вообще непостижимым человеком, и я, сколько мог, пытался брать с него пример.

Я быстро сдружился с Николаем. В дни затишья или когда нас отводили в тыл для отдыха и пополнения, делились мыслями о волновавших нас событиях, наших фронтовых делах, о самом сокровенном.

Вести из родного дома становились и его достоянием. Были они всякими, не всегда радостными.

В один из дней пришло известие от отца:

"...Сегодня был у Чебаевских и видел у них твое письмо. А Таня вышла замуж... Студенты Ивановского энергoinститута, где она училась, выезжали в колхоз, и Таня познакомилась там с преподавателем, руководителем поездки. Она уехала с ним в Москву, не сказав родителям ни того, что выходит замуж, ни того, что уезжает от них..."

Нельзя сказать, чтобы это было неожиданным для меня. Ведь Таня, ответив мне, замолчала. Но просто так прекратить переписку не мог. Это означало бы, что сам ставлю крест на моем юношеском увлечении. Теперь-то я понял, что она хотела сказать своими словами: "Но ты не знаешь, какая я плохая..."

В начале июля пришла тревожная весть о Леве. Во время занятий танк, в котором находился брат, упал с моста в реку. Родителям Лева написал: "Ничего страшного не произошло, да и не могло произойти – ведь я не там, где Борис... Получил удар люком по голове – на затылке ссадина. Ударился лицом – разбил нос, содрал кожу на переносице. Под левым глазом на щеке будет шрам. Наложили скобки. Две "царапины" получил на подбородке. Поставили скобку, но вчера сняли. Выбил один верхний зуб, разбил нижнюю губу, она у меня распухла, даже говорить было плохо. Кроме того, очевидно, из-за раны на щеке опух и подтек левый глаз. Позавчера и вчера совсем не открывался. Сегодня же опухоль проходит.

...Вот видите, как все же я легко отделался!"

Брат сделал приписку: "Вчера получил письмо от Бориса. Обитает около прежнего болота. Бои, сообщает, идут порядочные: "Дел у меня много. Уже по привычке. Но война – хуже работы, все-таки почти все время как-то напряжен. Так долго на фронте без отдыха еще не был. Но, в общем-то, жить можно. Немцы, сволочи, только мешают" – это полностью его слова. Устал все же".

Мне брат о своей беде не написал, не хотел, видно, тревожить, считая, что мне и так не легко.

А ему и без фронта досталось! Он для него, наверное, тоже не за горами...

...За полгода, проведенные на Сучане, бойцы и командиры дивизии преобразились. Несмотря на то, что больших боевых успехов еще не было, дивизия становилась грозной силой, привыкая действовать как единый, четко налаженный механизм. Очень большую работу проводили с нами политработники дивизии. Заместителем по политической части нашего дивизиона во время боев на Сучане был капитан Касым Абдурхоевич Абайханов, позднее ставший парторгом полка. Мы регулярно получали газеты, в дивизионе проводились комсомольские и партийные собрания; в свободную минуту мы горячо обсуждали события на наших фронтах и у союзников. Они не радовали: под Харьковом наши наступающие войска попали в окружение и понесли большие потери; пал героический Севастополь, и весь Крым оказался под пятой оккупантов; пользуясь отсутствием второго фронта, фашистские войска в июле ринулись к Волге и Кавказу; захвачен Донбасс, наши войска отошли за реку Дон... Сводки Совинформбюро, снова, как в 1941 году, стали одна другой тревожнее.

В конце июля, когда немцы устремились к Сталинграду, к нам в штабной блиндаж пришел Абайханов и зачитал навсегда оставшийся в памяти фронтовиков приказ номер 227. Трудности нашей "сучанской" жизни, мои заботы о родных, сообщение о замужестве Тани – все отошло назад перед этими откровенными, тревожными и призывными словами сталинского приказа: "...Отступать дальше – значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину. Ни шагу назад!" Приказ этот запомнился мне как поворотный пункт в войне. День за днем мы напряженно следили за сводками. Сталинград не сдавался! Накал боев стал предельным, мужество защитников города – небывалым. Героический пример выполнения приказа, дошедшего до сердца каждого солдата, сыграл свою великую роль!

Абайханов отличался решительностью и смелостью. В партию вступил двадцатитрехлетним, еще до войны, в декабре 1940 года. Война застала его, как и меня, в Ленинграде. Первое боевое крещение политрук принял под Лугой осенью 1941 года. В бою под станцией Лычково в январе 1942 года был ранен. За мужество и отвагу его наградили

орденом Красной Звезды. Попав в наш дивизион, он сразу стал "своим", любимцем бойцов и командиров. В дни боев находился там, где труднее, - чаще всего на передовой. В затишье вытаскивал нас по очереди на концерты фронтового ансамбля, проводил политинформации; постоянно заботился о нашей пище и одежде.

Очень любили в дивизии начальника политотдела Николая Борисовича Ивушкина – незаурядного, опытного и умелого политработника. Он прошел суровую школу боев 1941 года на Западном и Калининском фронтах. Все лето 1942 года провел, как и мы, на Сучане, в составе 133-й стрелковой бригады, которую не раз нам приходилось сменять или вести бой рядом. Поэтому хочу сказать о нем сейчас, хотя он прибыл в дивизию после боев да Сучане. Роль политотдела, самого Николая Борисовича в успехах нашей части трудно переоценить. Командир дивизии, Герой Советского Союза Николай Николаевич Зайюльев, был человеком крутого характера. Николай Борисович умел вовремя сдерживать и поправлять его. Вместе они отлично руководили соединением, не случайно прошедшим большой и славный боевой путь. Этот человек сумел сплотить коммунистов дивизии в одно железное ядро. И сейчас, много лет спустя после войны, Николай Борисович остался верным долгу комиссара: разыскал и объединил ветеранов дивизии. Благодаря ему свершилось невероятное – 9 мая 1972 года в 6 часов вечера у Большого театра в Москве я встретился со своими однополчанами, о которых мне ничего не было известно двадцать семь лет! Но об этом – позже.

Хочется закончить рассказ об этих двух однополчанах словами Саши Ипполитова. Он сказал о них на одной из наших ветеранских встреч:

– Я считаю, что родился дважды: первый раз меня родила мать; а второй раз, уже как гражданин, я родился в боях на Северо-Западном фронте. И в этом большая заслуга капитана Константина Андреевича¹³ Абайханова и начальника политотдела дивизии Николая Борисовича Ивушкина!

Поздней осенью майора Новикова перевели в другой дивизион. Вместе с собой он взял Мартынова и меня. Начальником связи в новом дивизионе был лейтенант Геннадий Михайлович Беляев. Так мы оказались вместе: Мартынов, Беляев и я. На войне дружба зависит не только от тебя и твоих товарищей: ранения и смерти, служебные перемещения могут в любой момент оборвать ее. Нам повезло: почти полтора года шли мы одной боевой дорогой, поддерживая и помогая друг другу. Поэтому я хочу подробнее рассказать о Гене Беляеве, близком и дорогом товарище. Главной чертой его характера было исключительное чувство долга, стремление отдать всего себя делу, в правоте которого был убежден, не рассчитывая на какие-либо привилегии и награды. Ровесник по годам, он был более зрелым по жизненному опыту. Это не влияло на наши отношения: Гена держал себя на равных, был исключительно скромнен и внимателен ко всем. До войны работал учителем в сельской школе. В детстве лишился родителей, рано узнал, почем фунт лиха. Черты его лица выражали решительность и волю: прямой, немного хмурый взгляд, тонкие, крепко сжатые губы. Но стоило ему улыбнуться, как суровость исчезала. Любую работу делал всегда исключительно добросовестно. Логика его поведения и распоряжений, отдаваемых красноармейцам, выражалась предельно просто и справедливо: "Мы получили приказ, и мы должны его только выполнить. При этом ни себя, ни вас "жалеть" я не имею права". Взвод связи с его приходом стал образцовым в дивизионе. Ко времени нашего знакомства Беляев был уже коммунистом, секретарем партийной организации дивизиона. Он первый заговорил со мной о вступлении в партию перед тем, как нас сняли с Северо-Западного фронта.

Особенно доставалось начальнику связи в дни наступлений, когда приходилось постоянно выходить на линию связи, под обстрел. В первые же дни появления на Сучане (он прибыл в полк 1 июля 1942 года, на два месяца позднее, чем я) только случайность спасла ему жизнь. Связисты-телефонисты его взвода, свободные от дежурства, построили наспех

---

¹³ Так мы обычно звали капитана.

блиндажик под большой елью. Вернее, это был просто шалаш. Утром 3 июля противник начал сильный артиллерийский обстрел из 155-миллиметровых пушек. Связь с НП и батареями прервалась. Рация почему-то вышла из строя, и Беляев из шалаша позвали к радистам, находившимся в отдельном блиндажике, метрах в двадцати. Беляев еще не дошел до них, как его оглушило взрывом снаряда, попавшим прямо в дерево, под которым находился шалаш. Взрывная волна разметала его в стороны, осколками снаряда убило двух бойцов, пятерым были нанесены тяжелые ранения. Жестокий урок не прошел даром: связисты скоро научились строить прочные укрытия. Но большую часть времени им приходилось вместе со своим командиром проводить "на линии", прячась от обстрела за кочку, дерево или используя свежую воронку. Не знаю, как Гена уцелел и избежал участи Трегубова...

Когда его избрали секретарем партбюро дивизиона, ему шел 21-й год. Ни теоретической подготовки, ни опыта работы он не имел. Хорошо, что немного знал комсомольскую работу – вступил в комсомол в 1935 году и все время активно участвовал в комсомольской жизни. Здесь, на Сучане, ему помогали, главным образом, личный пример и то, что костяк партийной организации составляли в основном старые опытные коммунисты: связист Сергей Васильевич Архипов – коммунист ленинского призыва, рабочий из Наро-Фоминска; начальник штаба дивизиона капитан Андреев, бывший работник Харьковского тракторного завода (погиб на Сучане в декабре 1942 года) и другие. Беляев работал по их советам и наставлениям. Главной задачей коммунистов, комсомольцев, всех бойцов он считал честное выполнение своего воинского долга.

Партийная организация полка уделяла очень большое внимание росту ее рядов за счет передовых бойцов и командиров. К концу нашего пребывания на Сучане в управлении 2-го дивизиона три четверти состава были коммунистами, а во взводе Беляева из тридцати трех человек коммунистами стали тридцать два. Взвод связи так и называли взводом коммунистов.

Вспоминаю Беляева, Филиппова, Ипполитова: а какими взрослыми были эти молодые люди на войне! И, главное, сами считали себя такими, не просили и не думали ни о каких скидках на молодость. Когда же приходил опыт – все становилось по плечу!

За проявленные мужество и отвагу отличившиеся в боях на Сучане бойцы и командиры получили ордена и медали. Наград было не так уж много, и они не были щедрыми. Участок фронта, проходивший по болоту, по меткому выражению поэта Матусовского, находился на "задворках" войны, ее "фасад" был в Сталинграде и других "горячих" точках фронта. И хотя нам было не легче, командование не могло этого не учитывать. Беляева наградили орденом Красной Звезды, Ипполитова – медалью "За отвагу", меня – "За боевые заслуги". Эта первая в моей жизни медаль и знак ветерана Северо-Западного фронта, полученный много лет спустя, волнуют и говорят о тяжелых боях, о тех, кто навсегда остался на Сучане:

...Мы, встав здесь однажды, не двигались вспять,
Решив не сдаваться на милость.
Наверно, поэтому нас убивать
По несколько раз приходилось...¹⁴

Образные, точные слова...

Быть раненным на безлюдном, где почти, не было боев, участке фронта на берегу Волги и остаться живым, без единой царапины на унесшем столько жизней Сучане – это ли не парадокс войны!

55-ю дивизию со времен боев на Сучане кое-кто в шутку стал называть то "непромокаемой", то "болотной". И, может быть, не случайно мы попали потом на При

---

¹⁴ Матусовский М. На Северо-Западном фронте.

пятские, а позднее – на Пинские болота. Здесь дивизия получила название Мозырской, была награждена орденом Красного Знамени, а наш арtpолк – орденом Суворова. Но уверен: эти успехи закладывались в боях на болоте Сучан!

...В декабре 1942 года нас перебросили на новый участок Северо-Западного фронта. Привычного нам леса здесь не было. Только снежные поля и редкие кустики. А как же строить блиндажи? Первую ночь-две, когда дивизия еще сосредоточивалась на новом месте, спали просто на снегу, подложив под себя ветки или случайно уцелевшую плащ-палатку. Я не мог проспать всю ночь беспробудно, как это получалось у Мартынова. А он, проснувшись утром и не вставая со снега, на удивление всем нам, запевал что-нибудь веселое. Песен он знал множество, одна была лучше другой – народные, напевные, и веселые, и грустные.

Мне было не до песен. За ночь я всакивал пять-шесть раз, носился как очумелый, шлепая себя руками, пытаюсь отогреться.

Правда, Мартынов спал в шубе, а я в шинели, так как офицером стал недавно.

Приближался Новый год. Улучив время, я послал весточку домой.

"Поздравляю с Новым годом! Желаю в нем всего хорошего, а главное – здоровья! Живу сейчас в палатке. Мама, наверное будет теперь беспокоиться, что холодно мне. Нет, мама, солдату, видать, и на Северном полюсе будет жарко! К тому же и одет я прекрасно. Долго ли пробуду здесь – не знаю. Самое вероятное, что скоро опять буду на фронте. Надо немцев уничтожать, жизнь налаживать..."

Под Новый год дивизия заняла оборону. Мы разжились блиндажиком. Бревна привезли лошадьми за много километров. Потом ночью на руках подтаскивали к месту, где намечался штаб дивизиона. Блиндажик был низенький, но уютный. Появилась у нас и маленькая елочка без всяких украшений, но зато зеленая и пушистая. Ночь под первое января 1943 года настала тихая и звездная, с крепким морозом. Гитлеровцы попрятались в свои блиндажи. А часовые, быть может, напялив на ноги громадные соломенные лапти – мы их иногда находили в занятых вражеских окопах, стояли голодные, проклиная русских и лютый мороз.

А у нас у всех – отличное новогоднее настроение. Не только из-за полученных наград. В 1942 году дивизия не уступила врагу ни одного клочка земли. Мы научились держать крепкую оборону. Перед нами стояла полуокруженная немецкая армия. Чувствовалось, что не за горами время, когда и мы начнем окружать и бить фашистов!

В двенадцать часов ночи на передовой застрочили автоматы, полетели в небо ракеты. Вся передовая, не сговариваясь, как бы говорила фашистским войскам: "Ну, держитесь, близок час расплаты с вами! Будет вам еще не один Сталинград!" Начавшийся самопроизвольный новогодний фейерверк завершили "катюши". "Заиграв" где-то, совсем близко, они выпустили оранжево-огненные стрелы, расчертившие яркими полосами черное ночное небо. Ракеты пронеслись над нами. На вражеском переднем крае загрохотали взрывы. Немецкая оборона молчала.

Бои под Горбами и Леошкином

Позже, уже после Северо-Западного фронта, если надо было нам подчеркнуть убийственную тяжесть артиллерийского обстрела или особую жестокость боя, мы говорили; "Совсем как под Горбами". Так называлась деревня на одном из участков Рамушевского коридора, указанная на карте, но уже не существующая: фашисты сожгли и разрушили ее по не известной нам причине. Это был тот период, когда советские войска, воодушевленные победой под Сталинградом, вели успешное наступление на многих участках фронта. Мы прибыли под Горбы в суровые январские морозы и были брошены в брешь, пробитую в немецкой обороне. Враг отчаянно сопротивлялся. Для того, чтобы обескровить наши войска, использовалась многочисленная артиллерия, находящаяся в полукольце окружения. Ее налеты были массированными и точными: гитлеровцы организовали звукозасечку наших батарей, использовали для корректировки огня аэростаты. Стоило нашему орудью сделать три-четыре выстрела, как на огневые позиции обрушивался шквал артиллерийского огня

нескольких вражеских батарей. Пушки, людей, лошадей не раз спасали мощные укрытия из бревен и земли, которые мы строили, не жалея своего труда.

Проводная связь в разгаре боев под Горбами почти не работала. После артиллерийских налетов оставались лишь отдельные куски провода, соединить которые было невозможно. Каждые сутки прокладывались новые линии, но и они работали по 15-10 минут: осколки мин и снарядов снова рвали их на мелкие куски. Помню, что в один из дней, когда шел тяжелый бой и связь надо было обеспечить во что бы то ни стало хотя бы на несколько часов, комиссар полка майор Анатолий Францевич Циш приказал всему политсоставу полка выйти на линии связи вместе со связистами и восстанавливать провод.

На начальника связи дивизиона Беляева было страшно смотреть. Он исхудал и почернел; от мороза, бессонных ночей и дней, глаза у него слезились, белки глаз покраснели. Героическими усилиями всего взвода телефонную связь иногда удавалось восстанавливать, но ненадолго... Вблизи переднего края телефонные линии артиллеристов и стрелковых подразделений часто шли рядом. При повреждении нескольких линий одновременно связисты не сразу находили нужные концы, ошибались. На одни ошибки накладывались другие, и тогда можно было по одной линии слышать многих, не столько говорящих, сколько мешающих друг другу. Такая связь становилась бесполезной.

Мы каждый день теряли кого-либо из связистов, разведчиков, огневиков, командиров взводов и батарей. В этих боях я, в большинстве случаев, находился в штабе дивизиона, помогая начальнику штаба капитану Тирикову в обеспечении стрельбы батарей и подготовке боевых донесений. Капитану было за сорок лет. Ко мне он относился, как отец к сыну. Тирикова я полюбил, стремился помогать ему во всем.

В один из первых дней под Горбами капитан приказал мне пойти на НП дивизиона и уточнить его местоположение. До НП было километра 3-4. Я пошел, как всегда, один. Через километр пришлось идти по месту, куда ночью был произведен мощный огневой налет. Вражеские снаряды буквально перепахали вдоль и поперек большое поле, кругом чернели глубокие воронки. Земля, копоть, снег, сбитые мелкие деревья и ветки кустарника – все смешалось и еще пахло порохом. Один из тяжелых снарядов попал точно в то место, где вчера был наш штабной блиндаж.

Взрывом разбросало бревна наката по сторонам, часть валялась в образовавшейся воронке, углубившей яму блиндажа.

Я быстро, поневоле съездившись, перебежал обстрелянный участок, затем замерзший ручей и стал подниматься по лугу, заросшему редкими кустами. У конца его, где начинался лес, увидел блиндаж. Он оказался пустым. Я посидел немного на его крыше, сориентировался по карте, где нахожусь, и пошел дальше. Близость передовой уже сказывалась. Впереди время от времени трещали автоматы. И наши, и немецкие. Но пули еще не долетали до меня. По полю шли глубокие колеи от танковых гусениц, и, посмотрев, куда они ведут, я заметил сбоку, в кустах, два Т-34. Почему-то перевел взгляд с танков на небо и вдруг ясно увидел две летящие прямо на меня черные точки. Мгновенно шлепнулся в снег, и тотчас два близких разрыва оглушили меня. Ни раньше, ни позже не приходилось видеть, как летят мины. Это была какая-то невероятная удача: если бы не увидел мин, то, наверное, не успел бы упасть в снег до их разрыва... Полуоглушенный, я вскочил и бросился в лес. Снеговой покров между деревьями пестрел многочисленными воронками и посерел от копоты и выброшенной взрывами земли. Большинство деревьев имели повреждения от артиллерийского и минометного обстрела. Я перебежками пробирался дальше, прячась по возможности за деревьями: рядом то и дело громко щелкали разрывные пули немецких автоматов. При ранении такой пулей образуется рваная, трудно заживающая рана. Обычная же пуля, попав в мускульную ткань, повреждает ее незначительно: проходит неделя-две – и рана заживает. Наши войска, во имя гуманности, разрывных пуль не применяли.

Сейчас стрельба шла в лесу, и при каждом, самом легком соприкосновении с веткой или стволом дерева, пули разрывались, издавая громкий, щелкающий звук.

Наконец малозаметная тропа, на которую я случайно наткнулся, привела меня к

блиндажу. Я спрыгнул в узкий проход и нагнулся, чтобы побыстрее забраться в убежище. Но не тут-то было. В блиндаже люди лежали друг на друге. Тут были командиры двух стрелковых батальонов с несколькими бойцами, разведчики наших двух батарей, разведчики дивизиона, Ипполитов с рацией и Мартынов. Я кое-как забрался поверх всех, поближе к Мартынову. Дневной свет слабо проникал сюда. Лицо Мартынова казалось серым, выросшая за несколько дней щетина на щеках и подбородке изменила его черты.

– Зачем тебя сюда принесло? – спросил он.

Я протянул ему карту, попросил нарисовать передний край, спросил где НП. Мартынов сказал, что НП дивизиона и батарей метрах в 200-300 впереди, в воронке от тяжелого снаряда, сейчас там разведчик Алалыкин, сам же он сидел в ней весь вчерашний день, перемерз, но зато хорошо изучил передний край немцев. Идти днем на НП – бессмысленно, убьют. Даже в воронке, в которой он сидел, есть еще несколько мелких воронок от мин, попавших в нее за эти дни. Стрельбу комбаты ведут отсюда, ориентируясь на звуки разрывов. Я отметил на карте примерное местонахождение НП и блиндажа, Мартынов нанес линию переднего края. Тела подо мной начали шевелиться, надо было вылезать обратно.

– Подожди немного, – остановил меня Ипполитов.

И почти сразу же после его слов многочисленные разрывы окружили и затрясли блиндаж. Обстрел кончился так же внезапно, как и начался.

– Теперь иди, – сказал Саша, – они, гады фашистские, по расписанию сегодня работают!

Я попрощался, вылез из блиндажа и побежал обратно, подстегиваемый автоматными очередями, запахом тола, идущим от только что избитой минами земли, и уханьем тяжелых снарядов, время от времени рвущихся где-то справа. Запыхавшись, устав, пошел быстрым шагом. Хотелось скорее выйти из опасного места. У блиндажа, где отдыхал по пути на НП, увидел лежавшего навзничь мертвого красноармейца. Принес ли его кто сюда или тут его и убило – кто знает? Я не стал заходить в блиндаж и пошел не останавливаясь до самых огневых позиций.

В штабной землянке Тирикова не было, его вызвали на командный пункт полка. Пока я ходил, одна из наших батарей, находившаяся почти рядом со штабом дивизиона, открыла стрельбу. Враги засекли ее: едва забрался в землянку, как кругом стали рваться снаряды. Было разбито орудие. Нам тоже досталось: один из снарядов упал у входа в землянку. К счастью, только напугал нас – не разорвался...

Я понимал, что батарею нельзя оставлять на старом месте. Как только она снова откроет огонь, ее могут уничтожить. Не исключен налет и сегодня ночью: тогда на месте батареи останется месиво из земли, снега и железа и никакие укрытия не спасут орудия. "Надо готовить запасную огневую позицию", – решил я и распорядился за Тирикова. За ночь ОП была оборудована: сделаны укрытия для орудий и снарядов, блиндажи для орудийных расчетов. Я подготовил данные для стрельбы, выбрав целью вражескую передовую впереди НП, на котором только что побывал и в правильности координат которого не сомневался. Подошедший Тириков одобрил мое решение.

Перед рассветом связь восстановилась. Командир батареи, узнав о случившемся, приказал перетащить орудия на новые огневые. За какой-нибудь час батарея снова была готова к стрельбе...

Через несколько дней поступил приказ сменить места наблюдательных пунктов, приблизить их максимально к немецкому переднему краю, чтобы, по возможности, вести прицельный огонь. Стало еще труднее: стояли трескучие морозы, а на глазах у немцев невозможно было построить блиндаж или вырыть землянку, разве что яму в снегу. Пищу доставляли на передний край остывшей, а иногда и замерзшей. Даже чтобы дотащить термос до НП, надо было проявить немало мужества. Помню случай, когда один из бойцов струсил и вернулся с полным термосом, так и не накормив наших разведчиков, радистов и Мартынова. Новиков, бывший в этот день на огневых, вытащил пистолет и приказал бойцу немедленно идти обратно, пообещав расстрелять, если он не отнесет пищу своим же

товарищам. Фамилию бойца не называю. Позднее он был награжден медалью "За отвагу".

Мы никогда не теряли убитыми и ранеными столько людей, как в эти дни. На передовой наступил критический момент. Нет возможности укрыться от обстрела, согреться от лютого мороза; даже чистого снега для утоления жажды стало трудно найти. Гасла надежда уцелеть. В таких условиях теряла смысл сама жизнь, она становилась тягостной, с ней легко было расстаться, не дожидаясь осколка или пули, если расслабиться, опустить руки, сказать себе: все равно убьет... Но мысль, что такая гибель равносильна предательству, что все эти муки придется принимать кому-то другому, если струсить, сподличать, не выдержать до конца, заставляла людей все перенести, выстоять. Не зря сказал Ипполитов, что он родился дважды, высокое чувство гражданской ответственности в нем родилось именно на Северо-Западном фронте!

Посылая письмо домой, я не выдержал, захотелось, чтобы родители хоть немного почувствовали всю тяжесть фронтовой обстановки:

"...Вы, наверное, судя по газетам, думаете, что здесь боев нет – о нашем фронте сводки ничего не говорят. Но война здесь идет жестокая. Убитых немцев по высотам и лесам валяется порядком. Таких боев я еще не видывал! Черт бы побрал этого Гитлера, – свалился он нам на голову! Но мы его, конечно, вразумим! Только сегодня одни мы выпустили полторы тысячи снарядов! А бывают деньки и погорячее!"

Никогда после от нас не требовалось столько духовных и физических сил, сколько их было отдано за две недели боев под Горбами!

...В один из дней Новиков и Мартынов пришли с НП в штаб дивизиона. Кроме меня, в блиндаже никого не было. Поздоровавшись, растянулись на нарах, покрытых елочными лапами. Новиков стал рассказывать что-то смешное про Мартынова. Я молчал. Мы только вчера потеряли одного из командиров батарей. Нового офицера еще не прислали. "Почему Новиков не назначает меня командиром батареи? Ведь справился бы, а значит, смог бы делать больше, чем делаю, – с обидой думалось мне, – и так было бы честнее перед самим собой! Может, Новиков считает, что я не настоящий офицер, раз получил звание на фронте, без военной школы? Да еще всего четыре месяца назад? Или кто-то сказал ему о моих раздумьях, когда он назначил меня командиром взвода? Но они уже в прошлом!" Не Сучан, так Горбы сделали из меня другого человека: теперь не раздумывая согласился бы на предложение принять батарею.

Командир дивизиона, словно разгадав мои мысли, перестал шутить и сказал:

– Слушай, Малиновский! Я ведь понимаю, почему ты молчишь. Ты хочешь, чтобы я тебя назначил командиром батареи! Знаю, ты с этим справишься! И завтра же принесут тебя сюда убитого, или еще через день притащат собачьей волокушей умирающего в медсанбат. А скажи, что ты видел в жизни? Ты ведь и девушку ни разу не поцеловал!

Мартынов поддержал его. Лишь годом позднее, уже на другом фронте, когда у нас выбыл один из комбатов, Новиков временно назначил меня на его место.

Очень изменился за эти месяцы тяжелых боев наш дорогой Александр Данилович! Постоянно заботился о людях, старался избежать ненужных потерь. Случай со мной говорил о высоком чувстве ответственности старшего по возрасту человека по отношению к тому, кто в его глазах выглядел неопытным юнцом, вырванным из привычной жизни войной, и которому он искренне хотел, – насколько это было возможным, – помочь дожить до обычного человеческого счастья, казавшегося таким великим и прекрасным на фоне суровых фронтовых дней. А сам-то был старше меня лет на шесть, не больше!

Бои под Горбами завершились наступлением на Лешокино. Дивизии помогли танкисты, и в первый же день батальоны двух стрелковых полков подошли к селу, оттеснив врагов на несколько километров. Однако немцы сумели подбить часть танков, и наступление захлебнулось. Воспользовавшись этим, немецкие автоматчики зашли с флангов и отрезали продвинувшиеся к Лешокину два полка дивизии. Из артиллеристов там оказался командир полка и командиры двух дивизионов со своими взводами управления. Артиллеристы же нашего дивизиона в окружение не попали: стрелковый полк, который мы поддерживали, во

время боя большого успеха не добился и продолжал занимать позиции в районе Горбов.

Для окруженных наступили нелегкие дни. Боеприпасы и пищу им сбрасывали самолеты, но не всегда удачно. Единственный оставшийся полк дивизии, обескровленный наступлением, не мог ликвидировать возникший заслон немецких автоматчиков. Через несколько дней окруженные сами пошли на прорыв. Артиллеристы действовали как пехотинцы. Большинству удалось прорваться и вынести раненых.

В конце января пришел приказ: двигаться к Старой Руссе. Когда дивизион на походе растянулся по заснеженному полю почти на полкилометра, в нашем расположении стали рваться снаряды. День был ясный, солнечный. На немецкой стороне, километрах в тридцати от нас, мы увидели два аэростата. Однако немецкие наблюдатели, наверное, плохо видели разрывы. А может быть, учитывая возможность близкого окружения, приберегли снаряды для более трудного времени. Скоро обстрел прекратился, не принеся нам никакого вреда.

Под Горбами я еще лучше узнал Сашу Ипполитова и хочу добавить несколько слов о нем. Свое отношение к нападению фашистов семнадцатилетний Саша выразил тем, что подал заявление в военкомат о досрочном призыве в армию. Вначале попал в Московский отряд радистом. 19 ноября 1941 года, во время последнего немецкого наступления на Москву, отряд занял оборону западнее Клина. (В это время я находился за Волгой, не так уж далеко от этих мест). Он стал невольным свидетелем того, как в течение 2-3 дней через позиции отряда с запада на восток, в Клин, отходили группами и в одиночку, конные и пешие, измученные, обросшие, голодные, раненые красноармейцы и командиры, потерявшие связь со своими частями. Утром 1 декабря в бою при прорыве в сторону Яхромы Ипполитов был ранен, хотя и не очень тяжело, но идти не мог. До отказа набитая ранеными санитарная машина застряла на лесной дороге из-за перегрузки. Когда пули, немецких автоматов засвистели над машиной, она быстро опустела. Водитель сумел вырвать ее из грязи и доставил Ипполитова и одного тяжелораненого в Яхрому.

В течение одиннадцати дней, проведенных на переднем крае, ему, как и мне в то время, довелось испытать страх и голод, угрозу смерти и плена, пережить горечь отступления и другие неурядицы того периода войны. Ипполитову казалось, что он уже посвящен в солдаты-фронтовики. Только потом, когда после почти пятимесячного лечения в госпиталях и пребывания в запасных полках, он второй раз попал на фронт, теперь уже на Северо-Западный, он понял, что глубоко ошибался. Настоящим солдатом и фронтовиком он стал только здесь, на болоте Сучан и под Горбами!

Жизнь людей на фронте можно разделить на две части: одна из них та, в течение которой необходимо находиться в поле зрения противника, в пределах досягаемости его огнестрельного оружия, а другая – все остальное время. Можно знать или не знать о своем пребывании в зоне смертельной опасности. Когда знаешь, что тебя видит враг, принимаешь возможные меры к тому, чтобы это время было минимальным. Но часто это сделать невозможно: по условиям боевой обстановки необходимо быть почти на глазах у противника, не считаясь с тем, что подвергаешься крайнему риску быть убитым или раненым. Это время либо способствует укреплению в человеке высокого общественного долга, либо делает из него труса и предателя; это время является самой жестокой, но и самой объективной проверкой качеств человека. На Сучане и под Горбами – на глазах друг у друга – день за днем проходили мы ее. Нас связала истинная – фронтовая дружба. Она помогла на северо-западе, много раз выручала на других фронтах и теперь собирает ветеранов на встречи через столько лет после войны!

Передовая под Старой Руссой проходила по сосновому лесу. Таких высоких и стройных сосен я нигде еще не встречал. В районе наших НП увидел Мартынова... высоко-высоко на сосне, почти на ее вершине. Оттуда он наблюдал район Старой Руссы и пытался выяснить расположение немецких батарей. Дерево было таким высоким, что надо было иметь большое мужество на него залезть.

Я с трудом дошел до НП. Каждые 300-400 метров приходилось искать пенек – присесть, иногда просто прислониться к дереву. Так отдыхал несколько мину г, пока утихала

сильнейшая колющая боль под левой лопаткой. Что со мной – я не знал, к врачу не обращался. Очевидно, оказалось, что после ранения попал на фронт, еще не восстановив свои силы, и сейчас, после многих месяцев постоянного нервного и физического напряжения, они были на исходе. Может, причиной была бессонная ночь: над нашим блиндажом то и дело свистели тяжелые снаряды, разрываясь поблизости и тяжело сотрясая землю, – гитлеровцы, предчувствуя наступление, стремились сорвать подготовку к нему.

На этот раз я решил привязать НП с помощью стереотрубы – иначе определить точное местоположение мартыновской сосны было невозможно. Поэтому со мной пошли все красноармейцы моего небольшого взвода: Захаров, Рыбаков, Негин, Суриков, Кувалдин. Рыбаков нес стереотрубу, уложенную в футляр, Негин – треногу к ней в брезентовом чехле. Суриков – планшет и рейку для измерения расстояний.

Моим помощникам, за исключением двадцатилетнего Сурикова, было под сорок лет. Захаров "на гражданке" работал учителем математики, Рыбаков – завмагом, Негин – бухгалтером, Кувалдин – портным. Все они были вятичами. Несмотря на то, что каждый из них был почти вдвое старше меня, у нас установились теплые товарищеские отношения. Я, если оказывался свободен, участвовал в строительстве блиндажей. Старался не подвергать бойцов опасностям – когда требовалось пойти на НП и при этом не нужно было брать приборов, всегда ходил один. И красноармейцы отвечали мне заботой за заботу. Делились, когда прижимало, последним куском хлеба. Помню, в трудные времена, когда из-за оттепели на много дней совершенно прекратился подвоз продуктов, ко мне с котелком в руке подошел Кувалдин. – Товарищ младший лейтенант! – сказал он. – Мы вот картофель под снегом нашли и немножко сварили. Это – ваше...

Придя на НП к Мартынову, долго искали какие-либо ориентиры поблизости, но их не оказалось. Только к вечеру мы точно установили на карте, где находится пересечение двух просек, расположенное километрах в полтора от НП, и отсюда начали привязку. Перед тем, как стало темнеть, я нанес на планшет и карту Мартынова маленькие треугольники, обозначающие место его наблюдательного пункта.

Наступление под Старой Руссой началось утром 23 февраля. Заурчали "катюши" – они всегда первыми открывали артподготовку. К ним присоединились орудия нашего полка и поддерживающая дивизию тяжелая артиллерия Резерва Главного Командования. От мощного артиллерийского огня задрожала земля. Выстрелы орудий, сливаясь с разрывами снарядов на вражеской передовой, заглушая все остальные звуки, сотрясали воздух сплошным мощным гулом.

Время от времени прорывались хорошо знакомые нам,... раскатистые и рыкающие звуки мощных ракетных снарядов, выпускаемых поодиночке специальными установками; воронки от них были похожи на воронки авиационных бомб.

Наиболее тяжелый бой развернулся в районе деревни Марфино. Один из эпизодов его рассказал мне на встрече ветеранов бывший начальник разведки первого дивизиона старший лейтенант Константин Михайлович Лосев, появившийся у нас в полку в августе, во время боев на болоте Сучан. Командир дивизиона поручил ему поддержать бой одного из передовых батальонов. Для двадцатилетнего комсомольца, всего полгода назад окончившего артиллерийское училище, это было первое серьезное задание, чуть не стоившее ему жизни и потому памятное. Вместе с ним были разведчик и телефонист. Впереди, в полукилометре, – вражеский передний край. Справа вдалеке смутно виднелась окраина Старой Руссы. Кругом – небольшой кустарник и мелколесье. Сзади, почти рядом, стояла хорошо замаскированная полковая пушка, подготовленная для стрельбы прямой наводкой.

После небольшого затишья немцы, перегруппировавшись, перешли в контратаку. Большой отряд автоматчиков и два самоходных орудия пересекли шоссе и двинулись на залегшие роты батальона. Одновременно усилился вражеский артиллерийский и минометный обстрел. Лосев, доложив по телефону командиру дивизиона о сложившейся обстановке, получил приказ открыть заградительный огонь дивизиона, но связь оборвалась. Связист побежал искать повреждение. Контратакующие приближались к нашим позициям,

ведя сильную стрельбу из автоматов.

Рядом ухнул выстрел. Это полевое орудие открыло огонь по наступающему противнику. Но после двух выстрелов оно замолчало. Это озадачило Лосева. Он подбежал к орудию и увидел, что командир орудия убит, расчет в замешательстве. Не задумываясь, он крикнул:

– Слушай мою команду! По ближней самоходке...

Бойцы словно ждали этих слов. Они бросились к пушке и точно выполнили команды новоявленного командира. Третьим снарядом самоходное орудие было подбито.

– По второй самоходке... – снова скомандовал Лосев, и вдруг в ушах у него возник какой-то сплошной звон, сменивший трескотню автоматов, а слева пахло пороховой копотью и гарью. Повернув голову туда, он увидел в нескольких шагах от себя еще дымящуюся воронку от взрыва снаряда или мины. К нему подбежал разведчик и стал что-то беззвучно говорить. Орудие продолжало стрелять, но и звуки выстрелов воспринимались лишь как едва слышные хлопки...

Вскоре атака была отбита. Фашисты понесли большие потери и были отброшены назад, за шоссе.

Через день слух у Кости восстановился. В боях под Старой Руссой повезло ему дважды. Несколькими днями позднее, когда фашисты были выбиты с занимаемых ими позиций, он вместе с разведчиками проходил мимо построенного немцами блиндажа. Его двойные стенки, между которыми была засыпана земля, служили бы хорошей защитой, если бы не открытый вход в блиндаж, обращенный к противнику. Начался артиллерийский обстрел. Лосев с разведчиком бросились в блиндаж. Там уже находилось несколько человек из стрелковых подразделений. Через открытый вход были видны блески огня, вылетающие из ствола вражеского орудия, бившего прямой наводкой. Какое-то предчувствие заставило Лосева выскочить обратно и спрятаться за заднюю стенку блиндажа. За ним сюда же прибежал разведчик. Только они присели, как раздался сильный приглушенный взрыв, затем треск, крики, стоны. Стенка пошатнулась, но осталась целой. От снаряда, разорвавшегося внутри, погибли все, оставшиеся в блиндаже...

Гитлеровцы почти год постоянно укрепляли линию обороны. Дивизия и соседние с ней части сумели прорвать ее, но развивать успех нашим полкам оказалось не под силу. Дивизию отвели на отдых. После нескольких дней боев немецко-фашистские войска, боясь полного окружения района Демянска, стали отходить. Наши войска шли за ними по пятам, нанося большие потери. Демянский плацдарм врагов был ликвидирован.

Для нашей дивизии это было последним боем на Северо-Западном фронте. Покидая его почти через год, наш артиллерийский полк имел то же количество солдат и офицеров, что и в начале боев на болоте Сучан, хотя за это время к нам прибыло пополнение, равное по своей численности целому полку. Об этом сказал на собрании офицеров командир полка Петр Андреевич Любимов. Большинство артиллеристов выбыло из полка по ранению. Но было много и тех, кто разделил судьбу старших лейтенантов Манушкина и Вызова, сержанта Зайца и старшего лейтенанта Филиппова, капитана Трегубова и Тани Волковой...

...И вот мы снова на марше, но уже двигаемся не в сторону фронта, а в противоположном направлении. Значит, пока для нас война кончилась! Надолго ли? Ведь еще такая территория в руках у немецко-фашистских захватчиков...

Грузимся. Эшелон за эшелоном покидают станцию. Прощай, болото Сучан, деревня Горбы, Лешокино и Старая Русса! Прощайте вы, дорогие наши товарищи, навеки оставшиеся на новгородской земле! Мы, живые, еще расплатимся с гитлеровцами за ваши загубленные жизни!

Под мерный стук колес теплушки написал письмо домой.

"...Я не знаю, что будет впереди, но сейчас мы двигаемся все дальше и дальше в тыл. Почти год мы простояли в обороне. Привыкли жить в блиндажах и землянках, в лесу и в поле. За эту зиму я практически не снимал шинели и шапки, они как бы стали частью моего тела, особенно – шапка. Без нее мне сразу как-то не по себе. Но все это пустяки! Главное,

видите, я жив и здоров, и мы научились неплохо воевать. А вот у фашистов дела явно стали хуже..."

Только убитыми 16-я немецкая армия потеряла до 90 тысяч человек. Добрая половина этой цифры приходится на потери от артиллерийского огня. Бои за Демянский плацдарм бывший начальник штаба 16-й армии генерал-лейтенант Бек-Баренц назвал "мельницей" – уменьшенным "Верденом первой мировой войны"¹⁵. Северо-запад был единственным участком вражеского фронта, за пребывание на котором каждый фашистский солдат получал памятную медаль.

Да, мы научились воевать! Когда я говорю – мы, я имею в виду, в первую очередь, мое поколение.

В войне участвовали все поколения советских людей. В первые дни и месяцы войны основная тяжесть легла на тех, кто проходил в это время службу в армии – на молодое поколение и кадровый костяк армии. Самоотверженное выполнение воинского долга при отсутствии в начале войны достаточного опыта привели к большим потерям в кадровом составе армии. И позднее, все четыре года война безжалостно перемалывала двадцатилетних, не щадя и тех, кто снова и снова возвращался на передовую из санбатов и госпиталей. Не случайно, когда я вернулся в Иваново, то смог найти всего лишь несколько товарищей, закончивших вместе со мной десятый класс.

При мобилизации в армию пришли люди взрослого поколения, "приписники". Часть из них участвовала в боях с белофиннами, на Халхин-Голе и озере Хасан, в освободительном походе в западные области Украины и Белоруссии, имела определенный боевой опыт. Другая часть обладала политической и военной закалкой, полученными в армии в мирное время. Третья – основная часть – просто имела большой жизненный опыт и умение работать – у станка, в поле, в школе, в институте. Оно помогло им быстро освоить науку войны. Они внесли в боевые действия армии основательность и деловитость взрослых, отношение к войне как и к работе – тяжелой, страшной, но необходимой. "Приписники" уходили на войну от своих семей, от своего дела, преодолевая горечь расставания, не зная, сумеют ли вернуться к привычному родному делу.

Позднее в армию и партизанские отряды влилось старшее поколение, уже обремененное возрастом, часто с подточенным здоровьем. Многие из них участвовали и в первой мировой войне и в гражданской.

Война стала всенародной.

Моему поколению было и легче, и труднее. Легче потому, что у нас не было семей, не было мыслей о смерти. В двадцать лет собственная смерть кажется невозможной, даже если она ходит рядом и даже тогда, когда на твоих глазах осколок или пуля лишают жизни твоих товарищей. В двадцать лет, еще только приглядываясь к жизни, на все смотришь широко открытыми глазами и постоянно ищешь новое, пусть очень трудное. Вначале, когда мы еще не представляли жестокости войны, мы так и смотрели на нее, стараясь все запомнить и не забыть, не задаваясь мыслью – а понадобится ли это нам? Выйдем ли мы из великой битвы живыми? Наконец, нам легче было потому, что рядом с нами находились старшие товарищи, глядя на которых, мы учились жить на войне.

На фронте наше поколение быстро повзрослело. На собственном опыте увидели, что несет людям фашизм. Военный опыт дополнился политическим. Теперь мы были готовы бить врагов с удвоенной силой!

---

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Военное издательство. М, 1961, т. II, с. 474.

НАГРАДА ВСЕМ – ПОБЕДА!

На Курской дуге

Степной, Центральный, 1-й Белорусский, 3-й Прибалтийский фронты. Порккала-Удд – таким был дальнейший боевой путь дивизии. На моем пути добавился еще и эвакогоспиталь в городе Мозырь.

В первых числах мая эшелон остановился в голой степи у станции Быковка под Касторной. Вручную, используя солдатскую смекалку и канаты, спускали орудия вниз с десятиметровой насыпи. Маршем, с длительными остановками двинулись по курской земле. В пути получили пополнение – людей, боевую технику, автомашины. В стрелковые полки и к нам в арtpолк пришли моряки с Дальнего Востока – молодец к молодцу. Они как-то очень быстро освоились и стали неотличимы от наших ветеранов. Пушки и гаубицы тащили машины. Сначала это были американские "шевроле", но они почему-то очень быстро вышли из строя, потом – мощные "студебеккеры". Лошади у нас все же остались, но только кавалерийские. Тяжеловозов отдали почти всех, оставив по одной упряжке на дивизион.

Все бы хорошо, но две недели пришлось сидеть без соли. Обидно: суп густой, каша сочится маслом, а начинаешь есть – назад, выворачивает...

Хорошо поют курские соловьи! Чаще всего мы останавливались в оврагах, иногда в деревнях. Соловьи заливались тут вовсю, отстаивая свою честь называться курскими.

На окраинах деревень вечером собирались девушки. Пели очень звонкими голосами под стать соловьям, танцевали с красноармейцами и офицерами, вспоминая, наверное, своих парней, ушедших на войну.

Но так продолжалось недолго. Дивизия получила задание построить линию обороны. Началась тяжелая повседневная работа. Стрелковые подразделения рыли окопы полного профиля, строили дзоты, траншеи. Артиллеристы готовили огневые позиции, снарядные погреба, наблюдательные пункты, данные для стрельбы. Фронт был очень далеко от нас, а делалось это как на войне.

Когда все было завершено, ночным маршем прошли вперед и снова занялись тем же самым. Почти всех солдат и офицеров дивизии "обкатали" танками. На специально подготовленном поле танки утюжили траншеи, заполненные бойцами, а те, пропустив машины над головой, забрасывали их "гранатами", отсекали "огнем" бегущую за ними "пехоту".

В начале июня мы сделали еще один бросок вперед и снова построили мощную линию обороны. Впереди, в 20-25 километрах от нас, была станция Поньри. Теперь между врагом и нами остались только наши фронтовые части.

Начальник разведки полка, ездивший на рекогносцировку к Поньям, сказал мне, что видел там Жукова вместе с каким-то генералом. В 1941 году, под Москвой, это имя мне еще мало что говорило. Теперь, в 1943-м, я уже знал: врагу не поздоровится! Так утверждала всезнающая и мудрая солдатская молва!

Близился день начала великой битвы на Курской дуге. 5 июля впереди загремела канонада. Мимо нас прошли танковые части. Арtpолк подняли по тревоге, и мы выступили к станции Поньри. К полудню дивизионы сосредоточились в лесистом овраге недалеко от железной дороги Москва – Курск. Впереди, километрах в десяти, грохотал бой. К нашему расположению подъехал бронепоезд. Остановившись у группы деревьев, тянувшихся вдоль насыпи, он сделал сильнейший огневой налет в сторону Поньрей. Никогда раньше я не видел бронепоезда и только сейчас почувствовал огромную мощь его многочисленных орудий. Бронепоезд сделал три огневых налета и укатил обратно.

Появились немецкие бомбардировщики. И сразу же, им наперерез, ринулись наши истребители. Послышалась частая дробь авиационных пулеметов. Немецкий бомбардировщик, летящий первым, выпустил пышный дымный хвост и с воем пошел к земле. То же самое случилось еще с одним. Остальные успели сбросить несколько бомб на железнодорожное полотно, высыпали дождь листовок и повернули на запад. "Это вам не

1941 год!" – невольно подумалось мне.

Одна из сброшенных листовок упала прямо на наш блиндаж. Враги пугали, что начинают новое, страшное по силе наступление, что ничто не спасет нас. Поэтому надо бросать оружие и с белым флагом выходить навстречу наступающим фашистским войскам.

Не первый раз немцы пытались агитировать сдаваться в плен. На Сучане листовки были с другим враньем. На одной, помню, были нарисованы ряды колючей проволоки на болоте и повисший на ней убитый красноармеец. "Вы все погибнете в этих страшных болотах, как этот солдат, если не сдадитесь в плен", – говорила надпись. На другой был сфотографирован Яков Сталин, и подпись гласила: "Даже сын Сталина понял бессмысленность войны и сам сдался в плен. Он призывает вас сделать то же самое".

Сейчас известны все обстоятельства трагедии Якова Сталина. Протоколы допросов из гитлеровских архивов подтвердили, что, попав в плен, он вел себя мужественно и достойно, за что был посмертно награжден (гитлеровцы расстреляли его) орденом Отечественной войны II степени. Но мы и тогда не верили ни одному слову захватчиков.

В напряженном ожидании приказа о вступлении в бой; прошел весь день. Впереди, на передовой, до вечера не прекращался гул гигантского сражения. Над полем боя стояло пыльное марево, над ним почти все время кружили самолеты. Шла непрерывная артиллерийская стрельба, с нашей стороны ее дополняло прерывистое урчание "катюш". Мимо нас проползали танки и самоходки. Бойцы и офицеры, проходившие с передовой в тыл, говорили, что немцы пустили в ход новую технику – танки, "тигры" с усиленной броней и мощные самоходные орудия "фердинанды", но ничего сделать не могут: наши танки и самоходные орудия, артиллерия и пехота подбивают и поджигают прорвавшие оборону вражеские машины. Минные поля, противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью – все умело идет в ход... Весь день враги рвались вперед, не считаясь ни с чем. Передовая понемногу приближалась к нам... Все слышнее и звонче становились звуки боя. Понесся огромный потери, гитлеровцы к концу дня потеснили на несколько километров наши части. Но только вечером настал и наш черед – был получен ожидаемый весь этот долгий день приказ о вступлении в бой. Наш 84-й артиллерийский полк был выведен из состава 55-й дивизии и придавался 13-й армии, защищавшей Поньри.

В ночь на 6 июля батареи нашего полка выдвинулись вперед, к оборонявшимся частям, заняли и оборудовали огневые позиции. Извилистый и широкий овраг, охватывающий Поньри с южной стороны, сослужил хорошую службу – огневые позиции и укрытия, вырытые на его склоне, были хорошо замаскированы. Взводы управления за ночь продвинулись в расположение стрелковых батальонов, оборудовали наблюдательные пункты. К утру заработала связь, батареи готовились открыть огонь. Над нами – я был вместе с начальником штаба дивизиона в одном из блиндажей – появились фашистские бомбардировщики. Волна за волной они подлетали к оврагу и бомбили не пикируя, боясь тратить время, потому что к ним уже подлетали наши истребители. Земля непрерывно содрогалась от мощных взрывов, и все же блиндажи, глубокие окопы и укрытия спасали орудия и людей. На передний край и наш овраг обрушился шквал огня фашистской артиллерии и минометов. От прямых попаданий в укрытия появились первые раненые и убитые. Теперь мы уже не были посторонними наблюдателями: вражеское наступление развертывалось на наших глазах. Наши пушки и гаубицы открыли ответный огонь. И слева и справа за многие километры от нас поднимался гул развернувшегося вчера сражения. Орудийные залпы наших батарей, разрывы вражеских снарядов и бомб, время от времени находящих свою очередную жертву, – так продолжалось до самой ночи. К концу дня надолго нарушилась связь с командиром дивизиона. Начальник штаба, капитан Агапов, назначенный вместо Тирикова, переведенного в другой дивизион, послал меня к Новикову, чтобы взять последние данные для боевого донесения. Уже темнело, когда я нашел командира дивизиона на наблюдательном пункте, недалеко от побитой снарядами и бомбами церкви. Обстрел стихал, и все равно, пока бежал туда и обратно, с трудом находя продолжение линии связи в местах повреждений, пришлось несколько раз упасть на землю: неподалеку, а то и совсем

рядом, так что над головой слышалось злое пение осколков, рвались снаряды и мины.

Следующий день – 7 июля – по ярости обстрела, а особенно бомбежки, превзошел все виденное до сих пор, включая Горбы на северо-западе. С раннего утра стаи немецких бомбардировщиков нависли над Понырями и нашим оврагом. Над местечком поднялось пепельно-серое марево. В воздухе шли постоянные воздушные бои. Наши истребители то и дело сбивали немецкие самолеты, но они шли и шли, волна за волной по пятьдесят, а то и сотне самолетов одновременно. В первые два дня наступления наш участок фронта для врагов не был основным. Главный удар они наносили в направлении местечка Ольховатки, в нескольких десятках километров левее нас, но существенного успеха там не добились. Теперь ставка делалась на захват Понырей с дальнейшим продвижением на Курск. На штурм этого небольшого местечка, почти села из нескольких сотен домов, обороняемого 307-й дивизией 13-й армии Центрального фронта, гитлеровцы бросили две полностью укомплектованных личным составом и боевой техникой пехотных дивизии и более 200 танков. "Здесь разгорелась одна из самых жестоких битв за время восточного похода", – напишет позднее один из немногих оставшихся в живых немецких офицеров, участвовавший в наступлении на Поныри¹⁶.

Тогда мы не знали стратегических замыслов врага, да и не наше дело было их разгадывать, но, чувствуя неимоверную напряженность боя, ожесточенность артиллерийского огня и бомбежки, поняли, что подошли решающие часы и дни наступления гитлеровцев.

При очередном, каком – не помню по счету, но не первом налете немецких пикирующих бомбардировщиков рядом с нами рванула пятисоткилограммовая бомба. спрессовав всех нас своим безудержно растущим воем и оглушительным взрывом в натянутый до предела комок мышц и нервов. Наш блиндаж подпрыгнул, сдвинулся в сторону, а потом закачался в судорогах взрывной волны. Начальник штаба, капитан Агапов, придя в себя и стряхивая упавшие на него комья земли, свалившиеся сверху и со стенок укрытия, отплеываясь от всепроникающей со смрадным запахом пыли, поднятой взрывом и заполнившей наш блиндаж, сказал то ли нам, то ли себе:

– Чуть-чуть еще – и перенесло бы нас из сегодняшнего ада прямешенько к богу в рай!...

Все уточняющие, но не подлежащие печати дополнения в адрес Гитлера и всей фашистской сволочи я убрал из этой фразы, они шли почти за каждым словом и завершали мысль капитана. Отважный офицер, плясун и остряк, известный всему полку, сохранил самообладание и в эти, прожитые рядом со смертью мгновения. У меня звенело в ушах, говорить я еще не мог, а сверху уже снова нарастал лишавший слов и мыслей свист новой бомбы...

После каждого налета капитан прикладывался к бутылке водки и отпивал несколько глотков. Это была его слабость, тоже известная всем. Из-за нее он очутился у нас, а до этого был на более высокой должности в штабе полка.

Налеты продолжались, и во второй половине дня мне пришлось исполнять обязанности начальника штаба поневоле.

В этот день Гена Беляев и его связисты сделали невозможное: связь со штабом полка, с батареями, с Новиковым постоянно прерывалась, но сразу же восстанавливалась – связисты быстро находили и исправляли повреждение. Весь взвод Беляева был "на линии", связисты рассредоточились по линии связи и постоянно выбегали на те места, где появлялись повреждения, исправляли их, не считаясь с бомбежкой и обстрелом!

При каждой вражеской атаке, а их было пять в течение дня, мне звонили из штаба полка, требовали сведения о положении в батальонах, о действиях поддерживающих их

---

¹⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Военное издательство, М., 1964, т. III, с. 260.

батарей, передавали приказы начальника штаба и командира полка. Четко работающая связь спасала меня.

Для штаба и командира полка штабы дивизионов являлись глазами и ушами, оценивающими положение на линии непосредственного соприкосновения с противником. Расположение наших и вражеских траншей, окопов, огневых точек на участке действия дивизиона, местонахождение огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и командира дивизиона, потери в личном составе и в технике во время боя – все это оперативно должно было доноситься в штаб полка и подытоживаться ежедневным письменным боевым донесением. В целях секретности при сборе сведений предпочтение отдавалось проводной (телефонной) связи, которая, в отличие от радиосвязи, обеспечивала большую скрытность передаваемой информации. Но это давалось дорогой ценой. Забегая вперед, скажу, что после десятидневного немецкого наступления во взводе связи осталась треть его состава. Потери у связистов были как в стрелковых ротах, даже больше – им постоянно приходилось быть под обстрелом без всяких укрытий. А это было во много раз опаснее, чем пережить обстрел или бомбежку в блиндаже.

Для меня работы и обязанностей добавилось. На Северо-Западном фронте, где неделями, а то и месяцами сохранялось примерно одинаковое расположение рот и батальонов, боевых порядков наших батарей и основных целей у противника, штаб полка мог, в крайнем случае, обойтись и без ежедневного донесения из дивизиона. Здесь же местность была незнакомой, все быстро менялось, и если прерывалась связь, то долго ждать было нельзя, штаб полка требовал точных и самых последних сведений. В таких случаях, как это и было вчера, выяснить обстановку на переднем крае поручалось мне. Да у начальника штаба и не было другой возможности – Мартынов на НП, Беляев – на линии связи, оставался командир топовзвода, освободившийся к моменту боя от своих прямых обязанностей по "привязке" огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и дивизиона.

К концу дня, когда гитлеровцы последним отчаянным штурмом захватили северную часть Понырей, из штаба полка стали требовать к телефону Агапова. Никакие мои отговорки, что капитан ушел на передовую и еще не вернулся и связи с ним нет, не действовали. Увидев, что Агапов зашевелился, я растолкал его, и мне показалось, что он уже пришел в себя. Я едва успел рассказать ему про захват окраины Понырей, как по телефону снова потребовали начальника штаба. Связист протянул ему трубку.

– Тр-р-рубка слушает! – громко и раскатисто, словно подавая команду, прокричал капитан.

Я уже раскаивался, что растолкал его, но было уже поздно: начальник штаба полка читал ему грозную нотацию. Сразу протрезвев от разговора с ним, капитан захотел связаться с Новиковым, с батареями. Связь, поврежденная при последней атаке врагов, не работала. Агапов послал меня к командиру дивизиона узнать обстановку на передовой.

Бой еще продолжался, немцы пытались продвинуться дальше. На околице местечка раздавались автоматные очереди, рвались мины. Ближе и ближе! Когда побежал улицей, прижимаясь к домам, немцы открыли оружейный огонь прямой наводкой: двойной рыкающий звук огромной силы налетел на меня и бросил на землю. Мне показалось, что в ушах лопнули барабанные перепонки. Откуда-то совсем близко било мощное орудие "тигра". Снаряды рвались совсем близко. Дальше бежать нельзя, надо было укрыться, переждать. Заметил темное отверстие в земле – яму, оплетенную прутьями, в каких куряне хранили овощи. Прыгнул в нее и чуть-чуть не сел на шею забравшемуся сюда же майору. Он тоже решил укрыться, тоже шел в штаб одного из стрелковых батальонов. Отсиживались минут пятнадцать, потом вылезли и побежали задворками улицы, перелезая и перескакивая невысокие плетни огородов. Я бежал за майором – вдвоем легче. Рвались мины, совсем близко трещали пулеметные и автоматные очереди, оглушительно рыкало орудие притаившегося где-то "тигра", жутковато посвистывали пули. Вот он, наконец, штаб стрелкового батальона – полуразрушенное каменное здание с выбитыми окнами и дверью. Здесь оказались и Мартынов с Новиковым. Человек десять пехотинцев. Лежало несколько

раненых. Разузнал обстановку, нанес ее на карту. Уходить обратно не хотелось. Ничего не может быть хуже – пробираться по передовой во время боя! А надо. Меня ждал начальник штаба. Сказал Новикову, что ухожу, и побежал тем же путем. Бой продолжался. Разрывы снарядов и свист пуль то и дело заставляли меня инстинктивно приседать или падать на землю. Но вот звуки боя уже позади.

Навстречу мне, из оврага, с ревом и грохотом двигались десятки наших Т-34. Ну, фрицам сейчас достанется! Долго глядел им вслед: может быть, в одном из них мой Лева...

В каждый из девяти дней яростного вражеского наступления капитан Агапов в конце дня диктовал, а я писал боевое донесение и чертил схему переднего края. Нет, не думал я тогда, что через много лет мне захочется вспомнить и описать эти бои! Но если бы и нашлись сейчас боевые документы и удалось бы по ним воспроизвести забытое, в них все равно не оказалось бы самого нужного для моих записок – человеческих переживаний. Чувства и мысли, определяющие поступки бойцов и командиров, когда человек один или вместе со своими товарищами ежеминутно смотрит в глаза смерти, в боевых донесениях не упоминались. Моя память не сохранила их тоже. Фронтвики меня не упрекнут: они-то знают – в дни особенно тяжелых боев сознание старалось забыть пережитое вчера, чтобы выдержать новый день. Четко помню одно: абсолютную уверенность всех, что враги не смогут прорвать нашу глубоко эшелонированную оборону. Надо только выстоять, как тогда, на Северо-Западном фронте, под Горбами. До конца! Ни в первые, ни в последующие дни наступления гитлеровцы не смогли продвинуться до нашего оврага, который отделяли от Поньрей всего лишь несколько километров!

На десятый день фашистское наступление выдохлось. Стрелковые полки нашей дивизии были подтянуты к участку фронта, где уже 9 дней, находясь в составе 13-й армии, вел тяжелые оборонительные бои наш артиллерийский полк. Дивизия получила приказ уничтожить противника, прорвавшегося в район Поньрей.

Дни наступления

На Северо-Западном фронте продвижение при наступлении оценивалось сотнями метров, редко километрами. А здесь уже к исходу первого дня стрелковые полки дивизии ворвались на станцию Поньри, на второй день освободили местечко полностью, а за следующие три дня отбили у противника больше десятка сел и деревень, уничтожив более 30 танков и истребив несколько тысяч солдат и офицеров противника!

Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, используя заранее подготовленные укрепления, переходя в контратаки с поддержкой танков, самоходок, бомбардировочной авиации. Наша дивизия после первых дней наступления лишилась половины своего состава, а еще через несколько дней полки дивизии свели в батальоны, батальоны – в роты. И все-таки наступательный порыв бойцов и офицеров был исключительно высоким, дивизия неуверенно шла вперед.

Пушечные батареи нашего 84-го АП поддерживали стрелковые подразделения "огнем и колесами": орудия выкатывались на передовую, прямой наводкой били по немецким огневым точкам и танкам.

В нашем дивизионе отличился капитан Петр Николаевич Кудинов, – только что назначенный заместителем Новикова, – и орудийные расчеты младших командиров Прокудина, Сергунина и Долгова. В ночь на 17 июля командование предупредило Кудинова, что утром ожидаются "тигры". Под руководством капитана огневики работали всю ночь. Надежно укрыли боеприпасы, углубили и замаскировали укрытия для орудий и расчетов.

Командира батареи не было. Его ранило в первый день наступления. Присланный на смену лейтенант был убит к вечеру второго дня. Поэтому Кудинову пришлось взять командование батареей на себя. Из четырех орудий в батарее оставалось три, одно было разбито накануне.

На Северо-Западном фронте капитан Кудинов находился в штабной батарее полка. Еще

до войны он кончил военную школу, стал командиром-артиллеристом. Участвовал в боях на границе в 1941 году и был ранен. Донской казак по происхождению, он был сильным и отважным человеком. В то же время его отличали ум, исключительная находчивость, энергичность и заботливое отношение к подчиненным. Последнее качество было, пожалуй, сильнее всех. Капитан как никто умел беречь своих людей. Не тем, что не посылал бойцов в опасные места – на фронте это невозможно, – а тем, что исключительно умело выбирал огневые позиции для орудий, требовал от подчиненных всех мер маскировки и надежного укрытия орудий, никогда не терялся и принимал своевременно единственно правильные решения, спасавшие жизнь людей.

Бойцов и командиров привлекала и его внешность – крепкая, ладно скроенная фигура, явно выраженный казачий склад лица, живой, всегда чуть-чуть насмешливый взгляд – капитан не лез за острым словом в карман, оно было у него на языке, заранее готовое шуткой остудить или, наоборот, поддержать собеседника. И по своему внешнему виду и по действиям он всем, в том числе и мне, казался старше своих лет, хотя был моим сверстником.

...Утром из недалекой ложины, одна за другой, медленно, как бы осматриваясь, появились четыре неуклюжие, с длинными стволами пушек бронированные машины. За ними бежали вражеские солдаты.

Кудинов распределил первые три "тигра" между орудиями и, когда они приблизились метров на 800, приказал открыть огонь. Навстречу танкам понеслись бронебойные трассирующие снаряды. Было видно, как некоторые попадали в цель, но отскакивали от мощной лобовой брони. "Тигры" открыли ответный огонь и подбили орудие старшего сержанта Долгова. Кудинов приказал подложить ящики от боеприпасов под ось поврежденной пушки. Батарея продолжала вести огонь, но он по-прежнему был безрезультатен. Танки подходили ближе и ближе. Наступали те минуты, когда проверяются воля и мужество командира и бойцов. И двадцатидвухлетний капитан не растерялся. Приказал командиру орудия Сергунину быстро перекатить орудие на 300 метров в сторону и вперед, чтобы встретить приближающиеся машины стрельбой в борт. Уверенные действия капитана сняли нервное напряжение с бойцов. Оставшиеся два орудия подожгли первый вражеский танк, он задымил и остановился. Остальные танки двигались к батарее, продолжая ее обстреливать. Поврежденное орудие совсем свалилось на бок, расчет уже не мог справиться с ним... Подбита и вторая пушка... Танки медленно продвигались вперед, жестоко обстреливая обнаружившую себя батарею. Положение казалось безнадежным. По счастливой случайности бойцы обоих расчетов не пострадали. Кудинов приказал всем взять противотанковые-гранаты и спрятаться в окопах. Но тут загрохотали выстрелы слева. Расчет Сергунина быстро выполнил маневр, встретил приближавшиеся танки стрельбой в борт! Два танка были подбиты, последний поспешил укрыться в овраг.

...По-иному закончился поединок с "тиграми" батареи капитана Воскобойника. Прилетевшие "юнкеры" разбомбили орудия, открывшие огонь по вражеским машинам. Оставалась только четвертая пушка старшины комсомольца Ивана Новикова, расположенная немного в стороне. Она была укрыта во ржи и хорошо замаскирована. Расчет заранее подготовил две запасные огневые позиции, чтобы во время боя иметь возможность изменять местоположение орудия, когда оно будет обнаружено. Семь "тигров" и два "фердинанда" ринулись на замолчавшую после бомбежки батарею...

Старшина слыл опытным командиром. За бои под Москвой и Сталинградом он уже имел награды: орден Красной Звезды и медаль "За отвагу". За месяц перед боями он вступил в комсомол. Его расчет считался образцовым. Орудие и бойцы стали единым целым. Обращение с пушкой было доведено до автоматизма. Каждый мог заменить любого из своих товарищей. В прошедших ранее боях расчет достиг такой скорострельности, что, казалось, орудие заряжается автоматически. "Тигры" и "фердинанды" встречали не первый раз.

Словом, это был боевой расчет образца 1943 года, прекрасно владеющий маневренным, легко маскируемым 76-миллиметровым орудием. Кстати сказать, в первые дни и месяцы

войны дивизионные пушки были другие – на высоком лафете, легко обнаруживаемые противником. Бойцы про них с горькой иронией шутили: "Гроза танков, смерть расчету".

Увидев рвущиеся к батарее танки, Новиков скомандовал:

– Расчет, к бою! Прямой наводкой, по ближнему танку, бронебойным, прицел... наводить под башню! Огонь!

Наводчик Смагин мгновенно выполнил приказ командира. Прогредел выстрел. Но танк шел вперед.

– Наводи точнее, огонь! – спокойно скомандовал Новиков. После этого выстрела он увидел, как из остова машины повалили клубы дыма. Второй танк продолжал идти вперед.

Выстрелами срезало и разметало рожь, скрывавшую орудие. Его заметили оставшиеся на бугре "фердинанды" – рядом с орудийным окопом стали рваться снаряды. Осколком ранило наводчика Смагина. Его наспех перевязали, уложили в ровик. Орудие на руках потащили во второй окоп. Высокая рожь скрыла передвижение, и расчет вышел из-под обстрела. С новой позиции танки просматривались хуже. Заменявший Смагина боец Хисматулин сделал два выстрела, однако опять безрезультатно. Но вот два танка поднялись на гребень холма и стали видны почти полностью. По команде Новикова Хисматулин навел орудие на башню левого "тигра". После второго выстрела танк развернуло, он врезался во второй, идущий рядом. Раздался мощный взрыв. Новиков хотел крикнуть наводчику что-то одобряющее, обернулся к нему, но воздушной волной близкого взрыва был опрокинут на землю. Очнувшись, увидел, что Хисматулин лежал рядом убитый. Снаряды продолжали рваться поблизости. Из расчета оставались только он и подносчик снарядов Паршин. Вдвоем они перекатали орудие на последнюю запасную позицию, из-за рыхлой земли это было страшно тяжело, и там силы совсем оставили их. Оба свалились в вырытый рядом ровик. К счастью, почувствовав отпор, "тигры" пришли в замешательство и на какое-то время замедлили свое движение. Теперь они шли медленно, высматривая недобитое орудие. Один, осмелев, увеличил скорость, стал быстро приближаться к батарее.

Новикову, наблюдавшему за танком через прицел, казалось, что "тигр" совсем рядом. Он видел, как ствол на башне танка стал разворачиваться прямо на него, сверкнул огнем. Снаряд разорвался сзади. Ранило Паршина, успевшего поднести Новикову еще один снаряд.

Летающие осколки заставили старшину прижаться к земле. Но он понимал, что теперь его собственная жизнь в его руках – надо немедленно выстрелить и подбить надвигающуюся на пушку грозную машину. Он вскочил, стремительно и как-то сразу, одним движением точно навел прицел на башню танка, рванул спусковой механизм. Его пушка и орудие "тигра" выстрелили одновременно. Тут же страшный удар лишил его сознания.

Первое, что он увидел, когда очнулся, были дергающиеся в конвульсиях ноги лежащего чуть сбоку умирающего Паршина. С невероятным трудом приподняв голову, старшина увидел, что они оба оказались под станиной собственного орудия, перевернувшегося от взрыва вражеского снаряда. Прислушавшись, понял, что "тигр" им подбит – лязгание гусениц сменила зловещая тишина; на несколько мгновений отодвинулась в сторону боль... Непосильная, давящая сверху тяжесть снова затемнила его сознание...

Больше ничего Иван Николаевич не помнил. В страде боев не все становилось известным сразу. В полку считали, что Новиков убит. Родители получили похоронку.

Тридцать лет спустя я услышал этот рассказ из уст самого Ивана Николаевича Новикова! Не мне, а детям Поныровской школы, разыскавшим ветерана и пригласившим его на встречу в дни тридцатилетия Курской битвы.

...Никогда не забуду, как в один из первых дней наступления пробирался через поле с несжатой рожью, где только что прошел танковый бой. Безжалостно исполосованное гусеницами тяжелых машин, оно хранило память о последних минутах смертельного поединка. То там, то тут виднелись остовы сгоревших немецких и наших танков. Стоял сильный запах гари. Во ржи лежали убитые, и немцы, и наши, - их еще не успели убрать. У конца поля в глубоком овраге штабель трупов фашистских солдат. Видимо, во время отступления хоронить не успевали. Подошел ближе и увидел раздутые, покрытые жуками и

мухами трупы – вонь ужасная. А посмотреть надо: это же враги лежали! Когда-то наглые, самоуверенные, безжалостные, поставившие на колени почти всю Западную Европу. Те, что считали себя непобедимыми, сверхлюдьми. Успели, видимо, похоронить одного из солдат – из земли торчал березовый крест. Я прошел почти рядом с ним и прочитал надпись – фамилию, даты рождения и смерти. День и год рождения совпадали с моими. Враг – ровесник! Туда ему и дорога! А для остальных и березового креста не будет! Провалилось объявленное всему миру "решающее" наступление! Символическая "встреча"!

На третий или четвертый день успешного продвижения вперед начальник штаба капитан Агапов и я пробирались к новому местоположению штаба дивизиона. Мы спускались по отлогому широкому лугу. Он простирался километра на два-три и упирался в речушку, которая разделяла наши и вражеские войска. За речушкой снова шло ровное, хорошо просматриваемое поле. Мы шли открыто, не маскируясь, считая, что снайпер нас не достанет, да их и не должно было быть у гитлеровцев, враги еще только обживали передний край, а снаряды или мины на нас двоих тратить не будут. Внезапно раздался пронзительный свист над головой, и сзади нас что-то сильно ударило по лугу, но взрыва не последовало. С вражеской стороны долетел негромкий звук выстрела. Мы полежали немного, встали и снова пошли вперед – необычный обстрел нас не испугал. Снова просвистело, и впереди, совсем близко, ударило по земле. Значит, метили в нас, но непонятно чем, такого на северо-западе не было.

– Озверели гады, – крикнул мне капитан, упавший, как и я, в густую траву, – из танка бронебойными болванками стреляют... Подождать надо!

Минуты через три-четыре решили продвигаться дальше короткими перебежками по одному. Первым вскочил Агапов. Он не отбежал и десяти метров, как снова свистнуло и ударило по земле снарядом, а вслед за этим, почти одновременно, раздался звонкий залп стоявших позади противотанковых орудий. Когда потом снова стали продвигаться вперед, никто нас уже не обстреливал. Молодцы артиллеристы! Видно, давно выслеживали обнаглевшего, зарывшегося в землю "тигра": покончили с ним одним залпом. Кстати сказать, это были последние дни пребывания начальника штаба Агапова в нашем дивизионе. Его опять понизили в должности, на этот раз назначили командиром батареи. Через несколько дней он был ранен, успев отличиться – когда убило наводчика, сам встал у орудия и с первого выстрела подбил "тигра". За этот бой капитан был награжден орденом Красной Звезды. Его дальнейшая судьба мне не известна.

...Во время одного из боев, когда наша дивизия преследовала противника уже далеко за Понырями, я пришел на НП дивизиона. Стоял жаркий летний день. На передовой было временное затишье. Разведчики лежали в нескольких метрах от блиндажа, подставив носы под лучи солнца. У входа сидел связист. Мартынов лежал в стороне от всех, метрах в пятнадцати. Вдруг на склоне высоты, метрах в двухстах от нас, разорвалась мина. Все бросились в блиндаж. Я, подбегая к укрытию, взглянул на Мартынова. Он не шевелился. "Спит, – подумал я, – надо разбудить", – и бросился к нему.

– Николай! Обстреливают! Бежим в блиндаж! – крикнул.

Мартынов повернулся с боку на бок, зевнул и громко, так, чтобы слышали разведчики в блиндаже, сказал:

– Меня не убьет!

Я и сейчас, когда пишу эти слова, слышу его спокойный, с небольшой хрипотцой голос. Прилетевшая и разорвавшаяся сзади нас мина засыпала кусты осколками. Я не стал рисковать и спрятался в блиндаж. Обстрел продолжался. Мины то и дело рвались на высоте – слева, справа, впереди и сзади нашего укрытия. Мартынов "выдержал характер". Минут десять-пятнадцать он пролежал под секущими кусты осколками, пока обстрел не кончился.

Те, кто был на войне, могут представить, как такое поведение действовало на людей. Не зря любили разведчики Николая Тимофеевича! Как много такое бесстрашие значило на войне, где человек становился комком обнаженных нервов! Но, если говорить о характере Мартынова, то это, пожалуй, не все.

Много позднее, уже в Белоруссии, я оказался случайным свидетелем другой картины. Как-то шел по плохо замерзшему, еще сырому, с редкими кустами болоту, запорошенному снегом. Впереди себя увидел человека. Внимательно приглядевшись, узнал Мартынова. Он не замечал меня и продолжал быстро идти. В этот момент с вражеской стороны прозвучали оружейные выстрелы, и сзади нас шлепнулись в болото и глухо разорвались два снаряда. Падая на землю, я увидел, как одновременно со мной упал и Мартынов. Потом мы вместе вскочили и побежали вперед и снова упали на сырую кочковатую землю болота при следующем снаряде. Мартынов был немного дальше от разрывов, чем я, но вел себя одинаково со мной. На этот раз он был один, и, зная об этом, не хотел рисковать своей жизнью.

Чем дальше от Поньрей продвигались наши войска, тем слабее становилось сопротивление врага. Гитлеровцы оставляли деревню за деревней, боясь, очевидно, попасть в окружение. Это были уже не те веселые курские деревни, которые мы проходили перед наступлением. В некоторых совсем не было молодежи – фашисты угнали ее в Германию. Попадались деревни, где окна закрывали крест-накрест приколотенные доски. Эпидемия тифа опустошила их. Иногда полк отставал от пехоты, нарушалась связь с передовой. Но все равно артиллеристы делали свое дело. Помню, во время ночного марша из штаба полка нам передали по радиации, что на шоссе, по которому отводилась вражеская техника, скопилось много танков, машин, артиллерии. Было приказано немедленно произвести массированный огневой налет. Начальник штаба капитан Воскобойник (он сменил Агапова) приказал огневым развернуть орудия, а мне – подготовить данные для стрельбы. Оружейные расчеты не заставили себя ждать, я тоже; через считанные минуты шквал оружейного огня заставил всех вздрогнуть. Спустя день, проезжая место обстрела, увидели результаты "работы" дивизиона – на обочинах шоссе валялись разбитые автомашины, орудия, необрунные трупы гитлеровцев. В сражении на Курской дуге проявился, как никогда раньше, накопленный за войну боевой опыт наших солдат и командиров – незримое, но страшное оружие, которое вкладывает в руки людей война. Фашистские войска в 1941 году имели это оружие с избытком. Теперь оно обернулось против них!

В конце боев, когда, казалось, уже мало что нам угрожало, мы потеряли весельчака – комбата старшего лейтенанта Панкратова и чуть-чуть не лишились Мартынова. Перед наступлением они укрылись в блиндаже с накатом из бревен и земли. После нашей артподготовки, когда роты пошли вперед, враг открыл огонь из тяжелых орудий. Один из снарядов угодили в угол блиндажа, но не разорвался, а своей ударной силой развалил накат. Как потом оказалось, в этом углу сидел Панкратов. Мартынова завалило бревнами и песком. Правую руку его зажал между бревнами, и она торчала наружу. Под тяжестью навалившихся бревен и земли, оглушенный ударом, он начал терять сознание... Когда прибежали Новиков и разведчики, сидевшие в соседнем блиндаже, то первым откопали Мартынова, увидев его торчавшую руку. Левоу рукой он прижимал к груди голову убитого снарядом и отброшенного к нему Панкратова. Много дней Мартынов был сам не свой, но в санбат не пошел, хотя дивизию отвели на отдых.

Мы прошли немало сел и деревень. Но вот и передышка. Дивизия прекратила наступление. Надо было привести себя в порядок, получить пополнение.

Многих солдат и офицеров наградили орденами. За умелое и решительное руководство боевыми действиями командир нашего дивизиона Новиков получил орден Александра Невского. Мартынова, очень много помогавшего Новикову, наградили орденом Красного Знамени. Капитана Кудинова – орденом Отечественной войны I степени.

Среди названий частей – участников Курской битвы, которые сейчас можно прочитать, побывав на месте бывшего командного пункта фронта, где воздвигнут величественный мемориал участникам сражения, название нашего 84-го АП встречается дважды: в составе частей 13-й армии, отражавшей натиск врага на Поньри, и в составе 65-й армии, с которой мы завершали наступление, находясь уже вместе со своей дивизией.

Во время наступления на Курской дуге мы с Левоу с каждым днем были все ближе и

ближе друг к другу. Только я был в районе Поньрей, и мы двигались в направлении Орла, с юга на север, а его часть наступала на Орел с востока.

Получая его письма, не раз думал, – а вдруг и тут повезет? В войну мгновения определяли возможность и несбыточность встреч близких людей, цена времени словно возрастала: перенасыщенное массой событий, оно словно спрессовывалось, позволяя случаю свершать; казалось бы, невозможное...

Может, и было до брата рукой подать, а – разминулись!

Уже после войны, когда я вернулся домой, отец дал мне присланные братом вырезки из фронтовых газет тех дней. На одной была фотография Левиного танка. Голова Левы в шлемофоне высывалась из открытого люка на орудийной башне. Вторая – рассказывала о комсомольском собрании: "...Парторг гвардии капитан Серов в своем докладе сказал: наши комсомольцы показали пример героизма и самоотверженности. В боях отличились тт. Беспалов, Петров, Белкин, Ющенко, Морозов. Высокую боевую выучку показал танковый экипаж комсомольца лейтенанта Малиновского. Многие из этих товарищей награждены правительственными наградами. После доклада комсомольцы рассказали о своих боевых делах, делились опытом работы. Командир танкового экипажа лейтенант Малиновский рассказал, как он подбил два танка противника. Его выступление комсомольцы встретили аплодисментами..."

На третьей газетной вырезке был помещен перечень фамилий награжденных. Среди них была и фамилия Левы. Он получил орден Отечественной войны II степени. Сбоку, на газетном поле, он своей рукой написал "Вот, Лелька, учись, как я воюю!"¹⁷

Отец сохранил письмо Левы, написанное им на другой день после боя, о котором он рассказывал на собрании:

"...Вечером под покровом темноты я со своей машиной поехал на помощь к своим товарищам. Ночь и следующий день были относительно спокойны. На следующий день, 3 августа, с утра началась артиллерийская подготовка. Немцы, видно, решили нас контратаковать. Иван тоже не бездействовал. Я со своими товарищами замаскировались и стояли в засаде, поджидая немецкие танки и пехоту. Моя машина стояла под прямым углом ко всем остальным и немного позади в молоденьком соснячке – верхушки сосенок чуть-чуть прикрывали башню.

Обзор был замечательный. На счет этого у других было хуже, они были в более высоких соснах. Во время артиллерийской подготовки частенько приходилось вылезать из машины и передавать полученные радиogramмы командиру. Все обходилось благополучно.

После проведенной артиллерийской подготовки, налета авиации противник пошел в контратаку. По бугру двигались пятнадцать немецких танков, за ними бежали группы автоматчиков. Какое было зрелище – глядеть как ползут эти железные бронированные машины! Подпустив их ближе, около 600 метров, я и все остальные открыли по ним огонь.

С первого снаряда я сшиб всю маскировку и верхушки ближайших сосенок воздушной волной. Мне стало хорошо видно этих гадов; зарядил бронебойным и с этого выстрела подбил и зажег один немецкий танк Т-IV. После этого сделал еще несколько выстрелов. Потом гляжу в прицел, а ничего не вижу. Пришлось вылезть из машины. Он, сволочь, заметил это и выпустил очередь из пулемета, но я быстро соскочил вниз.

Оказывается, ветка сухая с листьями от старой маскировки упала; я ее палочкой вытащил, рукой нельзя было: стрелял, собака. Вскочил обратно в танк и дал им жару! Мой башнер только успевал заряжать пушку. Подбил еще один танк. По другому бил, а его мой снаряд не брал. Оказалось, что это "тигр". Но и его потом подбили специальным снарядом. Жаль, что у меня их не было, а то бы я его расчихвости. Бой длился пять часов. За все это время мы подбили вместе с артиллеристами 21 немецкий танк, из них было 3 "тигра".

К вечеру, когда все немного стихло, нам привезли обед, а мы про него совсем забыли.

---

¹⁷ Сестра закончила 9-й класс школы.

Хотелось страшно пить; у меня даже верхняя рубашка была мокрая..."

Написанное карандашом и сложенное треугольником фронтовое письмо... Его невозможно читать без волнения. Наверное, если бы собрать все эти драгоценные треугольники того времени, то получилась бы потрясающая эпистолярная эпопея. Сколько мужества, непреклонной веры в победу, ненависти и презрения к развязавшему войну фашизму встает за простыми строками, написанными рукой старшего брата!

В те дни, когда наша дивизия, закончив наступление, была отведена на отдых, Лева все еще участвовал в боях. Сохранилась его открыточка, написанная в августе, всего несколько строк: "...Все-таки я каким-то чудом еще жив и здоров и ничем не болею. Ваши письма, как я уже вам писал, получил. Нам вороны с крестами тоже очень сильно пакостят. Во много раз больше вашего. От них сильнее всего и достается. В последний раз (позавчера) осколком маленьким разорвало локоть у гимнастерки. Теперь и я уже ко всему привык, как и Борис. Только ведь наше дело много тяжелее, чем у него. Я не знаю только как, но мне пока что везет. В машине насквозь пробиты два опорных катка, надтрансмиссионный люк и есть одна вмятина на башне. Пострадал, кроме всего, мой комбинезон. От него остались только клочки. Его разорвало осколками при бомбежке. Как видите, особенного ничего нет. Теперь бы только еще дальше прогнать фрицев. Сегодня буду писать всем письма. Напишу и Борису. Он где-то рядом и, наверное, тоже здорово воюет..."

Ад танковых сражений стоит за письмами брата. А танки шли вперед!

Форсирование Днепра

Отдых наш был коротким. Мы снова шагали днем и ночью на запад, теперь уже по украинской земле. Переходы нас утомляли, каждый день – по 60, 70, а то и больше километров. Ноги гудели. У многих начиналась "куриная слепота". Ночью они, как дети, шли, вцепившись рукой в товарища. Как-то я отстал, а потом догонял свой взвод. Услышал: кто-то в поле плачет. Оказалось – наш, самый маленький ростом солдат в дивизионе из последнего пополнения. Стоял он сбоку от дороги и громко хлюпал. Заснул на привале, а когда проснулся – идти не может, ничего не видит. Не хватало солдатам витамина С. А у меня – другая напасть. Во рту образовались язвы, горячее есть совсем не мог, только холодное, но и то с трудом. Ходил в медсанбат, сказали язвенный гингивит, помазали чем-то. Стало полегче, но ненадолго. Тоже, говорят, нехватка этого самого витамина. Я мучался несколько недель. К счастью, про мою болезнь узнал ветеринарный фельдшер дивизиона лейтенант Федор Лутай.

– Я тебя излечу, – сказал он, – у лошадей это часто бывает. – Стал мазать мне рот какой-то противной жидкостью. А я, сколько мог, пытался жевать спелую рябину, шиповник. То ли "лошадиное лекарство", то ли о мои витамины помогли, но гингивит у меня прошел.

А может, и молодость выручила. Вот один из красноармейцев, ему уж было под 50, шел-шел – и упал прямо на дороге. Сердце не выдержало. С молодыми так не бывало...

В походе заболел Мартынов. Новиков вызвал меня:

– Садись на лошадь Мартынова и проверь наш будущий маршрут! Жду тебя через шесть часов.

– Есть! – сказал я, взял карту и отметил маршрут.

Второй раз мне пришлось сесть на коня, но это был уже не Крокодил, а отличная верховая лошадь. Судя по карте, мне надо было одолеть всего сорок километров. Я лихо вскочил на лошадь, прищипорил – она пошла рысью, затем перешла в галоп. Меня трясло и бросало в седле, но постепенно приновился и стал ритмично опираться на стремяна в такт движению коня. Мне даже стало нравиться. Всю горечь своего положения я понял на обратном пути. Внутренние стороны бедер горели, как обожженные огнем. Я пытался опираться поочередно на каждую ногу, освобождая по очереди от соприкосновения с седлом. Помогало, но мало...

На следующий день все повторилось. И так продолжалось несколько дней. Когда Мартынов выздоровел и сам сел на лошадь, я уже освоился с ездой. Конечно, у меня не было той лихости, что у Мартынова. Сам Николай Тимофеевич был отличным кавалеристом. Он научился езде еще в мирное время, когда служил в артиллерийской части на конной тяге.

Стрелковые полки шли впереди нас, освобождая один населенный пункт за другим, часто без помощи артиллерии, – так велик был наступательный порыв. Да и враги все еще не опомнились от поражения.

Когда до Чернигова оставалось не более сотни кили метров, пошли партизанские края¹⁸. Немцы не могли хозяйничать здесь как им хотелось. И они жестоко мстили за это. Запомнилась Корюковка. 20 сентября 1943 года 111-й и 228-й стрелковые полки освободили это местечко, бывшее до войны районным центром. Открылась страшная картина: от него остались заросшие сорняками сады, чернеющие из редкой травы пепелища домов – страшное кладбище нескольких тысяч уничтоженных гитлеровцами советских людей.

То, что мы услышали от немногих, оставшихся в живых, потрясло нас. Приведу лишь часть того, что было нам рассказано.

В марте 1943 года фашистские каратели оцепили местечко и стали сгонять жителей в ресторан. Людей затаскивали в здание, убивали выстрелом в голову и штабелями складывали в помещениях ресторана. К концу расправы из дверей ресторана лилась кровь. Чтобы скрыть следы небывалого по масштабам истребления советских людей, каратели подожгли Корюковку. Всех, кто убегал из местечка, безжалостно расстреливали.

На одной из встреч ветеранов нашей дивизии я поделился впечатлениями о трагедии Корюковки в присутствии бывшего военного врача Галины Сергеевны Федько. Она рассказала:

– В Корюковку санбат вошел почти одновременно со стрелковыми полками. Бой за нее был коротким. Враги убегали в панике, оставили на веревках, развешанных у пруда, сохнувшее нижнее белье. Мы двигались первыми по одной из дорог, проходящих через местечко, и стали свидетелями потрясающей картины человеческой боли и отчаяния: на дороге лежал мертвый старик, перерезанный танковой гусеницей. Скелет полусожженного юноши виднелся рядом. Над трупами склонилась женщина. Увидев нас, она в немом порыве подняла руки вверх, как бы говоря: "Отомстите!" До сих пор вижу ее глаза, без слез, горящие болью и гневом.

Нелегко было жителям и тех деревень и сел, которые фашисты не тронули.

Как-то в одной из деревень решил узнать, в каком направлении надо двигаться, чтобы попасть в соседнее село. Обратились к женщине, сидящей на крыльце хаты и кормящей грудью ребенка. Она показала рукой и сказала:

– Прямо! – Младенец оторвался от груди, посмотрел на спрашивающих, махнул ручонкой, подражая матери, и хриловатым баском произнес: – Р-рямо! Р-рямо!

На недоуменный вопрос сколько же лет ребенку, женщина ответила:

– Третий год. Другой еды нет!

...Перешли Десну по понтонному мосту. Значит, скоро Днепр! Новиков был вне себя от радости. До войны он жил на Украине. В Днепропетровске находилась его жена – не успела выехать, осталась в оккупации.

Вчера он мне сказал:

– Малиновский, а чего ты в партию не вступаешь? В такое время надо быть в партии! Бери пример с Беляева. Или ты всю жизнь думаешь в комсомольцах проходить? Вот что: я тебе даю рекомендацию для поступления в кандидаты, а ты сегодня же напишешь заявление. Вторую рекомендацию возьмешь у Беляева!

Предложение вступить в партию мне было сделано еще в первые дни войны, на Карельском перешейке. На Северо-Западном фронте со мной об этом говорил Беляев. Тогда

---

¹⁸ Здесь формировался партизанский отряд Федорова.

я считал, что еще не подготовлен к этому важному шагу. Теперь я понимал, что и Беляев, и Новиков были правы. В сентябре 1943 года, незадолго до форсирования Днепра, я был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Вот и Днепр! Его еще не видно. Дивизион остановился в небольшом прибрежном сосновом леске. За ним, меньше чем в километре, река. В леске оказалось невероятное количество маслят. Солдаты стали собирать их – будет к вечеру приварок! Невольно вспомнил, как по дороге с Курской дуги сюда, когда я заменял Мартынова, мне попалась полянка, буквально красная от сочной и спелой земляники. А я проехал мимо, потому что очень торопился.

Решил посмотреть на реку. Взял на всякий случай карабин с полным магазином патронов. Шел не спеша, понемногу поднимаясь по лесному склону. Подобрался к самому обрыву, переходя от дерева к дереву. Внизу открылась широкая полоса песка. За ней – красавец Днепр. Стал рассматривать, что делается на правом берегу. Ясно были видны траншеи, а в одной из них что-то очень похожее на голову. Подумал: "Далековато для карабина, но попробовать стоит... Может, будет одним фашистом меньше!" Поставил на рамке дальность, тщательно прицелился и нажал спуск. После выстрела осмотрел траншеи снова. Голова исчезла.

Когда я возвращался назад, подошли Мартынов и Беляев. Мы сели на землю около одного из отрытых давно, может, еще в 1941 году, окопов. Никогда раньше у нас не возникало разговоров о том, что будем делать после войны. А тут Мартынов вдруг сказал:

– Вот и к Днепру подошли. Значит, войне скоро конец. Ты чем, Борис, когда она закончится, займешься?

Я не мог ответить сразу, уж очень неожиданным был вопрос, на секунду задумался. В тот же момент наш разговор оборвал близкий разрыв снаряда, а может быть, мины. За Днепром послышались звуки выстрелов. Мы молниеносно очутились в спасительном старом окопе. Так я и не ответил тогда Мартынову на этот вопрос. Видно, рано задал он его...

Приказа на развертывание еще не было. Утром, как-то совершенно неожиданно для нас, из-за леса появились "юнкерсы". Мы их заметили, когда они уже пошли в пике, намереваясь сбросить бомбы. Разбежались кто куда. Я свалился в окоп, на дне которого лежала старая железная печка. Попытался вышвырнуть ее, но она снова упала мне на голову вместе с лейтенантом Сармакешевым, недавно появившимся у нас командиром взвода управления 1-й батареи. А-а-ах! А-а-ах! Земля под нами заходила ходуном от взрывов. Такие большие бомбы и так близко, пожалуй, еще не падали! А "юнкерсы" пикировали снова. Опять колыхалась земля от мощных взрывов; я, сжимаясь в комок, искал у нее защиты.

Когда пехота и артиллерия не были прикрыты с воздуха, "юнкерсы" нагнали, становились грозным противником. Вот и сейчас пикировали низко и бросали бомбы довольно точно.

В то утро двенадцать пикировщиков сделали 6 или 7 заходов... Похоронили мы еще нескольких товарищей. Шестерых увезли в медсанбат. У одного из разведчиков Сармакешева, – громадного широкоплечего молчаливого парня, – оторвало левую руку у самого плеча – и жгут не на что было наложить. Вряд ли довели его до медсанбата... Наши орудия стояли недалеко от нас, в лесу, без всякого укрытия. Одно из них было повреждено. Командир орудия убит. Громадный осколок отсек у него часть туловища. Человек прошел Северо-Западный фронт, Курскую дугу – и вот такая бессмысленная, бесполезная гибель...

Под Лоевом, куда мы вышли, наш штаб и НП дивизиона располагались в каком-то каменном полуподземном склепе, недалеко от небольшой церквушки, стоящей на самой высокой точке берега Днепра. Церковь постоянно обстреливалась. Немцы, видно, думали, что там могли быть наши наблюдатели. А там – поп! Да, самый настоящий поп, да еще с семьей – женой и дочерью. Шел кладбищем и позади церкви увидел большой склеп. Вход в него был завешен одеялом. Любопытство заставило заглянуть внутрь. Увидел всю семью священника. Попадья лежала на какой-то подстилке. Священник и дочь лет пятнадцати сидели.

– Что вы тут делаете? Вас может убить!

– Господь милостив, – ответил поп.

– Начнется наступление, вам будет совсем плохо, – пытался я уговорить их.

Они промолчали. Я ушел. Ну и ну! Храбрые люди! А может, еще не понимали всей опасности...

Отсюда нас перебросили к Любечу, маленькому городку, километрах в 70-ти ниже по Днепру. По дороге, где-то посередине, попали в такое болото, что едва вылезли: почище Сучана. Здесь будем форсировать Днепр. Заняли боевые порядки. Оба берега реки здесь были высокими. Места красивейшие! Поневоле всем вспоминались гоголевские слова: "Чуден Днепр при тихой погоде..." Кто-то из нас продекламировал их и добавил: "А вот если приходится его форсировать?" Но это уж так, не всерьез.

Разведчики принесли в штаб патефон и несколько пластинок. Слушали песни, пока не лопнула пружина. Тогда стали крутить пластинки пальцем. Кто-то пробовал крутить в обратную сторону. Ничего. Тоже музыка. Пусть слышат фашисты, как нам весело!

Через несколько дней нас немного сместили от Любеча. Опять появился лесной берег. Напротив – немного правее – белорусское местечко Деражичи. Значит, когда будем форсировать Днепр, попадем с Украины в Белоруссию! Здорово!

Стрелковые полки первыми переправились через реку. Немцы, видно, поздно спохватились. Полки дивизии захватили узкую прибрежную полосу, пытались развивать наступление. Однако немцы сумели остановить атакующих. Нужна была артиллерийская поддержка. Начал переправляться частями и наш артиллерийский полк. Помню, оказался в лодке, неизвестно откуда взявшейся. Вместе со мной сели пехотинец и два солдата моего взвода. Я впервые ехал на лодке, если не считать того, что когда-то в Иванове отец один раз брал нас на лодочную станцию, и мы прокатились по тихой Уводи, обдавая друг друга брызгами с весел. К счастью, пехотинец оказался моряком. Сильный ветер и матово-свинцовые волны нисколько не смутили его. Он взял на себя команду, и общими стараниями, "подбадриваемые" взрывами снарядов и мин, время от времени вздымающимися фонтаны воды в стороне от нас, пересекли Днепр, стараясь не очень поддаваться быстрому течению, относившему лодку от позиций, занятых стрелковыми полками.

Начались тяжелые дни сражения под Деражичами. Оказывается, кроме болот и степей есть еще и другие, не менее тяжелые, местности для войны. Например, пески. Вырытые окопы не держатся, песок сползает со стенок. Он везде – на теле, на зубах вместе с кашей, даже в воздухе, когда дует ветер. Пушки и снаряды приходилось тащить на руках. Для меня еще одна неприятность: никаких ориентиров. Песок, кусты, опять песок. Попробуй определись! Поначалу спасало то, что пушки выдвигались вперед, на стрельбу прямой наводкой: привязка отпадала.

Осенью 1943 года не было точки на нашем участке фронта, страшнее Деражичей: заросли кустов, песчаные прибрежные холмы на пути от берега Днепра к местечку хорошо просматривались и постоянно обстреливались противником.

Артиллеристы находились почти на одной линии со стрелковыми ротами. Был случай (о нем писала дивизионная газета), когда артиллеристы 1-го дивизиона нашего 84-го АП при внезапной танковой атаке фашистов оказались один на один с наступающими врагами и спасли положение. Это было за день до взятия Деражичей. Пушки 1-й батареи дивизиона стояли тогда на прямой наводке позади траншей одного из стрелковых батальонов, наступавшего вдоль днепровского берега. Рядом с траншеями находился наблюдательный пункт дивизиона. Отсюда разведчикам были хорошо видны заросли кустов, шедшие по берегу в направлении к Деражичам. Ближе к днепровскому берегу, рядом с двумя орудиями первой батареи, находился наблюдательный пункт командира взвода управления батареи лейтенанта Владимира Никитовича Сармакешева. Ему в сентябре исполнилось двадцать лет, но это был уже выдавший войну человек: семнадцати лет он ушел на фронт защищать родной Кавказ.

В этот день фашисты сделали отчаянную попытку сбить наши наступающие части с

захваченных позиций и сбросить их в реку. Под массированный "аккомпанемент" артиллерийского и минометного огня танки и самоходки врага двинулись на наши роты. Первым их обнаружил находившийся на НП дивизиона старший лейтенант Константин Михайлович Лосев. Тогда, в 1943 году, для меня и моих товарищей он был просто Костей, отважным парнем, успевшим в свои двадцать лет окончить артиллерийское училище, а еще через несколько месяцев, в боях на Северо-Западном фронте, получить звание старшего лейтенанта, орден Красной Звезды и медаль "За отвагу".

В бинокль он увидел два танка, две самоходки и автоматчиков, пробирающихся через кустарник. Судя по всему, вражеский десант хотел незаметно подойти к нашим траншеям: под гусеницами танков песчаная траншея сразу превратилась бы в братскую могилу для ее защитников.

По команде Лосева "заговорили" сразу две батареи – гаубичная и пушечная. Разрывы снарядов вблизи наступающих цепей противника прижали фашистских автоматчиков к земле, но не остановили танки и самоходные орудия. Под усилившимся минометным обстрелом машины приближались к нашему переднему краю. Выскочили из полуобвалившихся траншей и наспех вырытых окопов бойцы стрелковых рот и побежали к Днепру, прямо на артиллеристов первой батареи.

Не выдержали нервы у солдат. Да, пожалуй, не трудно понять, почему так получилось. После боев на Курской дуге и Левобережной Украине в стрелковых ротах осталось считанное количество закаленных, прошедших жестокое сражение бойцов. На каждого из них приходилось теперь по несколько молодых и необстрелянных солдат, почти мальчишек, призванных в армию с освобожденной черниговской земли, только что взявших в руки оружие, горевших желанием отомстить за свой поруганный край, но не имеющих боевого опыта.

Артиллеристы не поддались возникшей в ротах панике. Среди тех, кто был у орудия первой батареи, большинство прошли суровую школу Северо-Западного фронта, жестокие схватки с "тиграми" под Поньрями.

Не испугал артиллеристов и минометный обстрел – бывало и похлеще. Спрятались с головой в окопы, отсиделись. А когда гул танковых моторов стал слышнее, выползли из укрытий к орудиям. Командир огневого взвода лейтенант Сергей Сухоедов подал команду для стрельбы по танкам. Но еще до его команды прильнул к прицелу командир первого орудия старший сержант Петр Гаганов. Человек обстоятельный, рассудительный и слегка медлительный, он в эти минуты, сливаясь с орудием, посылал снаряд за снарядом в надвигавшиеся танки врага. Наводчик второго орудия младший сержант Лебедев, говорун и заводила во всех шутках батарейцев, упал рядом с пушкой бездыханный, не успев сделать выстрела – осколок разорвавшейся вблизи мины сразил его наповал. Его место занял командир орудия Николай Орешкин. Ожило и второе орудие. Смерч из песка и осколков поднялся над вражескими машинами. Танки и самоходки открыли ответный огонь. Окоп командира огневого взвода Сергея Сухоедова находился как раз посередине между пушками. Почти каждый вражеский выстрел был и выстрелом по нему, Сергею, Сережке, как звал его на год младший Сармакешев. Под таким огнем из окопа не высунешься. Но командиры орудий и без взводного отлично выполнили свое дело; завертели на месте оба подбитых вражеских танка, отползли назад самоходки. Одновременно с огневиками в бой вступили те, кто был на наблюдательных пунктах. Когда Лосев и Сармакешев увидели оставивших передовую траншею и бегущих мимо них бойцов, они вместе со своими разведчиками – Капустиным, Волынским, Черноголовым и другими – выскочили из окопов и сумели задержать бегущих, прекратить панику, повернуть их обратно.

Через тридцать пять лет, вспоминая об этом эпизоде, Владимир Никитович Сармакешев, бывший 20-летний лейтенант, напишет: "Вперед, только вперед! А вот дрогнули, не удержались молодые солдаты, "драпанули", забывая на какие-то мгновения, что назад – это путь к неминуемой гибели, что назад – это позор и смерть. Чем измерить эти мгновения? И как поверить в то, что эти же солдаты, в считанные минуты преобразившиеся

в победителей, остановились, опомнились, контраковали и отбросили врага! Жаркие бои чаще всего скоротечны. Была скоротечна и та атака и контратака под Деражичами. Задымили подбитые вражеские танки и самоходки, отползли от орудий в укрытие командиры орудий старшие сержанты Гаганов и Орешкин, другие ребята из орудийных расчетов. Ковырял ложкой в котелке остатки каши ефрейтор Петр Ерофеев, "управленец" батареи, только что ловко швырявший в набегающих немцев их же немецкие ручные гранаты с длинными деревянными ручками, поминая черта и остальную нечисть по причине полного молчания автомата, забитого песком при близком разрыве снаряда. И я, его командир лейтенант Сармакешев, уже не мог четко себе представить, что было в эти бесконечно длинные минуты жаркой схватки. А ведь что делал – орал, стрелял и, каюсь, хватал кого-то за шиворот... Обошлось. Все наладилось. Враг отброшен..."

В конце письма он добавил: "Если много лет спустя меня бы спросили о боях под Деражичами, что особенно памятно, какие воспоминания, и по сей день свежи и яркие, я бы не стал вспоминать ни об этом бое, ни о двух немцах, взятых мною в плен в сумятице той ночи после атаки... До сего дня не могу забыть песок, скрипящий на зубах, забегающий за шиворот и в рукава гимнастерки, затекающий в сапоги... Песок, превративший пищу в несъедобное месиво, а пистолеты, автоматы, винтовки – в малополезные дубинки и кастеты. Чтобы спасти затворы от этой песочной пыли, пеленали ТТ и трофейные "вальтеры" в полотенца и портянки и упрятывали за пазуху. Не знаю уж, как ухитрились некоторые солдаты сохранять и заставлять стрелять свое забитое песком оружие... И еще – неистребимый, тягостный трупный запах... Жаркие схватки не давали времени на уборку тел, а осень в тот 1943 год на Днестре была такая теплая..."

Ночью этого же дня фашисты начали отход. Попытались незаметно оторваться, кинулись к городку Брагину.

...Тридцать лет спустя я, по просьбе своих ставших уже взрослыми детей, поехал вместе с ними на автомашине показать места боев под Деражичами. Около Любеча на колхозном хлипком пароме, перевозившем скот, мы перебрались с левого берега реки на правый и двинулись по направлению к Деражичам. Послевоенные годы мало что изменили в этих местах. Машина сразу же застряла в песке, и, чтобы хоть как-то двигаться, пришлось спустить давление в шинах. Так на распластанных покрышках мы с трудом проехали первые километры. То и дело приходилось вылезать и подталкивать беспомощно буксующий в песке автомобиль. Едва выбрались на дорогу, всю в глубоких выбоинах и покрытую толстым слоем пыли. Наша скорость увеличилась, но ненамного. За нами тянулся густой шлейф пыли, сверху нещадно жгло летнее солнце. В машине было трудно дышать. Дети вспоминали подробности переправы. На паром с берега были перекинuty сходни – сбитые между собой две доски – отдельно под колеса с левой и правой стороны. Машина под большим углом спустилась вниз по берегу, встала колесами на сходни. Тогда я добавил газ, и автомобиль круто пошел вверх, выезжая на сходни. Когда задние колеса достигли настила парома, сходни упали в воду. Они не были закреплены. Машина, к счастью, уже выехала на паром.

Еще увидев хлипкий паром, узкие сходни и крутой спуск с берега, я понял всю рискованность нашей переправы. Но "отступать" было нельзя!

Когда, загнав машину на паром, я вылез из кабины, то увидел побледневшее лицо жены. Она сказала мне:

– У тебя в аптечке есть валерьянка? Дай! Мне плохо. Переправлявшийся с нами и подхвативший ее за локоть мужчина в форме летчика добавил:

– Что вам – мне плохо... Он мог погубить машину и покалечить себя.

Когда мы сделали остановку, чтобы немного отдохнуть, старший сын, выйдя из машины, обратился ко мне:

– Теперь я понимаю, как было трудно здесь во время боев и какими были вы тогда...

За эти короткие часы он действительно многое понял, я почувствовал это своим отцовским сердцем и был очень рад этому.

И все-таки представить по-настоящему, что было под Деражичами, могут только те,

кто в октябре 1943 года прошел и прополз по этим пескам под обстрелом и бомбежкой первые метры братской белорусской земли!

При форсировании Днепра 55-я стрелковая дивизия входила в состав 61-й армии. Она понесла здесь большие потери. После войны, в год 20-летия Победы, в Деражичах был поставлен памятник воинам 61-й армии, навсегда оставшимся на песчаном берегу Днепра.

На белорусской земле

От Деражичей дивизия двинулась на Брагин, догоняя противника, откатывающегося назад. Еще при немцах сюда заходили партизаны Ковпака и несколько дней держали город. Мы появились в нем утром и расположились у домов – отдохнуть. Меня, Мартынова и Беляева позвала к себе хозяйка ближайшего дома. Мы не стали отказываться. Давно уж не сидели вот так, по-человечески, за столом – от самой Курской дуги. Дочь хозяйки вытащила из подвала спрятанные от оккупантов пластинки. Зазвучала песня:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

У меня даже мурашки по коже пошли: вспомнил, как с этой песней мы ехали на фронт, еще не зная, что с нами будет и какой будет война. Сейчас я слушал ее с каким-то особым, все нараставшим чувством внутренней гордости – мы, пошли в поход, в бой за Родину и вот гоним немцев на запад, все быстрее и быстрее!

Хозяйка и дочь ее, девушка лет 18-ти, выглядели одинаково молодо. Когда мы сказали это, женщина заплакала. Оказывается, у нее была еще младшая дочь, которую угнали немцы. Вестей от нее не приходило.

Не только у меня держалось приподнятое настроение. Володя Сармакешев, захлебываясь от мальчишеского восторга и солдатской гордости, еще полный переживаниями от боя под Деражичами, написал письмо домой своей маме почти стихами:

"Видишь, родная, что дни моей службы идут,
А немцы бегут...
Идет по лесам белорусским
Солдат русский.
Вот тебе мое сообщение
Про наше наступление!"

Забегая вперед, скажу, что через два месяца попал он снова в Брагин на медсанбатовской машине. От деревни Прудок, под Мозырем, теряющего сознание и захлебывающегося кровью, везли его сюда по болотному бездорожью на телеге. Разведчик Капустин – тот самый, что вместе с ним бросился в контратаку под Деражичами, – сидел и маялся возле своего тяжело раненного в лицо комвзвода и поддерживал ему голову, стараясь принять на себя резкие толчки и покачивания телеги. Болотистый лужок с копенками сена и кочковатый, чуть припорошенный снежком лесок у деревни Прудок на самых подступах к Мозырю остались для Сармакешева последним видением Белоруссии...

После Брагина – Хойники. Перед этим городком прошли мимо концлагеря – большого, огороженного колючей проволокой участка поля с вышками на углах. Он был уже пуст. После короткой остановки выступили дальше. Прошли одну деревню, другую. Обе сожжены: первая – давно, вторая – только что, когда через нее проходил фронт; кое-где еще над сгоревшими хатами вился дым. Сиротами стояли обгоревшие печи с торчащими вверх

трубами. Когда выехали за деревню и спустились за бугор, прикрывающей ее, встретила повозка. Корова везла телегу, покрытую одеялами и тряпками. Сбоку шла пожилая женщина. Она была чугунно-синего цвета и от внутренней дрожи почти не могла говорить. Мы поняли, что в дни, когда здесь проходил фронт, женщина отсиживалась в болоте за деревней. На наши расспросы она откинула закрывавшее повозку одеяло. Под ним лежала куча ребят – мал мала меньше. Тоже посиневшие и, как нам показалось, почти недвижимы. А деревня, куда она ехала, – догорала!

Не первый раз встретился я с лихой бедой. Война принесла для населения, в первую очередь для женщин и детей, неисчислимое количество бед и несчастий. На Курской дуге в одной из деревень, оставленной немцами и взятой нашей пехотой без единого выстрела, я наткнулся на убитую женщину с мертвым ребенком на руках. Уходя, немцы в бессильной злобе обстреливали деревенские хаты, убили и ранили нескольких не успевших спрятаться жителей.

К убитым и раненым в военной форме волей-неволей как-то привыкаешь. Иногда можно себя и мысленно приструнить – нечего переживать, сам завтра будешь лежать здесь же поблизости или идти вот так, обливаясь кровью и пугая окружающих...

К безвинно убитым женщинам и детям – не привыкнешь никогда!

Теперь впереди у нас были Мозырь и Калинковичи, ставшие важными опорными пунктами немецких войск. После краткого отдыха, за время которого порядком отошлели из-за плохого, еще не наладившегося снабжения, выступили маршем к большому белорусскому селу, Юревичи. Был конец октября. Долго месили сапогами грязную, разъезженную дорогу. К вечеру подошли к Юревичам. Дома стояли темные, пустые. На улице, идущей вдоль деревни, – грязь по колено, сапоги засасывает. Не помню, по какой причине, но я оказался один. Впереди, во тьме, увидел бредущую корову. Я решил привести ее на кухню. Будь что будет! Что это самое настоящее мародерство – понимал, но не мог удержаться от соблазна: не мы, так пехота съест заблудившуюся коровенку. Я прибавил шагу, корова тоже. Сделал рывок бегом, но и она припустила. Не раздумывая, схватив рукой болтающийся передо мной хвост, пытался остановить ее. Не тут-то было. Перепуганная корова потащила меня с такой дьявольской силой, что едва успевал переставлять ноги, глубоко увязавшие в жидкой глине. Чувствуя, что сейчас или упаду, или оставлю в глине сапоги, я разжал пальцы и отпустил хвост. Корова сразу же сбавила шаг, но я уже не пытался догонять ее, чувствуя себя достаточно наказанным за свое легкомыслие.

Ночевали в каком-то доме. Измученный длинным переходом и возней с коровой, я, как был в мокрой шинели и грязных сапогах, так и лег не раздеваясь недалеко от двери, прямо на полу. Всю ночь к селу подходила пехота. Утром нас лежало в пять раз больше – один на другом. Кто входил в дом, как перешагивали через меня, – ничего не слышал.

Позднее не раз вспоминал свой необычный кросс по Юревичам и не мог удержаться от смеха.

За Юревичами мы задержались. Гитлеровцы заранее построили здесь линию обороны и уцепились за нее. Нашу пехоту встретили немецкие огнемётчики. Всякое оружие, примененное первый раз, всегда кажется страшнее. Но и огнемёты не помогли. Через несколько дней полки прорвали вражескую оборону, и мы вышли в бассейн реки Припяти. Стоял декабрь, морозы уже давали о себе знать, но многочисленные притоки Припяти и болота не замерзли. Наступление дивизии приостановилось. Не только противник был тому причиной. Новый вражеский рубеж проходил по возвышенности, заросшей лесом, мы же наступали по болоту. Даже нам, выдавшим виды на Сучане, было не по себе: с мокрыми ногами и одеждой на холоде много не навоюешь. Но приказа занять оборону не поступало. День за днем стрелковые батальоны ходили в атаку и откатывались назад, неся потери.

В один из вечеров я вместе с начальником штаба дивизиона капитаном Владимиром Кожевниковым, назначенным к нам недавно, грелись кипятком в штабной полужемлянке-полублиндаже, расположенной в районе огневых позиций. Солдатский котелок стоял перед нами на столике, сооружением из тонких колышков, а мы сидели на некоем подобии нар из

толстых кольев.

Вошел Новиков. Кривая усмешка исказила все его обычно доброе лицо.

– А, чай распиваете! – зло крикнул и – бац по котелку рукой, сшиб со стола!

Мы с Кожевниковым встали, с недоумением глядя на майора. Чужим для меня голосом он заорал:

– Малиновский! Приказываю: пушку на конной тяге доставить сегодня же ночью на передовую – в распоряжение командира батальона! Сам со своими бойцами будешь наступать с ротами и к десяти утра должен занять новый НП дивизиона здесь, – он показал на карте место в глубине немецкой обороны, километрах в двух от нашей передовой. – Не выполнишь приказ – расстреляю!

Никогда Новиков не отдавал таких необычных и жестоких приказов и не обращался со мной так и тем более с Кожевниковым. Последнего он очень ценил и уважал. Да и тот был такой, что не допустил бы с собой грубого обращения. Немного старше меня, он отличался отчаянной смелостью. Его лицо заливалось краской. "Сейчас он скажет что-нибудь Новикову", – подумал я. Меня тоже разбирало зло. Приказывать – приказывай, но рукам воли не давай, так и до мордобоя дело дойдет! Я громко, с вызовом, сказал:

– Есть, товарищ майор! Разрешите выполнять? – и пошел к выходу.

– Подожди, младший лейтенант! – остановил меня Новиков.

Он сел на нары, схватился руками за голову, облокотился на стол и начал ругаться жутким матом, перемежая его своим любимым ругательством "кусок дурака".

Никто из нас, побывавших на настоящей войне, не был праведником. Что и говорить, материться приходилось, особенно в трудную минуту. Так и Новиков – "отвел душу" и рассказал нам более спокойным тоном, что произошло.

Его и остальных командиров дивизионов вместе с командиром артполка вызвали в штаб дивизии. Командир дивизии из-за неудачных наступлений последних дней, и особенно – этого дня, был взвинчен до предела. Он молча достал карту, нарисовал на ней далеко за передним краем – в тылу немецкой обороны – условные обозначения наблюдательных пунктов для дивизионов нашего полка и приказал:

– Сегодня ночью пушки, имеющие конную тягу, вытащить на передний край для стрельбы прямой наводкой. Завтра через полчаса после начала наступления артиллеристы должны быть там, где нарисовал НП. За невыполнение приказа – расстреляю! Все, можете идти!

Приказ обсуждению не подлежит. Хоть Новиков и горячился, а отменить его не мог. Поняв все и немного успокоившись, я пошел за своими бойцами и пушкой. Когда орудие было подготовлено, огневики и красноармейцы моего взвода собрались, подошел Новиков.

– Повезете орудие на передовую для стрельбы прямой наводкой, – сказал командиру орудия. – Огневую позицию укажет лейтенант. Цели спросите у командира батальона. Я к утру приду. Сухие портянки с собой взяли? – закончил он. – Малиновский, отправляйтесь!

Не зря спросил Новиков о портянках. Пока мы довели орудие до передовой, перетаскив его через многочисленные незамерзшие болотные языки, перерезавшие лес, сапоги наши нахлебались воды. Выйдя из последнего, тринадцатого или четырнадцатого по счету, болота, намотали новые портянки на заочевенные ноги. Стало теплее, но не очень. Мокрые сапоги холодили ноги. Терпи, казак, атаманом будешь!

Осторожно подвозили орудие к передовой. Я уже был здесь, поэтому сразу нашел блиндаж командира батальона. Пошли с ним вдвоем выбирать место для орудия.

К концу ночи все было сделано. Готов орудийный окоп. Подтащено на руках, установлено и замаскировано орудие. Подготовлены снаряды. Вырыты окопчики для расчета. Устали до предела. Сели отдохнуть на бруствер орудийного окопа, потные и жаркие.

Первая часть приказа, зависящая только от нас, была выполнена... А утро уже надвигалось... Сейчас придет Новиков, и мы пойдем к командиру батальона, чтобы узнать, с какой ротой нам бежать в атаку... "Написать письмо родителям?... А будет ли им легче, если

оно окажется последним?..."

Перед рассветом к нам подошел командир батальона вместе с незнакомым офицером в белом полушубке с планшеткой на боку. Веселым голосом сказал: "Артиллеристы, сматывайте удочки, смена пришла!"

Дивизию подменяла другая, подошедшая этой ночью...

Нам салютует Москва!

Недолгим был наш отдых. Практически его и не было. Отошли немного в тыл, постояли дней пять в лесу и опять вернулись назад, заняли боевые порядки. Вплотную к Припяти продвинуться не удалось, там сплошные болота. В нашем расположении их тоже хватало. Начальник штаба дивизиона дал мне поручение – "студебеккером" перетащить одну из гаубиц через замерзший узкий приток Припяти впереди наших позиций – посмотреть, выдержит ли лед орудие, если придется продвигаться вперед. Гаубицу прицепили к "студебеккеру". Я сел в кабину. Машина благополучно выползла на берег. Под гаубицей лед начал трещать, и она провалилась в воду... К счастью, у "студебеккера" – мощная лебедка. Мы отцепили гаубицу, развернули автомашину, – лебедка у нее впереди, – прикрепили трос к лафету орудия. Что-то будет?

Трос начал наматываться, гаубица медленно выползла на берег. Легко отделались!

Боев пока больших не было. Правда, один из наших комбатов, капитан Павел Иванович Бешлега, сменивший убитого на Курской дуге Панкратова, вместе с двумя радистами ушел со стрелковым батальоном по нейтральной полосе вдоль Припяти в тыл к немцам. Каких-либо сведений от них пока еще не поступало.

К вечеру меня вызвал Новиков.

– Поздравляю, тебе добавили звездочку, теперь ты лейтенант, – сказал он, – отмечать будешь потом, сначала придется потрудиться: батальон, который должен поддерживать огнем Бешлега, зашел очень далеко, наши пушки тех мест не достанут. Придется тащить туда хотя бы одно орудие. Батальон завтра утром вступает в бой, времени в обрез. Находятся они километрах в 16-18 от нас. Примерно вот здесь, – Новиков поставил крестик на моей карте. – В штабе полка сказали, чтобы я поручил это тебе, – добавил он как бы оправдываясь, – придется идти по компасу, ты же в этом деле виртуоз! Не задерживайся, отправляйся прямо сейчас. Бешлега должен успеть еще затемно поставить пушку на прямую наводку. Вопросы есть?

Я сказал, что все ясно, вопросов нет.

Уже темнело, когда мы выступили. Две пары лошадей тащили орудие. Впереди шел я. За пушкой шагали пять человек бойцов оружейного расчета. Движению мешали кусты и глубокие болотистые места. "Хоть бы не утопить пушку и лошадей", – думал я. Вначале мы ехали по направлению к Припяти, чтобы выйти на никем не занятую болотную полосу, потом повернули направо. По моим прикидкам выходило, что отсюда должны были двигаться прямо на север. Беззвездная ночь, густо падающий снег, занесший все следы, затрудняли ориентировку. Я все время посматривал на компас. На немецкой передовой, справа от нас, время от времени взлетали осветительные ракеты, раздавались редкие очереди автоматов. Постепенно мы продвигались вперед, и передний край остался у нас за спиной.

Мы пробирались очень долго, почти не отдыхая. Чем дальше, тем больше возрастала тревога. Вначале я считал шаги, пытаюсь точнее определить место поворота, и мне удалось это сделать. Но вот пошли параллельно реке, и дальше вести счет шагам стало бесполезно. Начались густые кустарники, канавы, топкие болотные участки, которые приходилось объезжать. Как же тут идти по азимуту? Многие мучительные часы кружили мы среди болотных топей и кустарников. Падающий снег забивал глаза, ночная темь окружала нас со всех сторон и пугала причудливыми очертаниями одиноких кустов, похожих на людей. Часа в четыре ночи, когда уже отшагали никак не меньше пятнадцати километров, стало казаться, что мы окончательно заблудились. Да разве можно найти батальон среди этого моря кустов?

Но не выполнить приказ тоже нельзя. Сейчас я понял всю трудность моего задания. Что же делать?

Я продолжал идти вперед, забыв про усталость и мокрые ноги. Подумалось: "Неужели заблудился? Чего доброго – вместо батальона притащу пушку к фашистам!" Я был уже готов остановиться и подождать утра, чтобы обнаружить батальон по звукам боя, когда нам наперерез, из-за куста, вышли радисты Бешлеги с рацией. Она перестала работать, и комбат послал их за новой. Обрадованные, мы двинулись по их следам. Через полчаса я передал Бешлеге задание Новикова. Он затащил меня на свое место в наскоро вырытой землянке, а сам пошел устанавливать орудие. Утром, еще до начала боя, я отправился в обратный путь.

К обеду прибыл в штаб дивизиона. После моего доклада Новиков сказал:

– Радисты доложили, что видели вас. Их, по пути сюда, обстреляли немецкие автоматчики – патрули; наверно тебе, лейтенант, повезло! Фрицы должны были контролировать болото. Я очень беспокоился. Но, как говорится, пронесло,- он весело взглянул на меня. – Иди отдыхай!

Батальон, куда мы притащили пушку, успешно выполнил задачу: захватил ближайшую деревню, занял там оборону. У немцев началась паника. Услышав артиллерийскую стрельбу у себя в тылу, они решили, что их обходят крупные подразделения нашей армии. Соппротивление на передовой ослабело. Стрелковые полки прорвали линию вражеской обороны, пошли вперед.

Замполит дивизиона, увидев меня через день после моего "путешествия" с пушкой по болоту, не утерпел и сказал, что Новиков представил меня к награде.

Перед Новым годом командир дивизии собрал офицеров, награжденных за декабрьские бои. Тепло поздравил.

Раздал ордена. К моей медали добавился орден Красной Звезды.

В начале января 1944 года дивизия вышла на подступы к Мозырю и Калинковичам. Немецкие войска заранее укрепили этот район. 12 января началось наступление. После короткой, но мощной артиллерийской подготовки пехота быстро пошла вперед. К концу дня мы потеряли связь с командирами батарей, продвигавшимися со стрелковыми батальонами. Начальник штаба дивизиона капитан Кожевников отдал приказ огневым взводам занять походное положение. Проехав километров пять-семь, наша колонна остановилась. Кожевников приказал огневикам ждать, а сам вместе со мной пошел искать наступающие батальоны.

Сначала мы ориентировались по следам, которые оставили бойцы, тащившие пулемет. Они вывели нас на лесную тропу. Стемнело. Высоко на сосне, недалеко от нас, замаячило черное продолговатое тело.

– Не "кукушка" ли? – предупредил я Кожевникова.

Обогнув на всякий случай стороной сосну, снова двинулись тропой. Ночь была ясной, на небе горели звезды. Полярная звезда сияла впереди, высоко над головами, – значит, идем правильно, на север. Наконец наткнулись на небольшой лесной завал, за которым светлела поляна. Огромный медно-красный диск луны освещал ее. Это смутило нас. Немного постояли, прежде чем идти вперед. Потом Кожевников махнул рукой:

– А ну, пошли!

Одновременно впереди нас, на другой стороне поляны, зарокотал трактор. Остановились как вкопанные: наша колонна далеко сзади, а это – немцы! Словно для подтверждения с дальнего угла поляны ударила автоматная очередь. Мы постарались побыстрее перебраться через завал обратно и почти бегом устремились назад. Километра через два-три наткнулись на стрелковый батальон. Бойцы копали окопы. Где-то мы проскочили мимо наступающих рот, опередили их и чуть было не поплатились за это. Расспросив обстановку, вернулись к огневым взводам. Кожевников отдал приказы... Огневикам – занимать боевые позиции, моему взводу – строить штабной блиндаж. Работа закипела.

Утром стрелковые полки двинулись вперед. Огневые позиции дивизиона оставались на

месте. Стрельбы не слышалось – враги отходили, не приняв боя. Я был свободен и решил пройти по вчерашнему пути. Нашел сосну с темным силуэтом на верхушке и увидел, что нас напугала пчелиная колода. Потом вышел к поляне. Посередине ее прямо на снегу, не замаскированные, стояли цепочкой мины, соединенные между собой тонким, едва заметным проводом. Очевидно, фрицы очень спешили. На другой стороне поляны, перед лесом, тянулось проволочное ограждение. Осторожно переступил провод, соединяющий мины, – они были новой, не знакомой мне конструкции, потом подошел к проволочному забору и, пытаясь не зацепиться за колючки, перелез через него. За ним шла глубокая траншея. Прошелся по ее краю до блиндажа, спрыгнул вниз и заглянул в блиндаж. Он был пуст. Забираться в него не стоило – блиндаж, наверное, тоже заминирован... "Хорошо, что вчера вовремя повернули назад! Конечно, тут были немцы. А если их и не было – подорвались бы на минах, установленных на поляне", – подумал я.

С такой же осторожностью проделал обратный путь. Когда вернулся и рассказал начальнику штаба о виденном, тот беззлобно чертыхнулся и добавил:

– Немного бы от нас осталось, если бы туда полезли! – Про мины сказал, что это новый тип – прыгающие, очень опасные, и он тоже не знает, как обезвреживать их, – нужно, очевидно, ждать, пока это сделают саперы.

Вечером получили приказ занять новые позиции – ближе к Мозырю. Начальник штаба, я и несколько солдат двинулись напрямик, через лес. Было уже совсем темно, когда подошли к злополучной поляне. Мы оказались значительно правее того места, где были с Кожевниковым, но поляну я узнал сразу. Хорошо, что утром побывал на ней! Да, мины еще стояли, едва заметные при слабом лунном свете. Саперы, очевидно, здесь не проходили или просто не успели их убрать. Осторожно перешагивали через провод, несущий при неосторожном движении смерть. Кто-то предложил зацепить за него веревкой и, отойдя, дернуть. Но веревки не было, а мы торопились. Потом по очереди, поддерживая друг друга и ругая гитлеровцев на чем свет стоит, стали перелезать через колючее проволочное ограждение. Неожиданно слева, из темноты, метров за сто от нас закричали:

– Зачем вы там лезете! Здесь проход! – Звонкий женский голос не успел замолкнуть, как раздался взрыв.

Послышались отчаянные женские визги, сменившиеся стонами. Потом опять разрывы, подряд три – один за другим, и стало тихо. Подбежав к месту взрывов, увидели четыре чернеющие на снегу фигуры. По неестественным неподвижным позам было видно, что женщины убиты наповал. Немного сзади из снега вставал мужчина. Старик был так напуган происшедшим, что вначале не мог говорить. Оказалось – это жители освобожденной деревни, расположенной километрах в восьми отсюда. Прятались в лесу, сейчас возвращались обратно. Потрясенные трагедией, разыгравшейся на наших глазах, мы не сразу решили, что делать дальше.

Женщин уже не воскресить...

Сколько таких – больших и малых трагедий – случалось в лесах и болотах, на дорогах и тропах, по которым убегало, а потом возвращалось население – женщины, дети, старики, когда линия фронта нависала смертельной опасностью над ними, заставляя в страхе покидать родные места...

Постояв немного и увидев, что мужчина пришел в себя, двинулись дальше.

В пылу наступления "проскоки" артиллеристов за передовую линию – вещь обычная.

В первом дивизионе, командиром которого назначили капитана Кудинова, переведя от нас, только случай спас его и разведчиков. Они вышли к железной дороге, ведущей на Мозырь. Вместе с ними был связист с рацией. На насыпи, рядом со взорванным мостом, перекинутым через небольшую речушку, стояла железнодорожная будка. Она была укреплена со всех сторон рядами бревен. Между ними и стенами будки были засыпаны камни. Верхняя часть одной из стен отсутствовала. Через это "окно" можно было хорошо рассмотреть впереди лежащую местность.

В это время их догнал командир полка со своим адъютантом. Кудинов этому не

удивился: полковник был человеком смелым. Любимов приказал Кудинову выслать разведчиков вперед и узнать, есть ли впереди наши стрелковые подразделения. Капитан передал приказ трем бойцам – Велекжанину, Черноголовому и Коржову. Разведчики прошли вдоль насыпи метров пятьсот, осторожно забрались на нее и увидели совсем рядом окапывающихся гитлеровских солдат. Те тоже их обнаружили и обстреляли из автоматов. Разведчики кубарем спустились с насыпи. Когда они подбежали к будке, гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Любимов с адъютантом оставались внизу, под насыпью. В будке на нарах сидел Кудинов. Разведчики, забежав в укрытие, легли на пол. Обстрел шел по всем правилам артиллерийской науки – первый снаряд улетел за будку, второй не долетел, третий разорвался почти рядом. Командир полка поднялся по насыпи, ближе к будке – возможно, он тоже хотел спрятаться в ней – и крикнул полусерьезно:

– Кудинов, учись! Вот так надо стрелять: видишь, вилочка, сейчас он влетит прямо сюда!

Разведчик Коржов, услышав эти слова, выскочил из будки и побежал вниз, к траншее. Остальные еще колебались, не зная, как поступить. Очередной снаряд, жутко свистнув, разорвался на крыше будки. От удара и взрыва, будка дрогнула, крышу и часть задней стены сорвало. Кудинова сбросило с нар, на разведчиков. Как потом оказалось, его ударил по плечу крупный осколок, пробил правый погон, шубу и китель. Черноголовому чем-то разбило верхнюю губу и в куски разорвало шинель ниже спины. В валенке на его правой ноге застрял осколок. Сильно ранило Велекжанина. Алалыкина немного оглушило, радиста тоже, хотя рация была разбита на мелкие куски.

Первым вскочил с пола Черноголовый. Провел рукой по лицу и, увидя на ладони кровь, взволнованно спросил, обращаясь ко всем сразу и продолжая ощупывать нос, щеки, лоб, как бы пытаясь убедиться, что все осталось на месте:

– Что с моим лицом?

– Ты свою ж... пощупай, – спокойно, сказал ему уже пришедший в себя, Алалыкин, – у тебя на задку от шинели только дырки остались!

Перевязав Велекжанина, все спустились вниз, в траншею. Чудом спасшийся Кудинов, полный еще тех чувств, которые испытывает человек, только что переживший смертельную опасность, гневно сказал командиру полка, словно тот был главным виновником происшедшего:

– Петр Андреевич, ради бога, уйдите отсюда!

И, приходя в себя, понимая, что тот не виноват, добавил:

– Зачем же вам рисковать!

Гитлеровцы обстрел прекратили, считая, видимо, что прямое попадание уничтожило находящихся в будке людей. Командир полка, подождав немного, ушел, ничего не сказав Кудинову. Трагикомический эпизод этот рассказал мне Черноголовый.

Для того, чтобы обеспечить успех наступления на Мозырь, командир дивизии решил, помимо удара стрелковыми полками с фронта, провести наступательную операцию на город по правому, занятому противником берегу реки Припяти, на котором стоит Мозырь. Для этого выделялась учебная команда, располагавшаяся в Юревичах, и лыжный батальон дивизии. Перед рассветом 13 января эти подразделения по льду форсировали реку. Когда большая часть рот была уже на правом берегу, противник открыл ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по наступающим цепям и по льду реки. Но было уже поздно. Наступающие смяли очаги сопротивления, развернулись на северо-запад и стали продвигаться к Мозырю по берегу реки. Успеху способствовали четкие и стремительные действия учебной команды. 700 будущих сержантов горели желанием первыми ворваться в Мозырь. Их командиры – майор Долинский, капитан Турчанинов и другие были опытными, смелыми, прошедшими многие бои офицерами.

Берег, по которому шло наступление, очень изрезан оврагами и холмами, заросшими мелким лесом и лозняком. Это помогало противнику в обороне, но и способствовало маневру наших подразделений. При попытках задержать наступающих роты обходили

врагов с фланга, и гитлеровцы пятились и пятились назад, ближе к Мозырю. Так продолжалось весь день. Взятых у врага оврагов и холмов было столько, что счет им потеряли, но Мозырь был все еще далеко.

К вечеру пришел приказ – усилить темп наступления, во что бы то ни стало первыми ворваться в Мозырь! "Помню, мы, не дождавшись ужина, хотя не обедали и днем, начали решительное наступление, – написал мне Василий Иванович Турчанинов; участник этого боя. – Противник вначале оказывал серьезное сопротивление, а затем оно заметно ослабло, и все роты стали стремительно продвигаться вперед; к 2-3 часам ночи 14 января вышли в район нынешней улицы Пролетарской, западнее моста через реку. Остальная часть города была взята к этому времени другими частями фронта".

Наш дивизион продвигался слева от города. Когда переправляли гаубицы, ледяной покров Припяти стонал и путал нас звуками образующихся трещин. Но все обошлось благополучно.

В "Правде", которую мы прочитали через несколько дней, был напечатан приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении нескольким частям, в том числе и нашей дивизии, наименования Мозырских.

Москва салютовала войскам, освободившим Мозырь и Калинковичи, двадцатью залпами артиллерийских орудий.

У меня в эти дни произошло большое событие: во время боев за Мозырь я подал заявление о приеме из кандидатов в члены партии. Через две недели, в начале февраля, Николай Борисович Ивушкин вручил мне партийный билет. Начальник политотдела пришел к нам прямо в дивизион, созвал всех получающих партбилеты в штабной блиндаж и вместе с замполитом дивизиона капитаном Павлом Васильевичем Коваленко горячо поздравил нас. Представляя меня начальнику политотдела, замполит не утерпел, похвастался:

– Наш воспитанник; звание получил на фронте. Тот сразу же задал мне вопрос из Устава партии:

– Расскажите о партийных группах, создаваемых во внепартийных организациях.

Устав я, конечно, читал, но тут растерялся, на вопрос не ответил и покраснел, как мак цвет. Николай Борисович разъяснил, что говорится в Уставе, при этом он внимательно смотрел на меня, и, видно, надолго запомнилось ему мое огорченное лицо. Спустя 27 лет после войны, когда я снова увидел начальника политотдела, в 6 часов вечера у Большого театра 9 мая 1972 года, он узнал "отличившегося" при вручении партбилетов молодого, покрасневшего до ушей офицера. Верно говорят: нет худа без добра!

После взятия Мозыря дивизию вернули на правый берег Припяти и бросили выше по реке. Здесь, против Петрикова – маленького левобережного городка, оставался небольшой участок правого берега, где еще находились немецкие войска. Стрелковые полки блокировали его и вышли на берег реки справа и слева.

Наступил март. Потеплело. А у меня, Мартынова, Новикова, бойцов-связистов на душе ледяной ком нетающей боли. Случилось большое горе: Гена Беляев тяжело ранен, контужен и выбыл из полка. Когда подходили под Петриков, немцы практически не сопротивлялись. А потери у нас были, и большие. В основном – от противопехотных мин и фугасов. Их до сих пор кругом достаточно. Даже приказ из-за этого особый издан: ходить и ездить на оставленной врагом территории только по проверенным саперами тропам и дорогам.

Гена шел с командиром дивизиона на новый НП, чтобы узнать, куда тянуть связь. Увидел саперную лопатку – валялась в стороне, прямо на снегу. Автоматически повернул к ней, хотел взять – пригодится, и – взрыв! Наступил на мину. От контузии и раны потерял сознание. Новиков, как мог, перевязал остаток ноги и на руках притащил Гену в санбат. С такой раной не задержали, отправили в тыл. Так мы расстались с Геной. Я ходил сам не свой: из госпиталя писем не было... Оставалась надежда – может, подаст весть моим родителям? Месяц назад я просил его написать моей матери и дал домашний адрес. И не случайно сделал это. В каждом из последних маминых писем звучало столько тревоги за меня, что мне становилось не по себе. Я просил Гену успокоить моих родителей, старался

развезать их опасения бодрым тоном своих посланий:

"...Мама, зачем ты себя так расстраиваешь! Живу я совсем не в таких опасностях, как ты думаешь. Здесь воевать в десять раз легче, чем на прошлогоднем фронте. Вот вчера спрашиваю ребят: будем мы живы? Конечно, отвечают. Война кончится – приеду в Иваново. Обязательно!" О том, что Гену ранило и его уже нет со мной, я умолчал.

...Говорят: пришла беда – открывай ворота. В конце марта, месяц спустя после ранения Беляева, меня вызвали к командиру дивизиона. В штабном блиндаже были Мартынов, Новиков, Коваленко. Мартынов сказал:

– Борис, мы получили письмо от твоего отца. Оно послано Беляеву, но касается тебя, я должен прочесть тебе его.

Он начал читать, а мое сердце уже подсказывало: что-то случилось слевой!

"Иваново, 11 марта 1944 г.

Если около Вас сейчас Борис, то при нем это письмо не читайте (тогда эту фразу Николай пропустил).

Уважаемый товарищ Беляев. Здравствуйте!

На днях наша семья получила Ваше письмо. Вы прислали его в адрес жены. Спасибо за Ваши теплые строки, за Ваш привет, который Вы шлете нам с фронта. Вы пишете, что Вы с Борисом друзья, что его радости и горести являются такими же и для Вас. Нам, родителям Бориса, очень приятно знать, что у него в той тяжелой обстановке, в которой он находится вот уже 4-й год, есть все же человек, с которым он может отвести свою душу: поговорить, посоветоваться, поделиться впечатлениями и т.п. и т.д. Без этого жить человеку тяжело. Вот эта Ваша близость к нему и дает мне основание написать данное письмо Вам. Как Вы решите, как Вы надумаете нужным сделать, пусть так и будет. Нам издали этот вопрос решать трудно, а Вам виднее. Дело вот в чем. Нам Борис пишет довольно часто. Вчера мы получили от него последнее письмо с маленькой фотокарточкой¹⁹. Выглядит как будто неплохо. И в каждом письме он неизменно спрашивает, что пишет Лева.

Мать как-то ему написала, что сообщит его адрес. Сейчас он его спрашивает. Но, дорогой товарищ, Борис еще не знает того страшного, ничем не излечимого нашего горя, которое мы переживаем вот уже три месяца. Наш бесценный, золото наше – Лева погиб 15 декабря 1943 года. Официальное известие об этом мы получили 11 января. Сил никаких нет, чтобы говорить об этом. И сейчас пишу Вам, а слезы душат горло и застилают глаза. Мы решили не писать об этом Борису. Если нам тяжело семьей переживать это горе, то ведь он там один, ему еще тяжелее. Так мы и не писали. Но тяжело быть и неискренним перед Борисом. На его вопросы приходится отмалчиваться. Письма получаются фальшивыми, а это неприятно. Вот я и обращаюсь к Вам, как к другу Бориса, просто за советом, как поступить? Писать ли о случившейся трагедии ему? Ведь это были такие братья-друзья, что я не знаю, кто еще так жил, как жили они. И это известие, конечно, для Бориса будет убийственным. Как Вы на это ответите, так мы и сделаем. Конечно, рано или поздно Борис и сам это узнает. А вот как сейчас? Мать боится, что, узнав о смерти Левы, он полезет на рожон, чтобы отомстить проклятым немцам, тогда мы и его потеряем, последнюю нашу надежду.

Лева погиб в боях под Невелем. Погиб почти случайно. Дело было так. Машина стояла в боевой готовности. Экипаж был на месте. Лева, как командир, пошел получить задание. И вот, возвращаясь, всего в двух метрах от машины попал под обстрел из миномета. Был смертельно ранен. Оторвало носок ноги, и весь правый бок был в ранах: не было живого места. Сказал: "Ранен", – и через 10 минут умер.

Ему навстречу из машины выскочил механик и был тут же убит. Двое остальных сидели в машине и уцелели. От них мы и знаем эти подробности. Лева посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Из штаба нам ответили, что его ордена будут

---

¹⁹ Это была копия снимка для партбилета, которую я выпросил и послал домой.

присланы с нарочным. Пока еще не получили. Майор прислал сердечное письмо с прекрасным отзывом о Леве и подробную карту района, где похоронен Лева. Место могилы указано самым точным образом. Около деревни Пыльки Езерищинского района Витебской области, у опушки леса – северо-западнее деревни. На карте на том месте, где могила, поставлена звездочка,

Секретарь комитета комсомола пишет, что, как лучший комсомолец, он был представлен в кандидаты ВКП(б) и в последний бой шел уже партийным. Этого он сам нам еще не писал. Его последние письма всем были от 10 декабря, со стихами Леле. Вероятно, этого числа и Борису писал. Всех поздравил с Новым годом, точно чувствовал. Хотя было еще рано. Мы теперь живем, не знаю и как. Что бы ни делали, в мозгу одна сверлящая мысль, что никогда уж мы не увидим своего Левушку. Знаем, что плачем горю не поможешь, но терпеть не можем. Получаем ото всех и отовсюду, и от родных и от знакомых, сочувственные письма, в которых все самым наилучшим образом вспоминают Леву. Вот Вы, дорогой товарищ, и разрешите наш больной вопрос. Если скажете, что Борису не стоит говорить, то мы ему и не напишем. Если же поможете ему справиться с этим известием, может быть, как-нибудь подготовите, то тогда прочитайте это письмо. Буду ждать от Вас ответа. Скажите Борису, что теперь у нас один он и чтобы берег себя, любя нас. Мы живем теперь только им..."

Мартынов отдал письмо мне. Я машинально взял его и вышел из блиндажа. Я шел куда глаза глядят, глотая слезы, сами собой льющиеся по лицу. Хотя я знал, что на войне все бывает, я никогда не хотел думать, что с Левой может что-то случиться. Вот только месяца три назад в декабре, когда у меня было плохое настроение, мне подумалось – не случилось ли что с Левой... И именно в декабре его не стало. Словно чувствовал.

В полусознании, с отяжелевшей, словно налитой свинцом головой, заполненной одним чувством свалившегося на меня самого большого в прожитой мною жизни горя, я машинально шел и шел по лесу. Жаль, что не бывает на свете чудес: в эти минуты, не колеблясь ни одного мгновения, отдал бы свою жизнь, чтобы воскресить брата.

Очнулся перед входом в большую бревенчатую землянку. Судя по надписи на прикрепленной к двери фанерке, это была полковая санчасть. Она была километрах в семи от нас. "Если вырвать все зубы без обезболивания, как тогда в Камышлове, может, станет легче? – вдруг возникла дикая мысль. – Да нет же, не зубы надо рвать, а фашистскую сволочь бить! А как в Иванове?...". Мысли мои смешались.

Представил переживания отца, матери, Лели... Мне стало страшно за них. Как они переживут это горе? Эти мысли вернули меня к действительности. Я побрел к своему блиндажу.

"...Папа, мама и Леля ждут моего ответа. Как хотя бы немного снять с дорогих людей тяжесть переживаний?" – всю обратную дорогу думал я. И решил написать, что уже давно знаю о гибели Левы – об этом мне сообщили из его части, но я молчал, жалея их... Мне казалось, что этой святой ложью уменьшу боль родителей... Рано утром Новиков вызвал меня к себе: – Заболел комбат гаубичной. Принимай временно батарею! Сегодня же проведи пристрелку немецкой передовой. Карту и все, что нужно для стрельбы, возьми у командира батареи. Ступай!

Комбат гаубичной батареи у нас действительно заболел. Временно его мог заменить любой из офицеров батареи. А Новиков назначил меня. Нет, тогда я не думал о причинах, заставивших командира дивизиона принять такое решение. Сейчас понимаю: хотел отвлечь от переживаний, обрадовать доверием, знал, что ничем не рискует, – боевая обстановка была спокойной, опасности на передовой не больше, чем на огневых позициях...

Приказав очередной смене разведчиков следовать за мной, я пошел по проводу связи на НП. Идти надо было километров семь. Мокрый снег лип к ногам, ступни проваливались. В мозгу мелькали, как наяву, картины гибели Левы, слова отца... Я машинально переставлял ноги и шел вперед, вдоль провода, не замечая расстояния, глубоких сугробов, порывов весеннего ветра. Красноармейцы, понимая мое состояние, молча шли вслед. Наконец, за

небольшой речкой, еще затянутой льдом, сзади бугра, покрытого снегом, показался блиндаж. От него к НП, располагавшемуся на бугре, вела неглубокая снежная траншея.

Из-за Припяти раздались звуки минометных выстрелов. Мины просвистели где-то слева и разорвались в стороне от нашего НП. Боевая обстановка и необходимость выполнить приказ Новикова отвлекли от мыслей о Леве. "Обстреляю минометчиков", – подумал я и спросил у разведчиков координаты вражеской батареи. Они не могли сказать – враг хитрил – и сегодня и раньше вел огонь редкими налетами, откуда – точно определить нельзя. Ползком добрался до НП. Стал рассматривать через стереотрубу передний край. Траншеи нашей пехоты были метрах в пятистах. За ними шло проволочное заграждение. С полкилометра далее просматривалась вражеская передовая. За рекой, покрытой снегом, скрывшим очертания ее берегов, на высоком холме виднелся Петриков. Одно место во вражеской обороне показалось подозрительным. Траншея там изгибалась углом, на котором бруствер был выше, чем везде. "Пулеметное гнездо или блиндаж", – решил я и стал внимательно наблюдать. Но без толку: время шло, немцы ничем себя не обнаруживали. "Бояться голову высунуть, а может, спят, гады! Сейчас разбужу!" Подготовив данные для стрельбы, проверив их несколько раз, подал первую команду. Снаряд прошелестел над нами и разорвался в нейтральной полосе. Третий взорвался рядом с углом траншеи. Перешел на поражение – добавил залп батареями. Фонтаны снега и земли окружили бруствер: "Теперь спите... мертвым сном!" – зло подумалось мне. Прикинул данные по участкам немецких траншей справа и слева: может, пригодятся – обнаружит еще себя фашистская сволочь чем-то?

Пытаясь высмотреть хоть какую-нибудь цель, я не уходил с НП. Ноги и руки задеревенели от холода. "Обстрелять Петриков?" Но тут же отбросил такую мысль – при полном затишье на фронте в городке могли оказаться мирные жители. Первый раз да в такой день в моих руках батарея, а стрелять некуда! Так обидно! Чуть не разревелся. От обиды ли? К вечеру ничего не изменилось. Отдохнув в блиндаже, чуть согретым теплом тел разведчиков, я вернулся на НП. Там, где были немецкие траншеи, поднялась ракета, торопливо освещая нейтральную полосу. Наша передовая, погруженная в ночной мрак, безмолвствовала. Вспомнилось последнее прощание с Левой. Тогда я не мог представить, как сложатся наши судьбы... Свет новой, подымавшейся над передовой ракеты рассыпался в неясные мелкие, шевелящиеся искорки в моих глазах, заполненных слезами. Только ночь знала, как мне было тяжело!...

Памятное слово о брате

"Логика войны неумолима. Она не щадит ни хороших, ни плохих. Наоборот, к прекрасным людям она более беспощадна", – этими словами²⁰, сказанными по поводу гибели одного из любимых героев "Севастопольских рассказов" Толстого, хочется сказать о брате. Да, смерть выбрала из нас двоих того, кто лучше – сильнее, мужественнее, нужнее отцу, матери, людям... Проходит время, боль не затихает...

В трудную минуту брат, как в детстве, не оставляет меня: его образ встает передо мной, и я говорю: "Не опускай руки, ты живешь и за него!"

Много лет ждала Леву, не зная, что он погиб, Галина Сергеевна Градовцева, однокашница по институту.

"...Не могу передать, как потрясло меня Ваше письмо.²¹ Оно всколыхнуло все пережитое, хотя и прошло тридцать лет. Вспомнишь, так и сейчас сердце болит, трудно писать... Десять лет я не выходила замуж, ждала возвращения Левы с войны...

Каким я помню Левушку? Он был умный, скромный, честный, добрый, тактичный,

---

²⁰ Смольников Игорь. Середина столетия. Издательство "Детская литература", Ленинград, 1977, с. 174.

²¹ Я сообщил ей о месте и гибели Левы и просил написать, что она помнит о нем.

застенчивый, как девушка, заботливый, как самый близкий. Всегда рядом, но не на виду. Мы, студенты курса, очень его любили. Очень стеснялся своего роста...

...Перед уходом на фронт принес мне карточку (вдвоем с папой), сказал:

– Это мой отец, я как-то не успел тебя с ним познакомиться...

В последнем треугольнике написал о тех ужасах, которые увидел после отступления немцев. Жаловался, что ему мешают длинные ноги, тяжело сидеть в танке. Письмо было полно решимости мстить немцам. Запомнились его слова: "Жиманем, так жиманем, в последний раз!" Больше от него писем не получала. Ответа на мой запрос в часть не прислали...

...Очень захотелось побывать на могиле Левы, буду растить махровую сирень. Он так любил сирень!"

В братской могиле, где похоронен Лева, спят вечным сном 1400 верных сынов Родины. Только она – одна из многих тысяч – хранит прах стольких же солдат и офицеров, сколько погибло в исторической Полтавской битве!

...На стене моей комнаты – отчеканенный на меди портрет дорогого Левы. Он смотрит на меня все таким же двадцатидвухлетним, каким был в 1941 году, до войны, унесшей десятки миллионов жизней, и я невольно, в который раз, думаю: человечество не должно допустить новой мировой войны; нельзя превратить Землю в общую братскую могилу!

Командировка на войне

Апрельский ветер и солнце сделали свое дело. Снег начал быстро таять. Сменявшие нас разведчики пришли к нам в мокрой одежде, с посиневшими губами. Речка, которую переходили по льду, а потом по шаткому мостику, разлилась, снесла мостик. Пришлось раздеваться и переходить ее вброд.

Я хорошо знал местность от НП до огневых позиций. Огневые были недалеко от этой же речки, только располагались ниже по течению. И там тоже был мост. Хороший, только что построенный, я недавно проходил по нему. За ним начинался прочный бревенчатый настил. Он шел по болоту километра два, затем уходил в лес. С нашего НП можно было попасть на огневые позиции как по левому, так и по правому берегу, через настил и новый мост. Но так мы никогда не ходили.

Наступал вечер. Раздумывать было некогда. Судя по карте, в район болота, где находился настил, шла лесная дорога, начинавшаяся невдалеке от нашего НП.

– Собирайтесь! Проведу так, что и пяток не замочите! – сказал я бойцам своей смены.

Но, увы, примерно на четвертом километре мы шли по сплошной воде, покрывшей дорогу.

Вот и болото с настилом. Уже легче! Но что с ним? Он всплыл, и идти по нему совершенно невозможно. Вода стала выше коленей, местами доходила до пояса. Достали из карманов гимнастерок документы, спрятали в шапки: все-таки надежнее.

Впереди слышались шум и дикая ругань. Кто-то, кроме нас, тоже бедствовал в болоте. Приготовили на всякий случай оружие. Тело уже не чувствовало холода. Когда подошли поближе, поняли, что бедствует наша пехота. Солдаты орали на лошадей. Из воды торчали конец ствола и верхняя часть щита полкового орудия.

Мост уцелел, хотя и был целиком под водой. Мы перебрались, ориентируясь на торчащие из воды вехи, и побежали к блиндажам на огневой позиции. На следующий день особых разговоров о нашем ночном "путешествии" не было, сам я помалкивал. Да и о чем говорить, если даже насморка никто не схватил!

Замполит дивизиона капитан Коваленко, увидев меня, завел в свой блиндаж, взял лежащее на столе письмо, сказал:

– Племянница пишет. Просит познакомиться с молодым героем. Ты, брат, самая подходящая кандидатура. Адрес на конверте. Бери его и пиши.

Так и втянул меня Павел Васильевич в переписку. Из Иванова от Лелиной подруги Лизы Мышкиной тоже пришло письмо – большое, очень теплое – предлагает

переписываться.

Пришло письмо и от отца. Я так ждал его...

"...Сейчас мы переписываемся с Константином Ивановичем Сладковым, единственным, оставшимся в живых из Левиного экипажа. Он сообщил, что Лева похоронен с честью – на могиле памятник. Положен в тужурке, диагональных брюках и сапогах. Орден снят..."

...О нас не беспокойся! Сколько можно, мы не теряем все же мужества и крепимся в единственной надежде увидеть тебя..."

Когда дочитывал письмо, меня вызвали в штаб полка. Вручили командировку на 4 дня с заданием: объехать прилегающие деревни и села, установить, что с ними. Вместе с одним бойцом ездили от одной сожженной деревни к другой. Жители ютились в шалашах и землянках, в лесу, голодные, без теплой одежды; не всегда удавалось их найти. От одного услышали страшный рассказ, как немцы беспричинно подожгли деревню, а крестьян всех расстреляли, включая женщин и детей. Случайно удалось спастись только нашим рассказчикам – старику и старухе. Рано утром старик ушел в лес за вязанкой сучьев, захватив топор и длинную веревку. Услышав выстрелы и увидев пылающие дома деревни, убежал в лес и вернулся только к вечеру. Дома деревни догорали, безмолвствуя. Только из колодца, временами, слышались слабые стоны. Сколько ни кричал он в темный сруб, ответа не было, только леденящий душу стон. Тогда, обвязав сруб веревкой, он стал спускаться в колодец, но через несколько метров наткнулся на препятствие и с ужасом понял, что стоит на телах односельчан. Сверху лежала женщина, еще живая. Он обвязал ее своим концом веревки и едва вылез из колодца. Когда поднял и всмотрелся в женщину, упал без сознания: это была его жена...

Бесхитростный рассказ старика дополнялся жалким видом убогой землянки. Старуха лежала на чем-то вроде старого матраца у дальней стенки и тихо плакала.

...Партизанские отряды в эти места не заходили, фашисты поднимали руку на ни в чем не повинных людей, зверски расправившись с ними только за то, что они советские!

Еще один страшный урок науки ненависти. Сколько их было у солдат, освобождавших родную землю от оккупантов! Праведный гнев, наполнявший солдатские сердца, стал оружием, сильнее которого нет на свете!

Когда мы уходили, старуха, продолжая всхлипывать, сказала:

– Два сыночка у меня воюют... Может, встретятся где? Передавайте, что жива, пусть не печалются! Сохрани всех вас, господи!

Огромная чужая боль, увиденная за эти дни, отвлекала от своей. Так и не нашлось ни одной целой деревни в районе примерно пятьдесят на пятьдесят километров!

Передав отчет о командировке в штаб полка, я вернулся в дивизион и написал домой о страшной беде побывавшего под игом фашистской оккупации населения.

Вспоминая сейчас напутственные слова старой женщины, свою маму, я думаю о великом подвиге матерей в годы войны.

Это был гражданский, а не военный подвиг. Матери не стреляли по фашистам. Это делали их сыновья, для которых Родина и мать были одинаково дороги. Защищая Родину, они защищали матерей. И рядом с ними, поддерживая в трудную минуту, была материнская любовь. Она была в письмах, в солдатских воспоминаниях о детстве, в бесхитростных посылках на фронт с сухарями, ватниками и вареньями, в беспримерном труде матерей на заводах, в поле и дома, в стойкости и мужестве женщин, оказавшихся в оккупации. Она укрепляла руки и дух солдатам. Она вместе с ними разила захватчиков!

Матерей ранило и убивало так же, как солдат, только раны и смерти были еще более мучительными, чем солдатские: ранились и убивались их души, их материнские сердца. С каждым ранением, известием о смерти дорогого сына все больше белели материнские волосы, раньше, наступала старость. И все равно надо было работать, любить оставшихся своих и чужих детей, помогать стране бить врага!

Велика и самоотверженна любовь материнского сердца! И это, как никогда, проявилось

во время войны!

"Перед великим разумом я склоняю голову, перед великим сердцем – колени", – сказал Иоганн Вольфганг Гете. На тысячах братских могил стоят в немом молчании фигуры солдат, склонивших колени перед лежащими в земле погибшими товарищами, их великим подвигом. И великим подвигом их матерей!

Учеба на войне

Наступил май. Вешние воды ушли. Кругом все зазеленело. Заливались соловьи. Природа словно старалась замаскировать следы войны, залечить душевные раны. У нас по-прежнему была "спокойная" оборона.

Полоса обороны дивизии на Припяти растянулась, как никогда, – 28 километров ставшего почти непроходимым болотистого берега. Новиков уехал в Днепропетровск. Отпросился съездить к жене. Мартынов – в другом дивизионе. У нас появились новый командир дивизиона и новый замполит. Вместо Мартынова – Костя Лосев. Их почему-то поменяли местами. На должность выбывшего начальника связи дивизиона Гены Беляева прислали лейтенанта Николая Портяного. Комбат гаубичной выздоровел, я опять оказался командиром топографического взвода.

Кругом тихо, как будто и войны нет. На огневых сделали турники, занимались гимнастикой – кто как может.

Последние дни мы готовились к учебной стрельбе. В соседней дивизии при такой стрельбе случилась трагедия. Минометчик плохо установил миномет. Когда сделали выстрел, опорная плита осела, ствол изменил положение на более вертикальное, и мина вместо цели прилетела на НП, где сидели наблюдатели. Они не прятались – врагов же не было. Несколько человек ранило.

От нас потребовали провести стрельбу по всем правилам боевой обстановки. Две пушки установили на прямую наводку, гаубицу поставили на закрытую позицию. Я привязал местоположения орудия и наблюдательного пункта алидадой, подготовил данные для стрельбы.

Впереди находилась "немецкая передовая" – заминированная полоса земли, ряды проволоки, за ними – траншеи, дзоты. Задача была поставлена так: стрельбой прямой наводкой проделать проход в минном поле и проволочных заграждениях, разбить дзоты; ведя огонь бризантными гранатами из гаубицы по траншеям, добиться рикошета снарядов от земли: воздушный разрыв страшнее обычного – его поражающее и психологическое воздействие очень сильное. После стрельбы пошли осматривать "результаты": развороченные дзоты, разбросанные по сторонам остатки проволочного заграждения, полуразрушенные траншеи. Начальник артиллерии дивизии, удовлетворенный, отдал приказ свертываться.

Все уже собрались и уехали, а я еще ходил по полю и рассматривал, как ложились снаряды, потом присел на пенек отдохнуть, рядом поставив алидаду.

Дней через десять, в конце мая, поступил приказ – ликвидировать немецкий плацдарм на нашем берегу Припяти. Я собрал красноармейцев, велел проверить наличие имущества. Красноармеец Захаров сказал мне: – Товарищ лейтенант, алидады нет. Вот тебе раз! Только тут я вспомнил, что оставил ее на пеньке, где сидел. Отпросился у начальника штаба и побежал бегом.

Не очень надеялся, что найду. И сначала не увидел. Потом разглядел: вот он, пенек, и алидада на нем стоит! Эх, растерял!

Не зря артполк прошел учебные стрельбы, да и пехота времени, видно, не теряла! Немецкого плацдарма за один день не стало. Весь правый берег Припяти был свободен!

На реке стали появляться наши катера. Вылетят в район Петрикова, обстреляют вражеский берег из пулеметов и мелкокалиберных пушек и назад. Шуму каждый раз наделают, как при большом бое!

Вперед, к границе!

В ночь на 29 июня два стрелковых полка дивизии форсировали Припять под Петриковым. Чтобы не быть обнаруженными, роты переправлялись через реку бесшумно, используя подручные средства – лодки, плоты, бревна. Днем раньше третий стрелковый полк форсировал реку в стороне от Петрикова и с боями продвигался к нему по левому берегу, отвлекая внимание противника.

Когда мы наблюдали городок в стереотрубу, казалось, что он расположен по берегу реки. А на самом деле перед ним шла широкая полоса лугов, болот, мелких кустарников. Утром наступающих встретил сильный огонь противника, роты залегли. Только на второй день – в ночь на 1 июля – стрелковые полки штурмом выбили оккупантов из Петрикова.

Артиллерийские батареи нашего полка переправились через Припять по быстро наведенному мосту в районе Петрикова.

В эти дни по всей Белоруссии развернулось наступление. Войска Рокоссовского рвались к Минску. Наша дивизия также входила в состав 1-го Белорусского фронта. За семь дней мы продвинулись почти на 200 километров! Только наш дивизион построил за это время 28 мостов и 5 километров гати по топким болотам припятского края! Немцы минировали все, что могли. Большинство убитых и раненых в эти дни составляли пострадавшие от мин. Ими были начинены дороги, лесные завалы, деревни. Саперы самоотверженно расчищали путь для войск; им, сколько могли, помогали остальные бойцы. Когда встречалась противопехотная мина, делалось это предельно просто. Надо было взять длинный кол и, размахнувшись, падая на землю вместе с ним, бить его концом по тому месту, где взрыхленная почва подсказывала наличие мины. Гремел взрыв, земля и дым фонтаном поднимались вверх. Теперь можно было вставать и идти дальше.

На mine замедленного действия подорвалась автомашина с имуществом взвода связи. Контузило и тяжело ранило моего товарища по Северо-Западному фронту старшего сержанта – радиста Сашу Ипполитова, пострадали еще несколько бойцов, находившихся в кузове машины. Мне повезло – наша машина проехала заминированное место благополучно. За нашей прошло еще две или три. Следующей шла машина, в которой находился Саша. Взрыв был очень сильный. Когда подбежал я, Сашу поднимали с земли, говорить он не мог, из сапог текла кровь.

Гена Беляев... Саша Ипполитов... Вчера садануло осколком по животу Николая Мартынова, к счастью, не опасно, только кожу содрало... Кто следующий?

Вслед за Петриковым, многими селами и деревнями, дивизия освободила Житковичи – маленькое белорусское местечко с немногими пыльными улицами и частично разрушенными, в большинстве деревянными домами. Нам выдали новые карты. Еще несколько дней наступления, и мы выйдем на старую государственную границу с Польшей! Это радовало и добавляло силы.

В один из последующих дней наступления, уже к вечеру, меня вызвали в штаб полка и приказали вместе с командиром штабной батареи отыскать за ночь ушедшие вперед стрелковые полки, установить связь с командирами дивизионов и получить у них указания о дальнейшем передвижении. Вероятное местоположение стрелковых подразделений было показано на карте – километров 15-18 впереди нас. Чтобы мы успели это сделать, нам дали двух отличных кавалерийских лошадей, еще сохранившихся при штабе полка.

Выехали, когда уже смеркалось. День был жаркий, солнце нагрело землю, от нее шло пахнущее пылью тепло. Судя по карте, впереди, километрах в трех, была деревня. Вскоре мы ее увидели и проехали единственной улицей, покрытой толстым слоем пыли. Кругом – ни души. Мертвая тишина. Очевидно, люди ушли из деревни в лес вместе с живностью пережидать, пока пройдет фронт.

За деревней, довольно далеко в стороне, увидели пробивающийся, похоже – из какого-то окна, свет. Мы подъехали поближе, привязали коней к изгороди, а сами потихоньку подошли к дому и заглянули в окно. Человек пять красноармейцев лежали на лавках и прямо на полу. Как оказалось, это были разведчики соседней стрелковой дивизии. О наших ротах и

батальонах они ничего не знали. Мы двинулись дальше. Километра через три-четыре, выехав с проселочной дороги на безлюдное шоссе и повернув направо, наткнулись на завал. Деревья, росшие по обе стороны шоссе, были спилены и повалены на проезжую часть дороги. К тому же немцы, конечно, его заминировали. Решили вернуться назад, объехать завал стороной, по лесной дороге, почти параллельной шоссе.

Когда мы выехали на нее, совсем стемнело. По обе стороны дороги стояли высокие деревья, верхушки их смыкались над нашими головами. Вдруг лошади остановились. Вглядевшись как следует в темноту, обнаружили остов разбитой повозки, рядом с ним валялись две убитые лошади. Судя по всему, повозка и кони были немецкие. Наскочили на свои же мины? До этих пор мы ехали рядом. Теперь мой напарник отстал метров на пятьдесят: если что случится с одним, то второй останется жив и поможет. Километра через полтора из темного куста дороги вдруг раздался оклик:

– Стой, кто едет? Русские?

Одновременно я почувствовал прикосновение чего-то твердого к животу и сообразил, что это винтовка или автомат.

– Русские! – машинально ответил я.

– Мы партизаны! – крикнули из темноты. Лошадь остановилась. Меня окружили вооруженные люди. Почти тут же один из них возбужденно спросил:

– Нашу работу по дороге видели?

Я догадался, что речь идет о разбитой повозке.

– Видели!

– А впереди по дороге будет мостик, и там стоит наш фугас! – добавил тот же голос.

Мы поехали к мостику, и партизаны на наших глазах убрали фугас из-под моста. Сейчас думаю: что было бы без этой встречи?! Тогда же было не до переживаний. На несколько минут остановились. Расспросили, как ехать дальше, чтобы не напороться на немецкие или партизанские мины. В свою очередь, партизанам сказали, где искать штаб нашей дивизии. Я даже не догадался записать чью-либо фамилию и название отряда. А жаль!

Перед рассветом наконец наткнулись на нашу пехоту, занявшую оборону в редком молодом сосняке. Отыскивали командиров дивизионов, расспросили об обстановке и планах на наступающий день. Эти сведения мы доложили начальнику штаба нашего артполка, когда вернулись обратно.

Отдохнуть не успел: только позавтракал, пришла команда выступать. Машины потащили орудия. Я сел в одну из них. Проезжая вчера еще безлюдную деревню, увидели, что в ней работают саперы с миноискателями. Дорогу они, очевидно, уже успели проверить и разминировать – по ней шли воинские подразделения, ехали машины. За деревней, километра за два до завала на шоссе, нас встретила группа офицеров из штаба дивизии. Они стояли в стороне под деревом, на ветвях которого висели какие-то рваные тряпки. В воздухе пахло недавним взрывом. Кто-то из нас спросил офицеров, что здесь произошло. Они были "маяками", посланными указывать путь движения подразделений дивизии. С ними был переводчик, попавший в дивизию еще на Северо-Западном фронте. Вот тут, где дерево, он отошел на шаг с дороги и сказал:

– Смотрите, мина!? – И носком сапога копнул земляной бугорок. Все это сделал механически, может быть, так и не осознав свою роковую неосторожность.

Выходит, ездил всю ночь по местам, начиненным вот такой смертью!

Во время одной из затянувшихся остановок я слез с машины и вышел на обочину с намерением присесть и хоть немного отдохнуть. Мимо нас проходило какое-то стрелковое подразделение. Обходя нашу колонну машин и орудий, выстроившуюся перед восстанавливаемым мостом, один солдат свернул с дороги и пошел в мою сторону. Раздался сильный взрыв. Воздушной волной меня отбросило назад. Щемящая боль во многих местах тела и одновременный удар в голову погасили сознание. Когда свет возвратился в мои глаза, понял, что лежу на земле. Вскочив, почувствовал, что по щеке и шее течет кровь. Очень ломило всю правую руку и левую ногу. В голове стоял сплошной звон, она была какая-то не

своя... Возвращавшееся зрение и слух постепенно вырисовывали страшную картину. Пехотинец лежал мертвый, а на дороге – целая груда тел; оттуда раздавались стоны раненых. Прыгающая мина взорвалась в воздухе, убила наступившего на нее солдата, еще нескольких, шедших по дороге, и очень многих ранила.

Бойцы моего взвода Захаров и Суриков наскоро перевязали меня бинтами из индивидуальных пакетов, помогли забраться в кабину автомашины. Через километр в придорожной деревне Сытница меня оставили, пообещав прислать врача из санчасти полка. Последним от меня ушел Николай Портяной.

Я пролежал несколько часов один в пустом доме. Мне оставили немного еды, но я к ней не притрагивался. "Тяжело ли я ранен? Почему так болит голова?" Мне становилось все хуже, мысли путались, тошнило. Когда приехала машина, я почти потерял сознание...

В медсанбате дивизии мне сразу же сделали противостолбнячный укол в живот, напоили чаем, добавили бинтов, уложили. Стало легче. Я попытался уснуть.

Утром меня перенесли в операционную. Если не считать повязок на голове, бедре, плече и предплечье, я лежал на столе, покрытом белой простыней, совершенно обнаженный. Подошла молодая красивая сестра. Она стала разматывать бинты на ноге. И вдруг спросила:

– А у вас есть девушка, которую вы любите?

Я посмотрел на нее с недоумением. Такая обстановка и такой вопрос? В моей голове это никак не укладывалось. Но сестра ждала ответа. Тогда я с сердцем сказал:

– Сейчас нет, но обязательно будет!

Сестра улыбнулась, а мне стало как-то легче, исчезло сковавшее меня ожидание момента, когда начнут отдирать присохшие к ранам бинты.

После операции, проведенной под наркозом, две сестры помогли приподняться. Я обхватил одну из них здоровой рукой за плечи, потихоньку спустился со стола, и они отвели меня в помещение, где собирали раненых для отправки пароходом по Припяти.

Пароход пришел только через день. Это была старая, заезженная, с трудом передвигающаяся посуда. Нас положили прямо на палубу. Пароход часто садился на мель, и мы часами простаивали.

В Мозырь прибыли ночью. Нас перевезли в эвакогоспиталь. Меня поместили в небольшую палату, где лежали еще трое – летчик, капитан-артиллерист и старший лейтенант – танкист.

Во время перевязки врач, осмотрев меня, сказала, что мне надо сделать переливание крови – за дни после ранения я очень ослаб. Но почему-то это откладывалось со дня на день, а потом вообще замолчали, хотя раны затягивались медленно, особенно на левой ноге.

Прошло несколько дней. Из всех нас "ходячим" был только летчик. Он уже выздоравливал. Однажды, придя с базара, угостил нас ягодами и сказал мне:

– Борис, тебе надо подкормиться. Давай я загоню твои часы и буду покупать тебе, что ты захочешь.

Часы подарил мне отец, когда я окончил десятый класс. Они отлично шли. Я сказал летчику, что подумаю. На другой день он опять завел разговор об этом.

– Я неплохо разбираюсь в людях, – сказал он, – у тебя, Борис, сила воли есть, а решительности мало. Чего ты тянешь с часами? Твой отец тебя поймет!

Я отдал часы летчику. Наверно, он прав. Денег у меня ни копейки не было: вся "зарплата" посылалась по аттестату домой. А "подкормиться" все-таки нужно было. Летчик завалил меня едой. Недели через три я смог добираться до столовой. Там познакомился с моряком, раненным при форсировании Припяти. Нога у него была еще в гипсе, но он мог ходить, опираясь на палку. Как-то он пригласил меня к своим знакомым девушкам, жившим вблизи госпиталя. Мы зашли в дом, поздоровались. Начался разговор, заиграл патефон.

С каким наслаждением я слушал музыку! Впервые за три года войны, если не считать испорченного патефона, попавшегося нам на Днепре, да нескольких пластинок в Брагине! Может быть, впечатление усиливалось тем, что рядом сидели две красивые девушки?

А дивизия продолжала наступление: смело, уверенно, дерзко!

Бои проходили в тех местах, где в 1941 году фашисты, используя свое военное превосходство, накопленный военный опыт, внезапность нападения, нагло начинали свое вторжение на советскую землю.

В госпиталь мне часто приходили письма, и я представлял, как быстро продвигалась дивизия.

За операцию по освобождению города Лунинец Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всему личному составу нашей части. Дивизию наградили орденом Красного Знамени. 107-й и 111-й стрелковые полки получили название Лунинецких, 228-й – Пинского и был награжден орденом Красного Знамени!

Час расплаты за горечь отступления, за погибших товарищей, за истерзанные белорусские города и деревни наступил!

"Так и до Берлина дойдут, пока валяюсь в госпитале", – думал я про своих товарищей.

Чаще всех мне писал Николай Портяной. После ранения Гены Николай стал моим близким другом. Когда я познакомился с ним, то почувствовал, что это человек незаурядный. Откровенный и предельно честный, он иногда имел большие неприятности из-за нежелания терпеть какие-либо несправедливости к себе и своим подчиненным. К тому же был великолепным рассказчиком.

Сохранилось письмо, в котором он описал один из боев, случившихся, пока залечивались мои раны в госпитале. Из тона и содержания его видны огромный наступательный порыв и радость моих товарищей, быстро гнавших врага на запад.

"...Я лежал на снарядных ящиках на четвертой машине, считая с головы колонны, и дремал под негромкий гул моторов. Дремотное состояние мое было прервано внезапно наступившей тишиной и чьим-то будничным, бесстрастным возгласом:

– Немцы!

Я увидел, что слева, из слегка волнующейся ржи неподвижно торчали (более подходящего слова не подобрать) пять или шесть солдатских голов в немецких мышинового цвета пилотках с невероятно вытянутыми от удивления физиономиями, из чего можно было сделать вывод, что столкновение было обоюдно внезапным. Немая сцена длилась всего несколько секунд. И вдруг все словно взорвалось.

Крики: "Бей гадов!", "Вперед!", "За Родину!", "За мной!" – слились с автоматными очередями, и всех словно смело с машины. С ходу открыв огонь из автоматов и карабинов, разведчики, огневики, связисты бросились в атаку.

Пытаясь достать завалившуюся между снарядными ящиками полевую сумку с пистолетом, я сверху, с кузова, видел, как один за другим атакующие врезались в рожь, над которой повисло хватающее за душу протяжное "ура-а-а!..." Тут же во ржи завязался рукопашный бой.

Когда, наконец, сумка была извлечена из-под ящиков, а пистолет из сумки, бой переместился уже метров на 500 дальше к лесу. В это время справа, куда до сих пор никто и взглянуть не вздумал, по машинам ударил вражеский пулемет. Установленный в 100-120 метрах от дороги на картофельном поле, у самой ржи, в свежевырытом, совсем не замаскированном гнезде, он бил длинными очередями вразброс от головной машины до последней. И поэтому, а может быть, от внезапности нашего появления или неопытности пулеметчика, огонь был не очень метким – пули резали картофельную ботву перед машинами и поднимали фонтанчики пыли на дороге и под машинами и между ними. Однако все живое было прижато к земле. Я очутился в кювете справа от машины с Форталевым и шофером. Кювет был мелким даже для наших тощих фигур, и нам казалось, как всегда кажется в таких случаях, что весь огонь вражеского пулемета сосредоточен на нас. Вдруг, перекрывая шум боя, почти одновременно раздались знакомые слова: один со среднеазиатским акцентом, другой певучий, как все украинские: "За Родину! За мной!", и где-то справа у шестой или седьмой машин с пистолетами в руках во весь рост поднялись младший лейтенант Юлдашбеков и комсорг полка Бражник и бросились навстречу пулемету. За ними поднялось несколько бойцов. Но вражеские пулеметчики перенесли огонь на

атакующих, и Юлдашбеков, не пробежав десяти метров, упал, срезанный пулеметной очередью. К нему бросились Бражник и солдаты шестой батареи. Он был мертв. Три пули навывлет прошли ему грудь. А пулемет словно озверел, бил и бил без передышки, теперь уже короткими очередями, но все так же по низу. Артиллеристы стали отвечать огнем из карабинов. И тут у меня мелькнула мысль, что стоит только поднять прицел пулемета и ударить по машинам, как после первого же попадания в головку снаряда (а их на каждой машине сотни) мы все взлетим в воздух вместе с машинами. Видимо, такая мысль пришла в голову не одному мне, потому что, словно отвечая на нее, раздался голос нашей медсестры Юли Тико (Сарычевой):

– Черепанов! Разворачивай гаубицу!

Будто он только и ждал такой команды: командир орудия выскочил из-за машины и каким-то отчаянным рывком снял гаубицу с передка. Два огневика выбросили ящик со снарядами из кузова машины на землю и тут же были ранены. Юля, увидев это, выхватила из ящика снаряд и зарядила орудие. Машина отработанным маневром, совершив левый поворот по картофельному полю, ушла к лесу. У орудия метались двое: маленькая, худенькая Юля и тоже невысокий, но коренастый Черепанов – они с трудом разворачивали орудие.

Мы лежали от гаубицы в каких-то пятнадцати метрах, Я к ней был ближе всех и поэтому первым бросился на помощь. Потом подбежал еще кто-то, из шоферов, четвертый. Уже снаряд с зарядом были в канале ствола, Юля и я развели станины гаубицы, а Черепанов не мог опустить ствол – что-то заело. Несмотря на огонь, он стоял перед щитом и чем-то деревянным ожесточенно колошматил по механизму, в то время как Юля за щитом пыталась опустить ствол. Наконец задержка была устранена, и ствол начал опускаться. Черепанов одним прыжком оказался за щитом, приник к прицелу, и... грохнул выстрел. Отдачей гаубицу вместе с незадачливой прислугой отбросило на картофельное поле и развернуло почти на 90 градусов. В спешке мы забыли отбросить сошники, да, откровенно говоря, на такой укатанной дороге они были бесполезны.

Снаряд разорвался во ржи далеко за пулеметом. Мы уже вчетвером ухватились за колеса, пытаюсь вновь развернуть орудие в нужном направлении. Но этого уже не потребовалось. Все, кто оставался у машин, а таких набралось не более полутора десятков, ведя огонь с ходу, поднялись в атаку на пулемет. Пулеметчики, бросив свой пулемет, припустились к лесу. Их было двое. До леса добежал один, второй был убит.

Все бойцы действовали смело и решительно. По сути дела, исход боя решили быстрота и натиск. При этом выделить более храбрых и даже первых, бросившихся в атаку, было невозможно.

Телефонист рядовой Астапенко во ржи догнал немца и с такой яростью двинул его прикладом карабина, что тот упал замертво с раскроенным черепом, а в руках растерявшегося телефониста остался обломок карабина без приклада и даже цевья. Плюнув в сердцах и отбросив в сторону обломки, он выхватил у убитого им немца автомат (кстати, оказавшийся новейшей конструкции) и бросился за ушедшими вперед товарищами.

Сержант Кабищев (командир отделения радистов) с двумя разведчиками настигли командира немецкой роты обер-лейтенанта и пытались взять его невредимым, но он так яростно отбивался, даже кусался, что пленить его удалось только после того, как он был ранен, причем довольно неудачно, в живот. Так его раненого и приволокли к машинам. Он держался за живот и стонал, но смотрел зверем и не отвечал ни на какие вопросы. И хотя в бою было убито всего около десятка немцев и взято в плен только двое, разгром роты был полным. Наши потери составили: двое убитых и несколько человек легко раненных, наотрез отказавшихся идти на полковой медпункт. Их перевязала Юля..."

...Описанный Николаем случай был каплей в море боевых событий. И все-таки этот быстротечный бой артиллеристов, неожиданно встретившихся с пехотной ротой противника, отражает главное: приподнятое настроение бойцов и командиров, завершающих великий подвиг освобождения Родины, их возросшее мастерство, умение действовать решительно и бесстрашно даже в совершенно непредусмотренных уставами обстоятельствах.

...Пришла весточка от Беляева. Ее прислала... мама! Не имея своей матери, Гена написал моей:

"Дорогая мама!

Разрешите мне называть Вас так, уважаемая Любовь Николаевна! Несколько месяцев лежу в госпитале. Не знаю, как буду жить дальше... без ноги. У меня нет родных, единственный брат на фронте, но от него давно нет известий. Я знаю, что оба Ваши сына на фронте, Вам тоже нелегко. Очень хотел бы, чтобы с ними ничего не случилось. Написал Вам, и стало легче. Знаю – Вы поймете и простите меня за это последнее письмо..."

Обратного адреса на конверте не было.

Письмо обрадовало меня. Гена жив! Вот только настроение неважное. Жаль, не написал адреса!

Догоняю дивизию

Лечение наше подходило к концу. Оставалось каких-либо две-три недели. Выписывающихся из госпиталя офицеров направляли в резерв фронта. Нам хотелось возвратиться в свои части. Стали обдумывать, как это сделать. Обе дивизии – моя и капитана, судя по письмам, которые мы получали, находились под Брестом, на отдыхе. Найти их было легко. У танкиста родители жили в Шепетовском районе, недалеко от одной из железнодорожных станций по дороге на Брест. Он сагитировал нас заехать к нему домой.

Мы втроем пошли к доктору – молодой женщине – и попросили выписать нас досрочно с направлением в свои части. Врач не соглашалась. Но мы уговорили ее, сказав, что по дороге есть госпитали, и мы найдем возможность делать перевязки. Летчика с нами не было. Он выписался за несколько дней до этого.

Госпиталь был переполнен, нас выписали в свои части. Как всякий выздоравливающий, я испытывал чувство признательности к человеку, столько раз подходившему к моей койке, осторожно осматривавшему мои раны в перевязочной... Хотелось сказать что-то теплое и приятное, чтобы обрадовать и этим выразить свои чувства. Перед отъездом подошел к врачу:

– Благодарю вас, доктор,- сказал я,- и не только от себя. Мои родители – будь они здесь – тоже сказали бы вам большое спасибо!

Врач посмотрела на меня и спросила:

– Вы один у них?

– Есть сестра, старший брат погиб, родители очень переживают за меня.

– Что же вы раньше-то молчали!-с искренним сожалением сказала врач. – Начальник госпиталя мог бы дать вам двухнедельный отпуск!

Я очень расстроился. А потом подумал: может быть, так и лучше, отцу с матерью провожать меня снова на фронт будет куда тяжелее, чем тогда, в сорок первом...

До села, где жил танкист, мы добрались без происшествий. Вышли на какой-то станции, подсели в крестьянскую повозку и километров десять ехали полевой дорогой.

Отца у танкиста не было. Встретила мать. Она прямо обезумела от радости. В селе оставались одни женщины, глубокие старики, несколько калек, вернувшихся с войны. Взрослые мужчины находились в армии. Молодые парни и часть девушек были вывезены в Германию. Не село – сплошная кровоточащая рана... Мать танкиста не знала, чем нас накормить-напоить! Я впервые здесь попробовал свежие огурцы с медом! Здорово!

На нашу "беду", у танкиста – полсела родственников, В первый день мы переходили из хаты в хату и в каждой "вспоминали" то погибших, то угнанных в Германию. Отказаться от самогона, от души налитого в обычный стакан до краев, было нельзя – обиделись бы. К вечеру мы едва доплелись до дома и улеглись прямо во дворе, под большой грушей, на подстилку, предусмотрительно подготовленную хозяйкой.

На второй вечер нас пригласили соседи. Долго сидели над угощением, вспоминали довоенную жизнь, пили опять стаканами самогон за погибших и оставшихся в живых; женщины рассказывали, как обманывали фашистских оккупантов при сдаче продуктов, как гитлеровцы панически убегали при наступлении наших войск.

Когда стали расходиться, хозяйка предложила одному из нас остаться ночевать у нее в доме. Голова моя раскалывалась от самогонки и долгих разговоров за столом. Хотелось одного: побыстрее лечь спать. Я согласился.

Сразу, как ушли гости, хозяйка постелила мне постель в отдельной комнате. Пройдя туда, снял одежду, потушил огонь и лег в кровать. Уже засыпая, услышал, как скрипнула дверь. В комнату вошла дочь хозяйки. Разделась и молча легла рядом со мной. Я от неожиданности замер. Из памяти всплыли рассказы танкиста о простоте отношений девчат и парней в их деревне: если парень понравился, говорил танкист, девушка может и в постель его пригласить, но это еще ничего не значит – поспят вместе, и только. Вспомнились случайные взгляды девушки в мою сторону за столом.

В моей пьяной голове зароились мысли, что опять возвращаюсь на фронт и неизвестно, что со мной будет, что еще не знал женщин... Слышанные мной рассказы о случайных встречах и легких "победах" тоже не прошли даром. Протянул руку и погладил девушку. Она не оттолкнула меня. Я стал смелее. Она молчала.

А мне уже стало ясно, что зря все это затеял. Потеря крови при ранении, досрочная выписка из госпиталя и, возможно, самогон сделали свое дело... Может, сказалось и то, что, несмотря на многое, слышанное мной, сам я представлял любовь совсем иной и поэтому не только физически, но и психологически не был подготовлен к этой случайной ночи.

Позднее, когда я уже был в дивизии, ко мне пришло письмо. Мой адрес она, очевидно, узнала у танкиста. Конверт был украшен цветком, нарисованным разноцветными карандашами. Девушка предлагала переписываться с ней. Всего письма не помню. Я оставил его без ответа...

Утром капитан и я решили проститься с танкистом, его матерью, односельчанами, подошедшими проводить нас, и пошли на станцию. Вот и Брест. Вечер. Постучали в первый попавшийся дом около вокзала. Впустила хозяйка. Узнав, что хотим переночевать, завела в небольшую комнату без мебели. Прежде чем попасть в нее, прошли через роскошно обставленную гостиную. Уходя, спросила, не подослать ли нам чего на пол. Мы отказались – есть шинели. Утром она постучала и поинтересовалась – не купим ли у нее яблок? Мы отказались. Стоило нам зайти в какой-либо дом в освобожденной от фашистов деревне, и нам всегда были рады. Если шло к ночи, старались уложить спать на лучшую постель. Мы обычно отнекивались: было привычнее спать на земле или на полу, да и одежда наша не отличалась чистотой. Нас угощали, чем могли, часто отдавая последнее. А тут... К буржуйам, что ли, попали? Мы оделись и пошли в комендатуру.

Там я расстался со своим попутчиком. Наша дивизия стояла километрах в 20-ти от Бреста. Его – в другом месте. Получил сухой паек – сухари и селедку, сделал в санчасти комендатуры перевязку и потопал к месту отдыха дивизии. Идти пришлось через лес, поражавший исполинскими размерами деревьев. Иногда садился или ложился отдохнуть. Так, не торопясь, прошагал километров пятнадцать-двадцать и попал в небольшое местечко, вблизи от которого стояла дивизия. За городом снова начинался лес. Дойдя до него, понял: в комендатуре меня подвели. Да, дивизия стояла тут – это было видно по оставшимся шалашам, землянкам, следам машин и орудий. Но сейчас никого уже не было.

Я не стал возвращаться на ночь в Брест. Когда до города оставалось километров пять, свернул с дороги в лес, нашел место посуше, нагреб листьев вместо постели, разложил на них шинель и лег спать.

Утром в комендатуре сказали, что надо ехать в Белосток. Опять выдали сухой паек. На сей раз – сухари и свиное сало. Я сел на открытую платформу товарняка, отправляющегося в Белосток. Поезд буквально тащился. Вместо обычных рельсов на пути лежали их куски, положенные на половинки шпал. Немцы, отступая, пропахали путь специальным плугом,

прицепленным к поезду. Он переломал шпалы пополам. Потом рельсы подорвали во многих местах толлом. Телеграфные столбы тоже свалили толовыми зарядами.

Со мной на платформе ехали две польки: мать и дочь. Мы разговорились, хотя не очень хорошо понимали друг друга. Я первый спросил, куда они направляются. Мать сказала, что собрались в деревню к родственникам, там сытнее. Потом разговор перешел на ее сына. Его совсем недавно взяли в армию, он попал в зенитные войска, учился в военной школе в каком-то тыловом городе России, где готовили зенитчиков. Обе они говорили с таким волнением, вспоминая, как молод, слаб и неопытен их бедный мальчик, что я невольно спросил, сколько ему лет. "Двадцать четыре!" – был ответ. Значит, он был старше меня на год. У меня за плечами были годы войны, два ранения, а тут – есть о чем волноваться! Я успокоил женщин, что в зенитных войсках служить не очень опасно и что, пока их мальчик учится, война придет к концу. Разговаривать с ними меня больше не тянуло...

В Белостоке оказался поздно ночью, и то благодаря коменданту какой-то станции. Он посадил меня в какую-то набитую мебелью грузовую машину. Поезд остался стоять. В кузове вместе со мной ехал пожилой поляк, работник какого-то мебельного предприятия. Он пригласил меня к себе переночевать. Жил он в большом многоэтажном доме недалеко от вокзала. Ночью я проснулся от бомбежки. Прибежал поляк и сказал, что в подвале дома есть убежище, что надо укрываться там, и он идет туда. Мне очень не хотелось вылезать из мягкой теплой постели. Бомбили не так уж близко. Я поблагодарил его, сказал, что это не опасно, и продолжал спать.

Утром в комендатуре Белостока я узнал, что дивизия только вчера погрузилась в эшелоны и отправилась в Псков. Опять получил сухой паек салом и сухарями и пошел на вокзал. Но уехать в Псков не сумел, хотя проторчал на вокзале целый день. К поляку мне идти не хотелось. Он и так много сделал для меня. Неподалеку от вокзала постучал в какой-то дом, где светились окна. Мне открыла дверь молодая красивая полька с ребенком на руках. Она пригласила меня в дом, приготовила ужин, покормила, потом постелила постель и предложила лечь. В комнате было две постели и детская кроватка. Когда я лег, она вошла и стала укладывать ребенка. Последнее, что я слышал, – звук передвигаемой детской кроватки. Обернувшись, увидел, что женщина поставила ее вплотную к своей постели. "Бойтся меня, что ли", – подумал я. И, тут же догадавшись, что женщине это просто удобнее, заснул. В Псков приехал часов в двенадцать ночи, идти в комендатуру было бессмысленно. Побрел, сам не зная куда, и вдруг увидел светлое пятно на поле за разрушенным зданием вокзала. Подойдя ближе, разглядел вход в землянку.

У печурки сидела женщина со спящей девочкой на руках. Я попросил разрешения войти, чтобы спрятаться от дождя. Сел к печурке и стал ее подтапливать. Женщина, прислонившись к стене землянки и не выпуская из рук девочку, заснула. Так втроем и скоротали мы эту ночь. В комендатуре мне назвали место сосредоточения дивизии – латышскую деревню, недалеко от озера Алуksне. Добираться туда можно было поездом, потом, если повезет, – попутной машиной. А надежнее – пешком. Плохо помню этот путь. Я заболел. Отлежался под кустом в стороне от дороги, потом несколько дней шел пешком и почти ничего не ел. На двадцатый день после выписки из госпиталя я наконец достиг цели своего "путешествия".

Названное мне место оказалось совсем не деревней. Просто несколько домов, каждый далеко друг от друга. Я зашел в ближний. В нем все было просто, мебели почти никакой. Хозяин – старый латыш – принес мне к вечеру соломы. Я лег и заснул. Проснулся от света карманного фонарика, направленного мне в лицо.

– Да это же Борис! – услышал я изумленный возглас Мартынова.

Так закончилась моя многодневная "погоня" за дивизией. Все-таки я не только нашел ее, но и явился раньше всех на новое место сосредоточения! Однако общий баланс был не в мою пользу. Когда заканчивалось мое лечение в госпитале и начиналось "путешествие", дивизия была на отдыхе. Ее вывели из боев через несколько недель после моего ранения. Бойцы и офицеры успели отдохнуть, а я только "приходил в себя".

Сутки провел в дивизионе, где служил Мартынов, немного отдохнул и поехал на велосипеде в штаб полка, чтобы доложить о своем возвращении. Следовало еще зайти в санчасть, сделать последнюю перевязку. Велосипед дали мне разведчики Мартынова. В детстве я очень любил кататься на велосипеде. Когда мы жили в Родниках, а я учился в пятом классе, отец купил мне и Лева старенький, прошедший огонь и воду, велосипед с отчаянно провертывающейся втулкой заднего колеса. Мы научились на нем ездить, десятки раз собирали и разбирали его, пытались привести в порядок мучившую нас втулку...

Я нажал на педали, съехал по небольшому уклону на ровную дорогу и... почувствовал, что падаю вместе с велосипедом на дорогу. Руки и ноги меня перестали слушаться, стали ватными, сердце не билось, а дергалось мелкими-мелкими толчками. Но постепенно все пришло в норму. Потихоньку поднялся, сначала шел шагом, потом сел на велосипед и не спеша поехал. Я уже писал, что, когда был на Северо-Западном фронте, в дни большой усталости у меня появлялась сильнейшая боль под левой лопаткой. К врачам не обращался, считая, что это ни к чему не приведет. Если приходилось куда-нибудь идти, шел с перерывами, присаживаясь на три-четыре минуты. Когда нас сняли с фронта, все прошло. Большая потеря крови при ранении и досрочная выписка из госпиталя сильно ослабили меня, и вот опять сердце начало подводить.

В штабе полка обратился к первому помощнику начальника штаба майору Феонову, знавшему меня еще со времени, когда мы стояли на отдыхе в 1942 году, перед тем как попали в 55-ю дивизию. Он обрадовался, увидев меня, и сказал, чтобы я временно принял обязанности начальника разведки полка. Капитан Иван Белый, занимавший раньше эту должность, был ранен.

– Третий раз – и все в левую руку! – сказал Феонов, выражая одновременно сочувствие и удивление. – Пришлют нового начальника разведки, отправлю тебя в твой дивизион, – добавил он.

Снова в бой

Отдохнуть мне так и не пришлось. Дивизию перебросили маршем в район шоссе Псков – Рига, и она вступила в бой в составе 3-го Прибалтийского фронта.

Снова потекли ратные будни.

Я находился при штабе полка, помогая майору Феонову в работе штаба по задачам разведки. Однажды мне понадобилось пройти на наблюдательный пункт командира полка. Шел открыто – местность на подходе к НП не просматривалась. Впереди меня размашисто шагал человек в военной форме, судя по всему – солдат. Вдруг между нами разорвался снаряд. Я бросился на землю. Снаряды продолжали рваться, но все дальше и дальше от нас. Выждал некоторое время, побежал вперед. Солдат исчез.

Я увидел его лежавшим в густой, высокой траве. Глаза его неподвижно смотрели прямо в небо. Мгновенная смерть оставила лицо таким, каким оно было, только немного посуровевшим, побледневшим. Два шрама – один на виске, второй на подбородке, говорили, что погиб бывалый солдат, хотя на вид ему было вряд ли больше, чем мне. Раскинутые в стороны руки создавали впечатление, что сейчас он еще раз потянется от избытка сил и молодости, встанет и побежит дальше к своим товарищам... Но над левым карманом гимнастерки сочилась кровь. Я достал его документы. В красноармейской книжке было отмечено одиннадцать ранений! Я не верил своим глазам. Столько раз быть раненым! Я положил книжку обратно. Оттащил его немного из густой травы, чтобы заметила похоронная команда. Солдат был не из нашей части. Вой очередного снаряда и грохот взрыва снова уложили меня на землю. Больше медлить было нельзя, я мог стать второй напрасной жертвой бесприцельного огня фашистской батареи, методически обстреливающей закрытый для немецких наблюдателей участок. Едва перестали лететь осколки и комья земли, поднятые взрывом, вскочил и бросился вперед, напряженно прислушиваясь к звукам выстрелов.

Сейчас я думаю: "Сколько людей гибло на войне вот так, как этот! А когда солдат писал письма домой, он, как большинство фронтовиков, не хотел тревожить любимых и близких рассказами о тяжелых боях, о своих муках в госпитале. Да и, возможно, не писал о каждом из своих одиннадцати ранений. Близкие ему товарищи, если узнали о смерти, сообщили домой и сказали о нем доброе слово. Но разве знали они все подвиги солдата, да и было ли у них время написать обо всем подробно?"

Может, стерлась за долгие послевоенные годы табличка на могиле, старые родители умерли от горя и переживаний по своему сыну, и осталась на этом месте незаметная могила...

Не потому ли так волнуют посвященные и его подвигу памятники Неизвестному солдату?"

В эти дни, как начальнику разведки, мне приходилось много ездить верхом на лошади, выясняя обстановку в стрелковых полках дивизии. Положение на фронте менялось очень быстро. Часто получалось так, что на стыке частей появлялись целые коридоры, где не было ни немецких, ни наших войск, хотя фронт уже продвинулся далеко вперед. В один из дней проезжал латышским хутором. Немцы ушли из этой местности без боя, наши части обошли ее стороной. Навстречу мне выбежала старуха. Я для нее был первым человеком, представителем той армии, о приходе которой она, видимо, думала все тяжелые годы своего пребывания в оккупации.

– Освободители дорогие наши! – кричала она; по лицу ее текли слезы. Она подбежала к лошади и прижалась лицом к моему пыльному, выдавшему виды солдатскому кирзовому сапогу, потом начала неистово целовать его, продолжая плакать. Я быстро слез с лошади и старался успокоить ее. Глотая слезы и всхлипывая, женщина рассказала, что она русская, из Псковской области, что их деревню сожгли немцы и она с двумя детьми на руках и коровой долго жила в лесу; потом корова погибла, холод и голод погнали их по деревням; она добралась сюда, под Ригу, и стала работать у богатого хозяина. Он всячески издевался над ней, бил ее детей, а сейчас, испугавшись, убежал вместе с немцами. Я рассмотрел, что она совсем не старуха: горе и издевательства состарили женщину раньше времени.

Рассказывая, она снова порывалась обнимать меня, повторяя:

– Освободители наши! Освободители наши!

Ее слова еще долго потом звучали в моей голове. Я понимал, как ждет население оккупированных областей нашу армию-освободительницу, и много раз испытывал на себе теплоту чувств и радость освобожденного населения. Но с таким взрывом человеческих чувств, к тому же выраженных так непосредственно, я встречался впервые. "Какой же ад прошла эта женщина, если она совсем обезумела от радости, увидев первого советского солдата!" – думалось мне, когда ехал дальше.

Так военная действительность продолжала политическое воспитание нашего поколения. В начале войны мне исполнилось двадцать лет. В описываемые дни – было двадцать три. Если к трем годам военного времени прибавить два года службы в мирное время, получится пять лет. За пять лет люди кончают институт. Мой институт был особого рода. О нем в свое время хорошо сказал Маяковский: "Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих..."

В другой раз во время очередной разведывательной поездки я встретился с земляком. Иваново и ивановцы мне всегда были дороги. Как-то в боях еще на Курской дуге мне сказал кто-то, что наш сосед справа – Ивановская дивизия. Я отпросился у Новикова и пытался найти ее. Ходил, расспрашивал, но так и не нашел. А очень хотелось! В этот раз с группой из четырех красноармейцев проезжал почти весь день, пытаясь уточнить положение стрелковых полков. Лошади наши устали и могли идти только шагом. До штаба полка было еще очень далеко, и мы решили, что где-нибудь переночуем, а утром поедем дальше. К тому же у меня разболелась голова. После второго ранения это случалось часто, но я не придавал этому значения. Рана на голове зажила быстрее остальных.

Мы ехали по шоссе. Судя по карте, в этом районе, примерно в пяти километрах слева

от нас, был хутор. Мы повернули туда и заметили его издалека. Он был окружен повозками с лошадьми и без лошадей. Очевидно, тут пряталось население близлежащих хуторов, пока фронт минет эти места. Когда приблизились метров на двести, навстречу выбежала женщина. Оказалось, что и здесь – мы первые представители советских войск. Женщина тоже оказалась русской, остальные – латыши. Она уговорила нас переночевать и буквально стащила меня с лошади.

Не успели сойти с коней, как она спросила:

– А что вы делаете с теми, кто попал раненый в немецкий плен?

Не долго думая, я ответил:

– Ничего не делаем. Просто винтовку в руки – и шагай, воюй вместе с нами! Отличишься – орден заработаешь.

Тогда женщина добавила:

– Тут в лесу спрятался русский. Он был ранен, когда немцы взяли его в плен, был без памяти. Сейчас приведу его!

Минут через десять она уже возвратилась вместе с ним. Высокий, без кровинки на лице парень шел впереди нее. В обеих руках, вытянутых вперед, он держал по бутылке немецкого спирта, руки и тело колотила нервная дрожь. Мы успокоили его. Все вместе зашли в дом. Женщина выставила на стол всякую снедь.

Оба они работали на этом хуторе, где находилась конеферма богатого латыша, жившего в Риге. Теперь все хозяйское перешло в их распоряжение. Когда сели за стол, я спросил, откуда парень.

– Из Иванова!

– А где работали?

– На меланжевом комбинате!

Вот тебе раз! Нашелся-таки земляк! Он рассказал, что был ранен и контужен. Его в бессознательном состоянии подобрали немцы. Еще до того, как рана полностью зажила, отправили на работы в Латвию. Так очутился здесь и познакомился с этой женщиной. Они стали жить как муж и жена.

Утром ивановец вывел мне крутобокого, черной масти, здоровенного жеребца. Я ему оставил свою замученную лошадь. На прощанье сказал:

– Как только появятся представители нашей власти, найди их и расскажи все, как было. Если направят в действующую армию, воюй так, чтобы тебя наградили. И все будет хорошо!

Я поверил в его рассказ и дал ему чистосердечный совет. Жалею, что не записал фамилию – и на этот раз, хотя конец войне и близился, о завтрашнем дне мы тогда еще не думали. Было ясно одно: надо быстрее гнать фашистов с нашей земли! А они еще огрызались, пытались запугивать нас.

Когда выехали на шоссе, с которого свернули на хутор, оно было усеяно листовками. На каждой – цветной рисунок – чудовищный взрыв – и написано на русском языке примерно так: солдаты и командиры Красной Армии! Не продвигайтесь дальше. Иначе мы применим новое оружие небывалой разрушительной силы!

Мы посмеялись: хотят запугать каким-то несуществующим оружием! Ведь если б оно у врага было, разве стал бы он медлить!

Сейчас-то я знаю, что немцы пытались сделать атомную бомбу и их угрозы были близки к истине.

Мое пребывание в должности начальника разведки полка было недолгим. Майор Феонов выполнил свое обещание. Как только появился офицер, присланный из резерва на место капитана Белого, Феонов направил меня в дивизион капитана Кудинова. Войска 1-го Прибалтийского фронта подходили к Риге. Соппротивление немецких войск усилилось. Я нашел Кудинова утром на НП дивизиона. Он разговаривал по телефону. Тяжело ранило командира взвода управления одной из батарей. Капитан приказал отправить его в санчасть полка. Кончив разговаривать, поздоровался со мной, потом дал распоряжение связисту соединить его с начальником штаба дивизиона:

– Командира взвода управления первой батареи тяжело ранило. Напиши на него наградной лист – сегодня же!

Потом, как бы оправдываясь, сказал мне:

– Человека чуть не убило. Подвига он не совершил, но разве пролитая кровь не заслуживает награды?

Я поддержал Кудинова, хотя знал: в первые годы войны так не поступали.

– Второго человека теряю, – продолжал Кудинов, – вчера капитана Антипова на повышение взяли. Вот ты и примешь его первую батарею! – И объяснил обстановку и задачи для батареи.

Всю первую половину дня я был очень занят. Полазил по переднему краю. С НП в стереотрубу обнаружил две пулеметные точки. Они, как и наспех вырытые траншеи, были плохо замаскированы. Не те стали гитлеровцы!

Потом пошел на огневые позиции. Многие бойцы мне были знакомы (это же родной дивизион Новикова)²², сколько дорог с ним пройдено!

Когда возвращался обратно на НП, ноги мои едва шагали, а голова словно налилась свинцом. Сказывалось напряжение последних дней: спать почти не приходилось. Казалось, никогда не дойду до передовой.

Близкий разрыв и град осколков вывели меня из этого состояния. Броском прижался к земле. Усталости как не бывало! Мгновенно осмотрелся. Неподалеку зияла глубокая, еще дымящаяся воронка. Что есть силы бросился в нее. Обстрел продолжался. Снаряды рвались кругом, ранив землю, калеча деревья, забивая звоном уши. "А если меня сейчас убьет?" – промелькнуло в голове. По старой привычке, шел один. "Оказаться к концу войны без вести пропавшим? Нет уж!" Тело мое сжалось в напряженном ожидании, голова автоматически втягивалась в плечи при каждом разрыве: сознание воспринимало только то, что свистело, рвалось, било по деревьям и земле.

Когда обстрел кончился, я поднялся и побежал на НП. Откуда силы взялись! Наверно, только на войне да в минуты крайних напряжений человек понимает, что его силы во много раз больше тех, на которые он привык рассчитывать в своей обыденной жизни!

Основные цели на немецкой передовой я успел пристрелять вечером. По координатам, присланным из штаба, подготовил данные для стрельбы по немецким батареям. Гитлеровцы ответили минометным огнем по передовой, не причинившим нам вреда: наш НП они не сумели обнаружить.

К ночи у меня все было готово к началу артподготовки. Теперь – отдохнуть...

Рано утром заговорили "катюши". Их голос был условным сигналом для всех батарей нашего участка фронта, где намечалось решающее наступление на Ригу. Пора начинать.

– Батарея, цель номер один, двадцать снарядов на орудие, беглый огонь!

Засвистели снаряды. Немецкая передовая покрылась взрывами. В такт им часто-часто задрожала земля.

– Батарея, цель номер два, двадцать снарядов на орудие, залпами, огонь!

Взрывы заслонили пулеметное гнездо во вражеской траншее. Снаряды продолжали молотить по нему.

Загрохотало кругом. Обстрел нарастал с каждой минутой. Мощно колебали воздух долетающие до нас звуки выстрелов сотен орудий. "Вот она, расплата! Это за Леву! За мать с полузамерзшими на болоте детьми и сожженные белорусские и тифозные курские деревни! За окровавленные настилы болота Сучан! За безвременно состарившуюся женщину, так неистово целовавшую мои солдатские сапоги! За страдания отца, матери, Лели!" Скоро стрелковые полки пойдут в наступление. Я перенес огонь вглубь, чтобы парализовать артиллерийские и минометные позиции противостоящих немецких батарей. Почему-то вспомнился вдруг 1941 год, элеватор под Калинином, ясно видимые вспышки выстрелов

---

²² После возвращения из отпуска Новикова направили в другую часть.

немецких минометов и наши – молчащие пушки. А теперь все было наоборот! Пришел на нашу улицу праздник!

– Огонь! Огонь! Огонь!

Вражеский снаряд рывкнул неподалеку, один из осколков врезался в бруствер окопа, словно напоминая, что война еще не кончилась...

До Риги мы не дошли всего несколько километров. Наш дивизион уже вел огонь по восточной окраине Риги, когда его сняли с фронта. Дивизию передали в состав Краснознаменного Балтийского флота переименовав ее в дивизию морской пехоты. Нас отправляли в капитулировавшую Финляндию, в Порккала-Удд.

6 ноября мы начали грузиться на морские баржи в Ленинграде. Меня словно магнитом потянуло в дорогой город. Трамваи уже ходили. Я поехал на Васильевский остров. На многих зданиях виднелись следы артиллерийского обстрела. Фронтон Горного института оказался разрушенным, но институт работал. Студенты и преподаватели были в эвакуации и лишь недавно возвратились. Я нашел девушек из моей группы. Они уже кончали институт...

Годы войны вытеснили из памяти дни совместной двухмесячной учебы – мы не помнили друг друга...

На обратной дороге заглянул в адресный стол на Невском. Я знал, что Зои нет в Ленинграде. Но мне дали ее адрес. Почти бегом неся к Зоину дому! Неужели увижу ее? Но меня ждало полное разочарование. В доме расположилось какое-то учреждение. Зашел к дворнику – узнать, была ли Зоя в Ленинграде. Седая женщина – та самая, что когда-то так напугала Палю словами о войне, – приняла меня необыкновенно радушно. Зои нет, сказала, но все, что осталось в ее комнате, сохранилось. Женщина, пережившая страшную блокаду и живущая на скудном пайке военного времени, ответив на мой вопрос, стала говорить со мной не о тягестях блокады, не о перенесенных страданиях и своей нелегкой жизни, а о наших наступлениях на фронте, о скорой победе, о будущем Ленинграда! Образ этой простой мужественной труженицы, не павшей духом, несмотря на все тяжелые испытания, сохранился в моей памяти как символ героизма ленинградцев.

На Суворовском проспекте, как и прежде, работало фотоателье. Не утерпел, зашел. Ателье делало только "пятиминутки" размером 3x4 см. Мне достаточно. Главное, что быстро. Как был – в шинели и измятых фронтовых погонах – так и сфотографировался. Я еще не был уверен, что для меня военные действия позади и уже никогда больше не попаду под артиллерийский и минометный обстрел, бомбежку, под пули автоматчика и пулеметный огонь "мессершмиттов", на заминированные тропы и дороги. Война еще не кончилась, и отправка на Порккала-Удд могла быть временной передышкой. К тому Финский залив был еще полон вражеских мин и не закрыт от вражеских подводных лодок. На карточке, посланной домой в этот же день, едва уместилось несколько строк: "Снимался в годовщину – 5 лет в армии. Вид совсем окопный. Сейчас из окопов вылезли, так приоденемся, как подобает! Любящий Вас Борис". Это была моя вторая фотография за всю войну, если не считать снимка для партбилета. От первой ее отделяли тысяча дней, проведенных мной на фронте и в госпиталях... Гляжу сейчас на фотографии, сравниваю их.

На первой – я с сержантскими знаками отличия, как и полагается командиру отделения; на второй, на моих погонах три звездочки – я уже старший лейтенант, командир артиллерийской батареи. У сержанта лицо совсем мальчишеское, улыбочное, беззаботное и счастливое. У командира батареи – с серьезным взглядом, без смешинки, лицо взрослого человека. В боях под Ригой мне попала книга. Эпиграф к ней врезался в память: "Война есть война, с полей смерти не возвращаются помолодевшими..." Лучше не скажешь...

На Балтике штормило. Даже кое-кто из моряков не выдерживал и "травил" вовсю. Мне было тошно, но терпимо. В Хельсинки выгрузка. Дивизия выстроилась колонной и без единой остановки прошла город. Вот мы и оказались на Порккала-Удд. Кто-то сказал нам, что это финский Крым. Может, летом это и так. Но в начале зимы погода стояла отвратительная – снег и дождь. Мы построили большие бараки в лесу.

В моей тетради, сшитой из нарезанных листами обоев, в которой я решал задачи по

стрельбе на офицерских занятиях и которая у меня сохранилась до сих пор, нашел такую запись: "Был на полковом партийном собрании. Оказывается, когда полк впервые вступил в бой, его партийная организация имела 45 коммунистов и 26 кандидатов в члены партии. К концу боев в полку стало 598 коммунистов и 88 кандидатов. Из 950 орденов и медалей, которыми были награждены солдаты и офицеры полка, более 700 носили коммунисты". Лучшие бойцы и командиры в моей батарее были коммунистами. Получая приказ для батареи, я ставил задачу всем и отдельно коммунистам. И твердо был уверен: они не подведут!

...Напряжение, связанное с боевыми действиями, спало. Стали вылезать "болячки", на которые раньше не обращал внимания. Опять начались боли под лопаткой. Если куда вызывали, старался ездить на лошади. Решил пойти в санбат. Сказали: у вас тяжелая болезнь сердца, ложитесь в госпиталь. На нашей базе, оказывается, был первоклассный военно-морской госпиталь. Пролежал в нем недели три. За несколько дней до выписки вечером стала пухнуть правая часть лица. За ночь я распух до неузнаваемости. Доктор, осмотревший меня, пошутил:

– Ну, молодой человек, оскандалились, – заболели детской болезнью, – свинкой.

Я сказал доктору, что у меня в этой части лица могут быть осколки. Он послал меня на рентген. Я оказался прав: немного ниже правого виска сидели три небольших осколка. Доктор, посмотрев снимок, решил подождать день-два. Если опухоль спадет, то ничего делать не надо. Через три дня опухоль прошла. После выписки меня послали в Дом отдыха Балтфлота. На прощанье лечивший меня доктор пошутил:

– Жить с вашими нервами можно. Но "дубом" вы уже не будете.

Он имел в виду мою нервную возбудимость, быструю реакцию на все изменения в окружающей обстановке.

– Да это не так уж плохо! – добавил он.

Дом отдыха был под Ленинградом. Я поехал туда поездом через Хельсинки. Пробыв там меньше недели из назначенных мне 24-х дней, решил попросить начальника дома отдыха отпустить меня на оставшиеся дни домой в Иваново. Он сказал, чтобы я обратился в часть. Еще через неделю я держал в руках разрешение командира полка Петра Андреевича Любимова!

...Почему-то не помню ни своего приезда домой в последних числах апреля, ни первых дней, проведенных в родном Иваново, – они слились в одно радостное мгновение. А может, потому, что отодвинула в сторону все личное другая – огромнейшая, всенародная радость: наступил день Великой Победы – 9 мая 1945 года!

Его приближений ясно чувствовалось с первых минут моего пребывания дома: радио сообщало новые радостные вести – бои шли в Берлине! Вражеские снаряды и пули еще уносили день за днем тысячи жизней. В первых числах мая в боях за Берлин погиб мой двоюродный брат Леонид Розов, ивановец, один из друзей моего детства. Запомнилось единственное – мысли о матери. Увидев ее глазами взрослого человека, я понял, насколько она добра и самоотверженна, почувствовал всю глубину ее любви ко мне. Она готова была отдать все, не требуя взамен ничего, наоборот, радуясь, что чем-то может помочь мне и близким.

Однажды утром она подошла испуганная и спросила:

– Ты не заболел? Ночью во сне ты жутко кричал: "Огонь! Огонь!" – и что-то еще, а потом ругался...

Что я мог ответить? Во сне часто возвращался на фронт и, просыпаясь от тяжких переживаний, благодарил судьбу, что это только снится. Что же касается ругани, то еще с сержантом Комаровым на Северо-Западном фронте договорились: ругаться не будем. Но из этого ничего не вышло. Только на Порккала-Удд удалось избавиться от мата. И вот – ночной рецидив...

Помню также, что в один из дней отец достал письмо от Левы, написанное им под Орлом, то самое, где рассказывается о танковом сражении. Отец хотел, чтобы я прочитал

его. Уже с первых строчек мне представился этот бой. Лева, как живой, вставал перед глазами. Стало невыносимо тяжело... Я возвратил отцу письмо недочитанным.

...День Победы! По радио с утра звучал ликующий голос Левитана, играла бодрая музыка, раздавались песни. "Наконец-то, – думал я, – кончилась последняя война человечества!" Так, во всяком случае, мне тогда казалось. В нашей семье этот великий день был радостным и горьким. Отец снова достал письма брата, безмолвно перебирал их. Одно протянул мне.

– Последнее... Леле...

Словами песенки, присланной сестре под Новый, 1944 год, брат словно предчувствовал близкую победу:

Скоро вражья смерть настанет,
И вернемся мы тогда домой.
В честь победы бал великий справим
В старом доме под родной Москвой!

Дорогой Лева! Как ты радовался бы сейчас вместе с нами! Почувствовав, что скоро не выдержу, я потащил всех в город. Везде на улицах было много народа. Кача-ли на руках военных. Лица людей светились радостью. А глаза были заполнены слезами от счастья, что война кончилась, и от горя по своим родным и близким.

ЭПИЛОГ

Когда отпуск подходил к концу, мне пришлось снова лечь в госпиталь. Стала постоянно болеть голова, нарушился сон, заболела правая верхняя часть груди под раненым плечом. Я пролежал около месяца. Меня выписали с ограничением II степени по состоянию здоровья и направили в запасной офицерский полк, стоявший под Москвой. В августе я был уволен в запас в связи с инвалидностью, полученной на фронте. Мне исполнилось двадцать четыре года. В пенсионной книжке стаж службы в армии был указан равным десяти годам: четыре года, проведенные на фронте, составили восемь лет. Как все демобилизуемые, я получил выходное пособие – около 5000 рублей. Государственные облигации сдал в фонд обороны, уходя из армии.

В Москве на Савеловском вокзале я увидел Суханова, комиссара моего дивизиона в 108-м ГАП. Он узнал меня. За пять минут, которые оставались у него до посадки в поезд, он коротко рассказал о боевом пути полка. За бои под Калинином и на Волге их всех наградили медалями "За оборону Москвы". Он записал мой адрес, сказав, что мне тоже положена медаль. Через месяц мне ее вручили в военкомате. Это была первая награда, которую получил уже после войны. Вторую получил позднее, когда уже ходил в штатском. Мне прислали орден Отечественной войны II степени. Награжден я был за бои под Ригой.

Еще в Иванове я узнал, что в Монино, под Москвой, живет Таня Чебаевская. Почему-то меня потянуло навестить ее. Приехав туда к вечеру, сначала зашел в привокзальный буфет и выпил полстакана водки. Не знаю, зачем я это сделал: предстоящая встреча меня совершенно не волновала, а водку даже на войне почти не пил, отдавал Мартынову. Таня была одна, муж ушел на ночное дежурство. Она угостила меня чаем. Мы вспомнили своих школьных товарищей. Володя Шерстунов не вернулся, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Вася Москвичев был в плену, бежал, снова воевал, получил медаль "За отвагу". Саша Бекенев погиб. Наш классный руководитель Василий Александрович Немиров, которого мы все очень любили, тоже погиб.

Вернулись Вова Паршин и я. Об остальных мы еще ничего не знали.

Таня очень изменилась – повзрослела. Когда я спросил, какой институт она окончила, то, грустно усмехнувшись, она сняла с этажерки толстую книгу и дала ее мне. На титульном листе была надпись: "Самой способной и самой ленивой студентке". Ниже стояла подпись

профессора, написавшего книгу. Таня рассказала, что через год после отъезда из Иванова она поступила в Московский энергетический институт на II курс. Сначала все ей казалось очень простым, и она, как всегда, не занималась. Но так продолжалось до экзаменов. На них она провалилась и ушла из института. Разговор наш не клеился. Я был готов слышать что угодно, но не это. В добавление ко всему заболела голова, как это часто случалось последнее время. Я сказал об этом Тане. Она приготовила мне постель на диване и, пожелав мне спокойной ночи, ушла в другую комнату. Воспоминания о наших одноклассниках, необычность встречи с Таней, с далеким школьным образом которой так много было связано, взбудоражили меня и всю ночь не давали покоя. Голова от полубессонной ночи еще больше отяжелела. Боль становилась нестерпимой. Утром я не стал завтракать, сказал, что спешу. Еще ночью решил, что попрощаюсь с Таней – ведь вчера был последний день моей службы в армии.

И сейчас, уходя, отстегнул измятые, выдавшие виды полевые погоны, снял их со своей гимнастерки и протянул Тане:

– Прощай!

Она взяла их и с болью в голосе спросила:

– Что ты собираешься делать дальше?

– Возвращаюсь к родным, их нельзя оставить одних. А что потом – не знаю...

– Счастливо, Боря!

Она крепко пожала мне руку, смотря прямо на меня широко открытыми глазами, сразу став похожей на ту Таню, к которой я заходил шесть лет назад вместе с Васей Москвичевым.

...Возвратившись в Иваново, стал думать, что мне – инвалиду II группы, делать дальше. Мечта об институте затерялась среди сражений и дорог войны. Я, как и многие мои сверстники, вернувшись с "полей смерти", считал, что дорога в институт закрыта. Из головы все выбито и вымолочено снарядами и пулями, нервы не в порядке, ничего не выйдет. Решил, что буду работать военруком в школе. А отец думал иначе. Ему очень хотелось, – мне он сказал об этом, – чтобы я поступил в энергоинститут, где учился Лева. Я понял: для отца будет нестерпимо больно, если не решусь идти по стопам Левы, и подал заявление в Ивановский энергетический институт имени В.И.Ленина на электромеханический факультет. Через несколько дней пришло извещение о зачислении. Я снова стал студентом! Мама перешила мне Левин костюм. Когда я облачился в него, непривычная гражданская одежда показалась настоящим балахоном. Первый день занятий стал праздником не столько для меня, сколько для отца и матери. Я вышел из дому, и отец, открыв окно, помахал мне рукой, хотел что-то сказать, но только улыбнулся. В первые же дни учебы стало ясно, что мои опасения не были напрасными. Я почти ничего не понимал на лекциях, особенно по математике, физике, химии – моим любимым в школе предметам. Часто, сидя дома за столом и читая в который раз учебник, я, разозлившись на свою неспособность запомнить прочитанное и тяжелую боль в голове, бросал ни в чем не повинную книгу в угол. Потом брал ее снова и читал текст еще и еще раз. Настойчивость, привитая армией, внимание к фронтовикам в институте помогли. Начал втягиваться в учебу. Боли в голове стали понемногу проходить. Со второго курса, как отличнику учебы и активному общественнику, мне назначили повышенную стипендию имени М.И.Калинина. Тепло родного дома, учеба, появившаяся семья, заслонили собой ужасы войны, влили в меня новые силы, постепенно возвратили меня к той жизни, которая была нарушена войной...

30 лет спустя после моего ранения под Житковичами я получил приглашение от райкома партии и райисполкома поехать туда. В моей памяти, связанной с военными событиями, сохранились неясные картины маленького белорусского местечка – несколько пыльных улиц, разрушенные дома... Когда я приехал в Житковичи, перед моими глазами одна за другой прошли оживленные, озелененные и чистые, с асфальтным покрытием, улицы. Перед зданием райкома – большая площадь с памятником В.И.Ленину. Радующие и гостеприимство, с которыми меня встретили, были беспримерными. Они проявлялись ежечасно, ежеминутно и повсеместно. В воскресенье утром все население города от

глубоких стариков до грудных детей было на площади.

Руководители города, бывшие партизаны, приехавшие на праздник ветераны, прошли к памятнику Вечной славы, возложили к его подножию венки и стали двумя шеренгами по обе стороны от него.

Праздничная демонстрация началась. Когда первые ряды демонстрантов стали приближаться к нам, заиграла музыка.

На трибуну поднялся парень:

Вспомним
всех поименно,
вместе с горем своим.
Это надо
не мертвым,
это надо живым!

Его громкий голос, усиленный громкоговорителями, разнесся по площади, по всем Житковичам и полетел дальше...

Он начал читать список воинов и партизан, погибших на территории района в годы Великой Отечественной войны. После первых прочитанных фамилий демонстранты склонили знамена, обнажили головы и под траурный марш пошли мимо памятника.

Читались фамилии, я потерял им счет, демонстранты шли и шли. И парень продолжал, не переставая:

– Рядовой... лейтенант... старшина... партизан...

Когда парень начал читать список, я решил, что он ограничится теми фамилиями, которые были высечены на мраморных плитах у памятника. Их было около двадцати. Но в списке только на букву "а" оказалось более двадцати фамилий. Мысли мои переमेжались со словами парня и перебивались траурной музыкой.

– Рядовой...

Здесь, в Белоруссии, никто не забыт, ничто не забыто.

– Рядовой...

Моя фамилия могла бы быть в списке тоже.

Поймет ли Коля²³ то, что видит? – Рядовой...

Левушка тоже не дошел до Победы.

Память о них будет вечной! Демонстранты проходят, опуская перед памятником знамена к земле, хранящей прах погибших. Склоняются головы. Снимаются шапки. Матери обнажают головы младенцам. Траурная музыка сжимает сердце. У ветерана, стоящего рядом, текут слезы, падая на боевые ордена... Волнующие, хватающие за душу, незабываемые минуты! Демонстранты собрались на стадионе громадной буквой П. Замыкала ее трибуна, на которую поднялись руководители района. Ветеранов провели в центр образовавшегося четырехугольника. Секретарь райкома представил каждого. Девушки надели им на грудь почетные красные ленты. Под торжественную маршевую музыку и аплодисменты присутствующих мы обошли стороны людского четырехугольника и поднялись на трибуну. Шли кто как мог – кто с палкой, кто опираясь друг на друга. Громко бились сердца, поднимались головы: эти торжественные и незабываемые минуты были самой высокой наградой, которую может получить человек в своей жизни, – они выражали любовь и признание народа!

...Тем же летом, когда был в Житковичах, я возвращался в Киев через Винницу на автомашине. За Винницей, увидев большой кемпинг, решил остановиться. Но кемпинг был

---

²³ Я приехал с младшим сыном.

весь забит иностранными туристами. Пришлось обогнуть его, чтобы расположиться где-нибудь сзади. За кемпингом начался редкий дубовый лес, чередовавшийся с небольшими полянами. Он скоро кончился, и перед нами открылось большое поле с одинокими деревьями, сплошь покрытое колючими, с желтыми цветами зарослями. Такого дикого разгула этого растения, презрительно называемого в народе чертополохом, я никогда не видел. Необычную картину дополняли видневшиеся то тут то там, разбросанные безжалостным взрывом остатки железобетонных конструкций, похожие на каких-то доисторических чудовищ со страшными клыкастыми мордами в виде бетонных глыб с торчащей из них искореженной железной арматурой. Картину завершали одиноко стоящие, покалеченные, умирающие старые деревья, похожие на плохо ободранные огромные колья, вбитые в землю каким-то фантастическим гигантом. Мимо нас проходила девочка, я спросил ее, что здесь было. Она не знала. А я начал догадываться. Здесь находилась ставка Гитлера – последнее волчье логово главного фашистского зверя. Искалеченная, перемешанная с бетонным щебнем земля теперь по-своему отомстила фашистам: над бывшим волчьим логовом, как символ презрения и забвения, вырос чертополох, словно выражая отношение природы к германскому фашизму. Поучительная картина! Особенно для тех, которые еще ждут чего-то на Западе и, глядишь, будут проезжать через этот кемпинг, путешествуя по нашей гостеприимной земле! А что стало с однополчанами?

Саша Ипполитов окончил институт, его здоровье поправилось, он вернулся в армию, из сержанта стал полковником, работал в Генеральном штабе Советской Армии, живет в Москве, Николай Мартынов вернулся в Ликино, на свой завод. Владимир Сармакешев стал главным врачом санатория "Металлург" сочинского курорта, почетный гражданин города Сочи, заслуженный врач РСФСР. Николай Портяной сменил военную специальность связиста на гражданскую, проектирует в одном из конструкторских бюро Риги. Бывший лихой разведчик Егор Черноголовый работает в Харьковском политехническом институте лаборантом, Юлия Сарычева – в одной из московских больниц. Константин Лосев – преподаватель военной академии в Ленинграде, полковник. Иван Новиков стал метеорологом, работает в далекой Туве.

Трудно начиналась послевоенная жизнь у Геннадия Беляева. После госпиталя он заболел ревматизмом, долго лечился на курортах. В Москве, где он стал жить, случайно встретился с Ипполитовым. Бывший сержант, окончивший к этому времени институт, убедил своего бывшего командира в необходимости учиться. Беляев кончил институт, стал работать в Моссовете, женился, вырастил прекрасную дочь. В апреле 1979 года однополчане вновь расстались с ним – теперь уже навсегда... Много трудился Алексей Михайлович Саксин – главный конструктор по проектированию металлорежущих станков, к его военным орденам добавился орден Трудового Красного Знамени. Константин Андреевич Абайханов – директор Ташкентского универмага. Николай Борисович Ивушкин защитил диссертацию, теперь он кандидат исторических наук. Написал две прекрасные книги о боевом пути стрелковых полков дивизии: "За все в ответе" и "Место твое впереди". Петр Николаевич Кудинов из артиллериста стал политработником. Он всегда был душой коллектива, где находился, а это и есть главное качество политработника. Вернулся к журналистике – своему давнему призванию. Тоже написал отличные книги: "Гаубицы ведут огонь", "Огненным мечом" о боевом пути нашего артиллерийского полка, полон творческих замыслов на будущее. Александр Данилович Новиков демобилизовался в звании полковника, живет в Минске, "командует" водным транспортом республики.

Для того, чтобы разыскать однополчан по 108-му ПАП, я решил написать в Краеведческий музей города Калинина. Ответ пришел неутешительный – о 108-м ПАП никто ничего не знал. И все-таки письмо сыграло свою роль!

Оно попало в руки Парахонскому! Он приехал в Калинин погостить у старшего сына, тоже отправился в музей и рассказал там об участии 108-го ПАП в боях за город, о разгроме аэродрома и боях зимой 1941-1942 г.- он-то знал о нашем полке много больше, чем я. Ему показали мое письмо.

Мы встретились в Киеве, куда Александр Филиппович приехал навестить своего второго сына. С вокзала он позвонил мне по телефону. Я узнал его по голосу. Ему незачем было называть фамилию. А он все расспрашивал меня, пытаясь, как мне показалось, убедиться, что я – это я. Сказав ему, что сейчас за ним приеду и – пусть не сомневается – отлично его помню и узнаю в лицо – я выскочил на улицу и поспешил к нему на первом попавшемся такси. Лицо его, действительно, со всеми деталями сохранилось в моей памяти, и я, конечно, узнал его! Он не так уж изменился, дорогой мой друг, тем более что рядом стояла живая копия отца в молодости – его младший сын. Но война не прошла даром. Часть головы и правый глаз закрывала черная повязка. В 42-м его тяжело ранило, и он тоже выбыл из полка...

Много интересного рассказал Александр Филиппович о судьбе однополчан. Командир 4-й батареи лейтенант Александр Семенович Сукомел, отличившийся при разгроме вражеского аэродрома под Калинином, был впоследствии тяжело ранен, лишился ноги. Сумел окончить институт, профессор, заведующий кафедрой в Московском энергетическом институте. Лейтенант Николай Алексеевич Городинский прошел с полком весь боевой путь. Был несколько раз ранен и контужен. За смелость и бесстрашие при выполнении заданий командования был многократно награжден орденами и медалями. Живет в городе Владимире, писатель. Старшина Семен Евгеньевич Косаговский вернулся из армии полным инвалидом: пробита голова, перебит позвоночник, повреждены ноги. Несмотря на тяжелейшее состояние, сумел возвратить себя к активной жизни, работал в московских партийных и советских организациях. Можно только удивляться тому, какой богатырский дух в тщедушном теле этого тяжело страдающего физически человека! Сержант-связист Иван Ларионович Зиненко стал председателем колхоза на Украине, депутат Верховного Совета СССР. Лейтенант Игорь Александрович Варягин был ранен, выбыл из полка, закончил войну в другой части. За отличия в боях был многократно награжден, вырос до полковника и, выйдя в отставку, живет и работает в Москве.

На встречах ветеранов выяснилось и то, во что обернулось для предателей Смирнова и Бокова желание спасти свою шкуру, изменив Родине в тяжелый для нее момент. Как они ни старались скрыть свое прошлое после войны, это им не удалось. За измену Родине, службу в гитлеровских войсках оба были преданы суду и получили должное возмездие. И полное забвение и презрение однополчан и всего советского народа.

Александр Филиппович Парахонский уже на пенсии. Поработал немало – и учителем и заведующим отделом народного образования в г. Черновцах. Сейчас живет в г. Феодосии.

Я был на встречах ветеранов 108-го ПАП и имел возможность увидеть и обнять дорогих фронтовых товарищей по первым дням и месяцам Великой Отечественной войны. Какое это ни с чем не сравнимое, великое и незабываемое счастье быть в строю однополчан-ветеранов, чувствовать, что они рядом и всегда тебе помогут в трудную минуту, как тогда, много лет назад, в годы военной жизни в окопах и блиндажах. У каждого ветерана за плечами уже целая жизнь с ее деяниями, заботами, успехами и тревогами.

Хочу выразить глубокую благодарность фронтовикам-однополчанам по 108-му артиллерийскому полку и 84-му артиллерийскому ордена Суворова III степени полку 55-й Краснознаменной Мозырской стрелковой дивизии, а также латышской писательнице Ингриде Николаевне Соколовой – соратнику по боям на Северо-Западном фронте. Без их помощи вряд ли появилась бы эта книга. Время, время! Ты не останавливаешься... Люди растут и, умножая дела и деяния поколений, идут вперед! Каждое поколение невольно связывает свою жизнь с событием, к которому оно наиболее причастно. За послевоенные годы получена атомная энергия, созданы быстродействующие цифровые вычислительные машины, началось освоение людьми космоса, сделано много других открытий. Фронтовики, оставшиеся в живых, много проработали после войны, восстанавливая и продвигая вперед народное хозяйство, науку и технику нашей страны. К боевым орденам у многих добавились ордена за труд. Кажется, и я не терял времени зря в эти годы и делал все, что мог, на пользу нашей Родины.

Мне очень нравится наука, которой занимаюсь – кибернетическая техника, ей я отдал вторую половину жизни. Она рождалась и росла на моих глазах, и когда-нибудь позже постараюсь рассказать, как это происходило. И все же для бывших фронтовиков определяющей, главной задачей жизни явилась борьба за победу в Великой Отечественной войне!

От имени тех, чья юность и возмужание проходили в годы суровых испытаний, и как ученому, но по-прежнему солдату Родины, мне хочется сказать: перед молодым поколением, растущим сейчас в нашей стране, стоит новая, трудная, великая по своим масштабам и последствиям задача – сохранить и обеспечить для Родины добытый мир. Для этого нужна еще одна победа – в научно-технической революции, творящейся в современном мире. Необходимо колоссальное напряжение сил всего советского народа, каждого человека. Труд и подвиг идут рядом! Так принимайте эстафету побед, молодые руки!

Будьте упорными в работе, счастливыми в любви, в выборе своих товарищей и друзей! И больше всего я хочу пожелать вам, чтобы та мысль, которая первой пришла мне в голову 9 мая 1945 года,- о том, что эта война должна быть последней, – из наивной мечты пришедшего с войны солдата стала явью вашего и всех будущих поколений!

Борис Малиновский "Путь солдата"

К: Рад.письменник, 1984. -192с

© Б.Н.Малиновский, 1984

Оригинал http://www.icfcst.kiev.ua/MUSEUM/TXT/malinovskiy_boris_put_soldata.pdf

© Б.Н.Малиновский, 1984